

3780

~~Box~~
32

y433

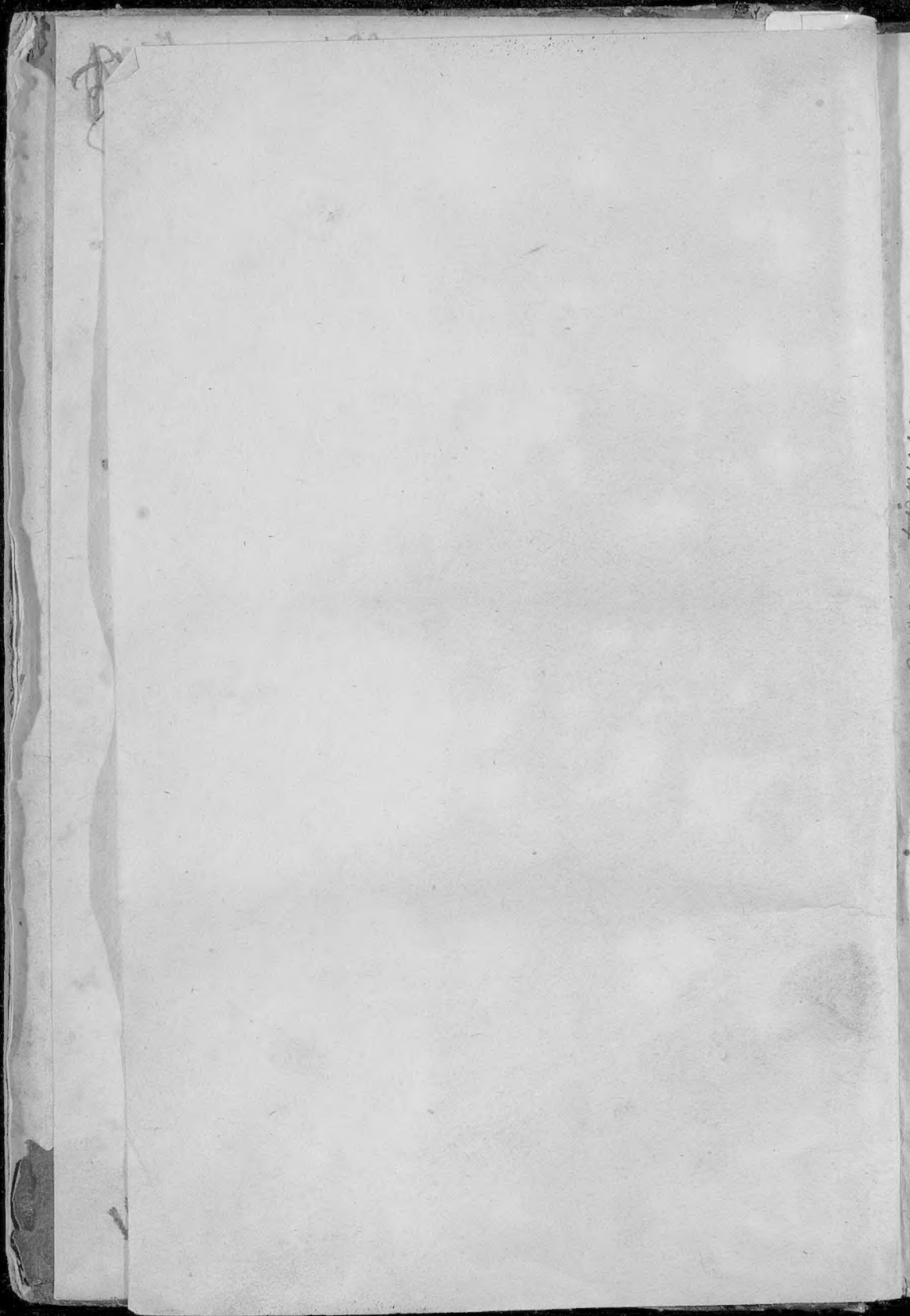

3780

4-23

X М. Н. Озерский. X

16598

В. Смирновъ

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

О
СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ СВОИХЪ ПРЕДКОВЪ,

собранныя И. Сахаровымъ.

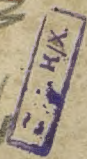
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание Второе.

САНКТІ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Гуттенберговой типографіи.

1857.

574447
80015-10848
37801-51008
к

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 26 дня, 1837 года.

Ценсоръ, Петръ Корсаковъ.

С Л О В О
КЪ РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

Въ исторіи Русскаго народа доселѣ изображали одну только Русь исторически общественную, забывая Русь семейную, можетъ быть, единственную въ жизни сѣверныхъ народовъ. Кто опишетъ намъ нашу жизнь? не ужели чужеземцы? Мы одни можемъ вѣрно изобразить свою жизнь, представить свой бытъ со всеми измѣненіями; этого Россія ожидаетъ только отъ Русскихъ. Ни одинъ чужеземецъ не пойметъ восторговъ нашей семейной жизни: они

не разогрѣютъ его воображенія, они не пробудятъ такихъ воспоминаній, какими наполняется Русская грудь, когда ея быть совершается во очію. Въ родныхъ напѣвахъ, которые такъ сладко говорятъ Русской душѣ о родинѣ и предкахъ; въ нашихъ сельскихъ думмахъ, которыя такъ умильно воспоминаютъ о горѣ дѣдовскомъ; въ нашихъ сказкахъ, которыя такъ утѣшно радуютъ Русскихъ дѣтей; въ нашихъ играхъ которымъ утѣшается молодежь послѣ тяжкихъ трудовъ; въ нашихъ свадьбахъ, въ которыхъ такъ рѣзко веселится пылкая душа мужающихъ поколѣній; въ суевѣрныхъ повѣріяхъ нашего народа, въ которыхъ отражается общая міровая жизнь — вмѣщается вся семейная Русская жизнь.

Напрасно думали, что только однѣ записи Лѣтописцевъ могутъ служить основаніемъ для исторіи Русскаго народа. Развѣ наши пѣсни, наши сказки, наши думы, наши повѣрія были выраженіемъ другихъ народовъ? Нѣтъ! Это все было въ нашей родной сторо-

нѣ, это все высказывалось нашими предками, и обо всемъ этомъ забываютъ говорить въ исторіяхъ Русскаго народа. Если бы чужеземецъ спросилъ: что амъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостію пригласили его на Русскія святки въ старинный боярскій домъ, и тамъ, указывая на разгулъ народныхъ фантазій, сказали бы ему: Вотъ ея памятники! Вотъ наша старая Русская жизнь! Было время, когда всемъ этимъ дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, какъ сокровище. Образованные Европейцы восхищались нашими пѣснями; но можно ли ихъ восторгъ сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они въ нашей народной поэзіи слышали только отголоски, вылетавшіе изъ восторженной души; но они не могли постигать нашихъ думъ, создаваемыхъ вдохновеніемъ и восторгомъ въ полномъ наслажденіи семейной жизни.

Много погибло на нашей родинѣ отечественныхъ преданій, драгоценныхъ

для исторіи, незабвенныхъ для потомства. Краса Русскихъ князей, врагъ неправды и злодѣевъ, витязь отважный, чудовѣкое — Мстиславъ Удамыйъ велича во красуется въ нашей исторіи и славится памятью въ думахъ народныхъ. Историки объ этихъ думахъ не знаютъ. Мы переводимъ вздорныя повѣсти, а не хотимъ вспомнить о думѣ: *Иванъ-Озеро*, думѣ неподражаемой. Какаятъ непостижимая сила сберегла для насъ памятники угаснувшей словесности: пѣснь о Полку Игоревомъ и сказаніе о Куликовской битвѣ. Если бы народныя думы были изданы, то вѣрно всѣ слова непонятныя въ пѣснѣ о Полку Игоревомъ сроднились бы съ нашими понятіями, и тогда, можетъ быть, постыдились говорить, что нашихъ Бояновъ не бывало, что эта пѣснь есть современное наше произведеніе.

Русскіе любили мѣста, гдѣ они родились, гдѣ жили предки, гдѣ стояли грудью за родину. Тамъ, въ звучныхъ словахъ славилась родина, славилась

хижина, славилась рѣка, близъ которой ликовалъ свою побѣду дѣдъ и пра-
дѣдъ. Рѣки: Волховъ, Москва, Волга,
Ока, Донъ, Дунай, Днѣпръ — не за-
быты Русскими. Широкое воображе-
ніе, олицетворивъ богатырскою отва-
гою побѣдные берега рѣкъ, произве-
ло прелестныя народныя созданія.
Такъ пѣсня о Донѣ имѣетъ свою не-
подражаемую оригинальность, свою
вѣковую самобытность, свою первобыт-
ную поэзію, свою исторію. Волховъ,
безмолвный свидѣтель великихъ собы-
тій, воскрешаетъ забытые народы. Ока
грустно припоминаетъ о набѣгахъ Та-
таръ, стѣсняетъ грудь пѣснопѣвца и
тяжелымъ звукомъ навѣваетъ бывшее
страданіе отчизны. Волга, утолявшая
жажду безчисленныхъ племенъ, на-
матна пѣснями и разбоями. Въ пѣсняхъ
Днѣпровскихъ славится дворъ вели-
каго Владиміра, его могучіе богаты-
ри, его отважные походы. Дунай го-
воритъ намъ о другихъ, забытыхъ Рус-
скихъ походахъ. Это все оглашается и
доселѣ въ разныхъ селеніяхъ; но объ
этомъ немного напечатано.

Не я первый принимаюсь за описание Русской семейной жизни; наши писатели своими изысканіями уже успѣли заслужить лестное одобреніе отъ соотечественниковъ. Много приготовлено Русскихъ изысканій; но еще болѣе представляется надеждъ въ будущемъ. *Русскія пословицы и Русскіе народныя Праздники*, собранныя неутомимымъ попеченіемъ И. М. Снегирева, составляютъ лучшее украшеніе нашей Археологій. Въ изданіи — *Русскихъ сказокъ, Русскихъ пѣсней, Славяно-Русской Мифологій* мы имѣемъ надежды на почтенныхъ изыскателей, Н. А. Полеваго, И. В. Киреевскаго, М. Н. Макарова, А. О. Вельтмана.

Въ сказаніяхъ Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ я помѣстилъ все то, что было собрано мною во время путешествія по губерніямъ Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. Въ эти счастливые дни моей жизни, изучая Русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во всѣ рассказы

поселянъ, съ тщательностію записывалъ всѣ народныя преданія и повѣрія, большаго частію со словъ самихъ рассказчиковъ. Изъ этихъ-то записокъ представляю на судъ Любезнымъ Соотечественникамъ *Сказанія Русскаго Народа*. Сознаюсь, что мои изысканія далеки отъ полноты, которая должна бы находиться въ этихъ собраніяхъ. Для этого надобно объѣхать всю Русскую землю и неустанные труды многихъ людей. Считая за тяжкой грѣхъ скрывать отъ просвѣщенныхъ Соотечичей всѣ собранныя мною преданія, представляю ихъ столько, сколько могъ собрать. Людямъ, знакомымъ съ этимъ родомъ занятій, извѣстны труды, необходимыя для подобныхъ собраній, а потому я не рѣшаюсь говорить о своихъ усиліяхъ и ежеминутныхъ препятствіяхъ, встрѣчавшихся мнѣ во время разъѣздовъ для собранія памятниковъ. Впрочемъ, о трудностяхъ, предстоявшихъ мнѣ въ собраніи полныхъ сказаній, я говорю не въ извиненіе своихъ недостатковъ*.

* Мыслящіе читатели не удивятся, что я, описывая предметы, которыхъ цельность сама собою бросается въ глаза всякаго образованнаго чловѣка, часто особенно обращаю вниманіе на эту

Благосклонное вниманіе къ моимъ трудамъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ доставило мнѣ возможность продолжать предпринимаемое изданіе своихъ изысканій. Съ надеждою на это вниманіе, распространяю планъ, и въ сказаніяхъ Русскаго народа будутъ представлены:

1. Сказанія Русскаго народа о Черноокнижцѣ.
2. Пѣсни Русскаго народа.
3. Сказанія о Русскихъ народныхъ Играхъ.
4. Сказанія о Свадьбахъ Русскаго народа.
5. Сказанія о семейныхъ Повѣртіяхъ Русскаго народа.
6. Сказанія о Демонологіи Русскаго народа.
7. Сказанія о Русской народной Символикѣ.

тельность. Есть классъ читателей, которымъ можетъ попасться въ руки моя книга и для которыхъ, очевидно, такіа оговорки будутъ необходимы.

8. Думы Русскаго народа.
9. Сказанія о врачебныхъ знаніяхъ Русскаго народа.
10. Исторія Русской народной литературы.

Священною обязанностию почитаю принести мою благодарность просвѣщеннымъ соотечественникамъ: Его Высочайшему Превосходительству А. Н. Оленину, Е. Е. Штадену, бывшему Тульскому Военному Губернатору, почтеннѣйшему П. О. Аѳремову, любителю древностей, П. А. Камаеву, опытному знатоку отечественныхъ древностей Н. П. Воейкову — снабжавшему меня совѣтами и рѣдкими книгами, А. Х. Востокову, Е. П. Воронцову-Вельяминову, князю В. О. Одоевскому — принявшему ревностное участіе въ изданіи моихъ собраній, В. Г. Анастасевичу, и А. В. Терещенко.

Изданіемъ Сказаній Русскаго народа исполняя обѣтъ данный любезной отчизнѣ, я осмѣливаюсь просить просвѣ-

щенныхъ Соотечественниковъ о справедливомъ замѣчаніи моихъ недостатковъ и объ указаніяхъ на другія, неизвѣстныя мнѣ Русскія повѣрія. Все, сказанное благонамѣренною критикою, я готовъ принять съ сердечною признательностію.

Иванъ Сахаровъ.

Санктпетербургъ.

1837 года, Апрѣля 20.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Слoвo къ Русскимъ людямъ.	Стран. I
Взглядъ на сказанія Русскаго народа о чернокнижнѣхъ: народныя повѣрїя; старыя записи; міровое чернокнижіе; основатели тайныхъ сказаній; прорицальщица; черная магія; Сивиллы; Кабалистика; гаданія; Русскія общественныя и семейныя понятія; дѣленіе Русскаго чернокнижія: Кудесничество, Чародѣйство, Знахарство, Ворожба.	
1	

Кудесничество.

Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полюбовнаго молодца.	53
— — красной дѣвицы о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.	55
— — отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.	56
— — охотинка на постановныхъ клятвахъ для зайцевъ.	58
— — на путь дороженьку	—

XII

	<i>Стран.</i>
Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки . . .	59
— — на укрощеніе злобныхъ сердець . . .	60
— — на посаженіе пчелъ въ улей . . .	61
— — на утиханіе крови . . .	62
— — отъ укушенія змѣи . . .	—
— — отъ ужаленія козюльки . . .	63
— — на отгнаніе черныхъ муріевъ . . .	63
— — отъ чересей . . .	64
— — отъ зубной скорби . . .	65
— — о томъ же . . .	—
— — о томъ же . . .	—
— — о томъ же . . .	66
— — отъ пицалей и стрѣлъ . . .	—
— — отъ ратныхъ орудій . . .	67
— — отъ пулъ свинцовыхъ, мѣдныхъ, камен- ныхъ . . .	68
— — на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь . . .	69
— — на карты . . .	70
— — отъ осы . . .	—
— — отъ заоя . . .	71
— — на остановленіе руды . . .	—
— — о томъ же . . .	—
— — о томъ же . . .	72
— — отъ лихорадки . . .	—
— — ратнаго человека, идущаго на войну . . .	73
— — о томъ же . . .	75
— — о томъ же . . .	76
— — о томъ же . . .	—

XIII

	<i>Стран.</i>
Заговоръ о томъ же.	78
— — о томъ же	79
— — о томъ же	80
— — молодца на любовь красной дѣвицы. .	81
— — отъ порѣза	82
— — отъ недуговъ.	—
— — на покраденную вещь	83
— — оборотня	—
— — для любви.	84
— — родимой матушки въ чаносной тоскѣ своей дитяти	85
— — красной дѣвицы отъ тоски.	86
— — полюбившаго молодца на любовь крас- ной дѣвицы	87
— — на воду.	89
— — островника на зеленую дубраву . . .	—
— — отъ лихаго человека	90
— — красной дѣвицы отъ недуговъ полюбив- шаго молодца	—
— — охотника на утокъ, гусей, тетеревей .	91
— — на любовь	—
— — отъ черной немочи	92
— — отъ бѣшеной собаки	93
— — отъ родимца.	93
— — молодухи отъ лютой бѣды.	—
— — красной дѣвицы отъ призороковъ . .	94
— — отъ колотья и болѣстей	95

	<i>Стран.</i>
Заговоръ на изгнаніе съ островника звѣрей и	
гадовъ.	96

ЧАРОДѢЙСТВО

Чары на вѣтеръ.	97
— на слѣдъ.	100
— для колѣктъ.	105
— на лошадей.	106
— на подтекъ.	107
— надъ змѣею.	109
— — лягушкою.	111
— — голубинымъ сердцемъ.	112
— — змѣями и лягушками.	114
Чародѣйскій травникъ.	116
Колока.	—
Адамова голова.	—
Прикрышъ.	117
Сонъ-травы.	—
Кочедыжникъ.	118
Тирличъ.	119
Разрывъ.	120
Плакушъ.	—
Нечуй вѣтеръ.	122
Заклинательная пѣсня Вѣдьмъ.	123
Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ.	124

XV

	<i>Стран.</i>
Пѣсня Вѣдьмъ на Лысой горѣ	126
Шабанная пѣсня Вѣдьмъ.	127
Пѣсня Вѣдьмъ на Роковомъ шабанѣ	—
Чародѣйская пѣсня Русалокъ	128
Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ.	129

ЗНАХАРЬСТВО.

Пчельное дѣло	131
Сбрызгиваніе.	134
Переполахъ	136
Соняшница	138
Открытіе колдуна	139
Стѣль	141
Съ глазу	143
Хлѣбная завязка	144
Зубы считать.	145
Куриная слѣпота	146
Морозъ	147
Неразмѣнный рубль	148
Кость невидимка	150
Свадебная поруха.	152
Вывѣдываніе жены	153
Размѣнный колпакъ	155
Вѣдьмино селеніе.	158

XVI

В О Р О Ж Б А .

	<i>Стран.</i>
Гаданіе на картахъ	161
— — — кофеъ	164
— — — псалтырь	165
— — — рышетъ	167
— — — янцахъ	168
— — — иглахъ	169
— — — воскъ	170
— — — свинцъ	171
— — въ зеркалѣ	172
— — курицею	174
— — на водѣ	176
— — — бобахъ	178
Святочныя гаданія	180

Д О П О Л Н Е Н І Я .

Книги Сивилъ; Русскіе списки; измеченіе изъ Румянцовскаго и Толстовскихъ списковъ	189
--	-----

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА
О ЧЕРНОКНИЖІИ.

ЧЕРНОКНИЖІЕ.

1. СКАЗАШЕ О КУДЕСНИЧЕСТВѢ.
2. СКАЗАШЕ О ЧАРОДѢЙСТВѢ.
3. СКАЗАШЕ О ЗНАХАРЬСТВѢ.
4. СКАЗАШЕ О ВОРОЖБѢ.

576001

ВЗГЛЯДЪ
НА СКАЗАНІЯ РУССКАГО НАРОДА
О ЧЕРНОКНИЖІИ.

Тайныя сказанія Русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни, и никогда не были мифіемъ общественнымъ, мифіемъ всѣхъ сословій народа. Вѣка и событія, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятіями. Но, въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ народныя сословія. Люди близкіе къ престолу, люди участвовавшіе въ служеніи Церкви, люди исполнявшіе общественныя должности по городамъ—болѣе всѣхъ обновлялись; люди промышленные уча-

ствовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятіями, но никогда не выходили изъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взгляните на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ? Онѣ одни и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ. Тамъ и здѣсь земледѣліе, тамъ и здѣсь сельская промышленность, тамъ и здѣсь повѣрія. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрія, противныя образу ихъ дѣйствованія; люди, остававшіеся въ неизмѣнной семейной жизни, никогда не измѣняли ни своихъ понятій, ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ рассказахъ поселянъ мы доселѣ слышимъ были о старой Русской семейной жизни.

Преданія Русскаго народа вмѣщаютъ въ себя всѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредныя слѣдствія. Представимъ здѣсь словесныя преданія простаго народа о тайныхъ сказаніяхъ Чернокнижія и старыя записи людей грамотныхъ.

Словесныя преданія Русскаго народа говорятъ, что люди, посвятившіе себя тайнымъ сказаніямъ Чернокнижія, отрѣкались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ людей наши предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Встарину олицетво-

рителей тайныхъ сказаній оглашали разными названіями. Однихъ величали: Кудесниками, Чародѣями, Вѣдунами, Колдунами; другихъ называли: Волхвами, Ворожеями, Знахарями, Докками. Но всѣ эти люди извѣстны были подъ общимъ именемъ: Чернокнижниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить этого отличія, какъ не можемъ сказать: въ чемъ заключалось Чернокнижіе нашихъ предковъ. Вѣроятно, время и обобщеніе всѣмъ сословіямъ умственного образованія изгладили изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселѣ еще хранитъ въ памяти преданіе о Чернокнижии, доселѣ еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о Чернокнижникахъ, наши поселенцы увѣряютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости. Заключая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, неписанную заговорами, чарами, обаяніями. Всякой Чернокнижникъ умирая, обязанъ передать эту книгу или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрія, неоспоримыя ни вѣками, ни людьми, повѣрія, что умершіе Чернокнижники приходятъ въ полночь, одѣтые въ бѣлые саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказываютъ еще, что эти полночные посѣтители шарятъ по всѣмъ

мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все, имъ предлагаемое. Другіе же напротивъ увѣряютъ, что они приходятъ къ дому, стучать въ двери и окна, истребляютъ всякой домашній скотъ, и, при пѣніи послѣднихъ пѣтуховъ, исчезаютъ. Родственники, выведенные изъ терпѣнія, выкапываютъ Чернокнужниковъ, кладутъ ихъ во гробъ ничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землею, гдѣ въ это время Дока шепчетъ заговоры, а родственники вбиваютъ осиновою колъ между плечами. Старики рассказываютъ, что когда-то одинъ удавый молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу послѣ Чародѣя. Во время чтенія явились къ нему черти съ требованіемъ работы. Сначала онъ имъ предлагалъ работы легкія, потомъ трудныя; но черти все являлись къ нему съ требованіемъ. Истомленный выдумками для отысканія работъ, онъ не находилъ болѣе чѣмъ бы ихъ занять. Неотвязчивые черти задушили удалаго молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, никто не смѣетъ приближаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа одни только Колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посылаютъ ихъ: вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слоновъ, поддерживающихъ землю.

Народъ никогда не любилъ Чернокнужниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародѣй бываетъ ли на свадьбѣ—онъ портитъ или жениха, или

невѣсту, или гостей. Видитъ ли Кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ — онъ портитъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поссорится ли Знахарь съ поселянкою — онъ присаживаетъ ей на носъ *кизу*. Обойдутъ ли Колдуна приглашеніемъ на свадьбу — онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжаетъ поѣздъ, и тогда свадьба сбивается съ толку. Испортитъ ли Вѣдунъ женщину — она лааетъ собачью, мяучитъ кошкою, и когда положить на нее запертой замокъ, она выкликаетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что порчи, произведенныя Чернокнижниками, бываютъ: временныя и вѣчныя. Временныя порчи отговариваются въ деревняхъ Доками, вѣчныя же остаются до конца жизни. Молва народная гласитъ, что Чародѣи могутъ испортить человека за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ-за пазухи змѣю или ужа, которые зализываютъ въ чрево, и тогда кликуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сѣрдце и лежитъ, какъ пирогъ. Чернокнижникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и ни кого самъ собою не портитъ. Все это дѣлается по просьбѣ людей враждующихъ, по нестыжливости молодежи, желающихъ навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухойгой, сливетъ напущенною. Въ этомъ случаѣ простолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотою, говорить: это не проста — здѣсь замѣшалась чер-

товщина. Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить—при взглядѣ на непросыпнаго пьяницу, записнаго игрока — это напущено. Кромѣ этого Чернокнижникамъ приписываютъ: обморочанье, узорочанье, обаяніе.

Обморочить, слово столь часто повторяемое въ Русскихъ избахъ, выражаетъ собою полное могущество Чернокнижника. Ясно простодушіе поселнина: обморочанье есть обманъ. Чародѣй, плънившись какою нибудь вещію, увѣряетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила. Какъ не повѣрить Чародѣю, знающему всю поддонную, видящему въ землю на семь пядей! Простодушій со страхомъ вручаетъ вещь, а Чародѣй навсегда остается полнымъ ея владѣтелемъ. И это значить обморочить. Такъ точно Цыгане успѣваютъ увѣрить поселняковъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелась мертвая мышь. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это значить то же обморочить. Въ народномъ разсказѣ сохранилось еще выраженіе, составленное изъ этого слова. Когда простолюдина увѣряютъ о предметъ противъ его понятія, онъ говоритъ: «Что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи Чародѣями, слова, выговариваемыя Кудесниками. Наши поселяне такъ вѣрятъ въ узорочанье, что никакими доказательствами не

можно ихъ переувѣрить. Дадутъ ли старухъ снадобья отъ лихорадки—она думаетъ, что узорчанье истребитъ ея болѣзнь. Привѣсятъ ли ей записку къ ладанкѣ—она увѣрена, что узорчанье спасетъ ее отъ всякаго колдовства.

Обаяніе есть чудесная сила, истекающая изъ Кудесника, приводящая въ недвижимость, въ страхъ и трепетъ всякаго человѣка. Воры обаяніемъ усыпляютъ хозяевъ, зажимаютъ рты собакамъ, смиряютъ свиней, утоляютъ ярость змѣй, усмиряютъ лошадей. Въ этомъ какъ-то печально сошлись наши поселенцы съ магнетизмомъ Месмера. Желательно знать: обаяніе ли прежде существовало, или магнетизмъ Месмера?

Разсказы бывалыхъ людей о существованіи Черной книги исполнены странныхъ нелѣпостей. Въ ихъ заповѣданныхъ разсказахъ мы слышимъ, что Черная книга хранилась на днѣ морскомъ, подъ горячимъ камнемъ Алатыремъ. Какой-то злой Чернокнижникъ, заключенный въ мѣдномъ городѣ, получилъ завѣтъ отъ старой Вѣдьмы отыскать эту книгу. Когда былъ разрушенъ мѣдный городъ, Чернокнижникъ, освободясь изъ плѣна, опустился въ море и досталъ Черную книгу. Съ тѣхъ поръ эта книга гуляетъ по бѣлому свѣту. Было когда-то время, въ которое Черную книгу заклали въ стѣны Сухаревой башни. Доселѣ еще не было ни одного Чернокнижника, который бы могъ достать Черную книгу изъ стѣнъ Су-

харевоѣ башни. Говорятъ, что она связана страшнымъ проклятіемъ на десять тысячъ лѣтъ.

Говоря о Черной книгѣ, наши поселенцы увѣряютъ, что въ ней содержатся чертовскія навожденія, писанныя волшебными знаками. Но наши предки XVI столѣтія знали подробности насъ, современниковъ. Они къ Черной книгѣ причисляли: *Рабли*, *Шестокрыль*, *Воропограй*, *Остролий*, *Зодій*, *Альманахъ*, *Звѣздогеты*, *Аристотелевы врата*. Мы ничего не можемъ сказать объ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ.

Вотъ образчики народныхъ преданій изъ Русскаго Чернокижія. Разматривая ихъ, каждый можетъ убѣдиться, что онъ всегда существовали подѣ покровительствомъ нечуждества. Скрываемыя въ семейной жизни, какъ заповѣданныя тайны, сказанія переживали вѣка и людей, и, осязаемыя чудеснымъ вымысломъ, успѣли обольстить простодушныхъ сердца.

Старыя записи грамотныхъ людей, дошедшія до нашихъ временъ, увѣряютъ насъ въ давности тайныхъ сказаній Русскаго Чернокижія. Они, какъ вѣковые памятники, указываютъ намъ на времена и обстоятельства, среди которыхъ являлись люди съ предразсудками и заблужденіями. Прочитаемъ эти записи.

«Лѣта 6632 (1124) восташа Волсви живіе въ Суздаля, избиваху старую чадь, бабы, по

діаволо поученію и бѣсованію, яко сїи держать
гобино и жито, и голодъ пуцають, и бѣ мятежъ
великъ, и гладъ по всей странѣ той, яко же мужу
своѣ жена даяти, да ю кормятъ себя челядиномъ.

«Прїиде Волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и прїишедъ
къ Кіеву (въ 1071 г.) глаголаше сице: повѣдая
людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру тещи на
вспїятъ, а землямъ прїити на пїналъ мѣста, яко
стати Греческой земли на Руской, а Руской на
Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, его
же невелигаси послушаху, вѣрїи же насмѣхавшася,
глаголюще: бѣсъ тобою играеть на пагубу тебѣ.
Се же и бысть ему; во едину убо пощъ бысть
безвѣсти. Бѣси бо, подтокше, на зло водятъ, по
семъ же смѣются, ввергши въ пропасть смерт-
ную, и научивше глаголати, яко се скажемъ
бѣсовское наученіе и дѣйство¹.

«Бывши бо единого скудости въ Ростовстей
области, воста два Волхва отъ Ярославля, гла-
голюще: яко мы свѣмы, кто обиліе держитъ. И
идоста по Волзѣ и прїидоста въ погость; ту луч-
шая жены наричуще, глаголюще: яко сїѣ жито
держитъ, а сїѣ медъ, а сїѣ рыбу, а сїѣ скору.
И привожаху къ нимъ сестры своѣ, и мать и
жена своѣ; они же въ мечтѣ прорѣзоваша имъ
за плечомъ, и вынимаѣа любо жито, любо рыбу,

1. Старыя записи взяты изъ летоп. Ростовской и Кєпиг. ру-
кописн. листъ 103, 105, 10³, 109.

любо бѣлку. И убиша мнози жены, имѣнія ихъ отнимаху за ся; и пріидоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нихъ нѣкихъ людей триста.

» Случися пріити отъ Святослава дань емлюще Яну сыну Вышатину, и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ и по Шексѣ погубили, и пришли еще сѣмо. Янъ же испытѣ, чьи естъ смерди; и увидѣвъ же Янъ яко князя сего, и посла къ нимъ, иже около его суть, и рече: выйдите Волхвовъ тѣхъ семо, яко смердіевъ князя моего и мои; они же сего не послушаша. Янъ же самъ поиде безъ оружія. И рѣша ему отроцы его: не ходи безъ оружія: изсоромятъ тя. Онъ же повелѣ взять оружіе отрокомъ, бѣста бо съ нимъ 12 отрокъ, и поиде къ нимъ по лѣсу; они же стаща, испочинившесѣ противу. Янъ же идущу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ три мужа и пріидоша къ Янъви, рекуще ему: видя, что идеши на смерть, не ходи. Янъви же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде; они же сунушасѣ на Яна, едний же грѣшишѣ топоромъ. Янъ же оборотѣ топоръ и удари тыльемъ, повелѣ отрокомъ своимъ съчи ихъ; они же побѣгоша въ лѣсъ; убиша же ту поппина Янева. Янъ же шедъ во градъ къ Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете Волхвовъ тѣхъ, не идѣте отъ васъ за лѣто. Бѣлозерцы же шедше, яша ихъ и приведоша ихъ къ Янъви. И

рече имъ Янъ: что ради толико погубиста человекъ? Онемъ же рекшимъ: яко ти держать обиліе; да аще истребимъ сихъ, да будетъ гоблина; и аще хоцеша, предъ тобою выемъ житю, или рыбу, или иное что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то есть: сотворилъ есть Богъ человека отъ земли, составленъ костями и жилами отъ крове, и шѣсть въ немъ ничто же, но токмо Богъ единъ вѣсть. Они же глаголаша: вѣмы, како есть сотворенъ человекъ. Янъ же рече: како? Они же реста: Богъ мывся въ мовнищѣ, и вспо-тѣвъ отреся вѣтхомъ и сверже съ небеси на землю; и расприся сатана съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человека. И сотвори діаволь человекъ, а Богъ душу въ онъ вложилъ; тѣмъ же аще умреть человекъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ. И рече имъ Янъ: по истинѣ прельстилъ есть васъ бѣсъ. Коему Богу вѣруете? И реша: Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть? Они же рѣкоша: сидитъ въ безднѣ. И рече имъ Янъ: то кій-то Богъ сидитъ въ безднѣ? той есть бѣсъ, а Богъ есть на небесѣхъ, сѣдитъ на престоли славимый отъ Ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще на нѣ зрѣти, а сихъ ангелъ сверженъ бысть за гордость съ небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть въ безднѣ, яко же вы того глаголете, ждуще, егда сндетъ Богъ съ небеси, сего Антихриста емъ, свлечетъ узами, и посадитъ въ огнь вѣчнемъ съ слугами его, иже къ нему вѣ-

рують; вамъ же и здѣ прїятн мѹка у меня и по смѣрти тамо. Опемъ же глаголющимъ: наши бози повѣдають: не можешн намъ сдѣлать ни чесо же. Онъ же рече имъ: живутъ вамъ бози ваши. Они же реша: намъ стати предъ Святославомъ въ Кіевѣ, а ты намъ не можешн сотворить ни чесо же. Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати брады ихъ. Симъ же бієннымъ и поторганымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ? Опемъ же глаголющимъ: стати намъ предъ Святославомъ. И повелѣ Янъ клѣпъ вложити во уста ихъ, и привязати ихъ ко упругу, и пустити предъ собою въ лоды, а самъ за ними поиде и стаѣна на усть Шексны. И рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши повѣдають? Они же реша: тако молвятъ бози наши — не быти намъ живымъ отъ тебѣ. И рече имъ Янъ: то вамъ право повѣдали. Они же рече: аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль прїимеши и зло. Янъ же рече: аще васъ пущу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убієнъ быеть отъ сихъ? Одни же реша: у меня мати; а другіе рече: у меня сестра, у меня жена. Янъ же рече имъ: метите своихъ. Они же поимше ихъ, биѣша и возвѣсѣша ихъ на дубъ, отмѣстїе прїимше отъ Бога и о правдѣ. Яневи же идушу во свояси, въ другую-жъ ночь медвѣдь възвѣзъ угрызѣ ихъ, и тако погнѣбоша напущенїемъ бѣсовскимъ. Инемъ вѣдуще и гла-

голюще: а своя погнѣбели не свѣдуще; аще быста вѣдали, не бы пришли на мѣсто се, идѣ же лѣта быти има; аще и лѣта быста, почто глагоста: не умрети нама, оному мыслящу убити я. Но се есть бѣсовское наущеніе; бѣси бо не вѣдаютъ мысли чловѣческія и тайны не свѣдуще; Богъ же единъ вѣсть помышленія чловѣческія; бѣси бо не вѣдаютъ ничто же; яко и се скажемъ о взорѣ ихъ, и о помощи и обмороченіи ихъ ¹.

«Ключися пѣкюему Новгородцу прѣидти въ Чудь, и прѣиде къ кудеснику, хотя волхвованій отъ него. Онъ же, по обычаю своему, хотя начати, и начатъ призывать бѣсы въ храмину свою. Новгородецъ же той сѣдъ на порогъ той храмины. Кудесникъ же лежаше, оцепенѣвъ и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣють прѣидти, ничто имати на себѣ, его же болятся. Онъ же вспомни на себѣ крестъ; и отшедъ, поставя крестъ, кромѣ храмины той. Онъ же начатъ призывать опять бѣсы; бѣсы же, метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть? По семъ же начатъ вопрошати его, его же поситъ на себѣ креста. Онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози болятся. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши жи-

1. Это единственный рассказъ, открывающій слѣды Русской Миеологии. Вѣрованіе Скандинавовъ живо отражается въ Кудесникахъ Ростовскихъ.

вуть въ безднахъ, суть же образомъ черны, и крылаты и хвосты имуще; восходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ, ваши-же Боги на небесѣхъ суть; да аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умретъ, то носимъ есть къ нашимъ богамъ въ бездну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ ждуще мукъ вѣчныхъ, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со ангелы. Сице бо есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельщаютъ челоѡки, веляще имъ глаголати видѣнїя, являющеся имъ, несвершеннымъ вѣрою, во снѣ, и немъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученїемъ бѣсовскимъ. Паче женами бѣсовская волшебенїя бывають; изкони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ многихъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравою и иными бѣсовскими бездами, но и мужи прельщены бывають невѣрїемъ отъ бѣсовъ, яко же се въ первые роды¹.

«Предивно бысть въ Полотскѣ, въ мечтѣ бываше въ пощи, стояше тутно по улицѣ, аки челоѡцы ринуще бѣсп. Аще кто вылезаше изъ хоромины, хотя видѣти, и уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умнраху, и не смѣяху излазити изъ хоромъ. И по

1. Ворожба Чудскаго Кудесника указываетъ прямо на Финское происхожденіе. См. Вѣст. Евр. 1823 г. № 13, стр. 4.

семъ во днѣхъ начаша являтися на конѣхъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако узвляху люди Полотскія и ихъ область, тѣмъ бо и челоуѣцы глаголаху: яко на лѣвѣ бѣють Полочаны».

Въ посланіяхъ Русскихъ Архипастырей находимъ ясныя доказательства о распространеніи въ простомъ народѣ тайныхъ сказаній. Приводимъ нѣкоторые указанія:

Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ Новгородскому Архіепископу Іоанну, въ 1410 году, писалъ: «учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни при-молвленія, ни зелія, ни вороженія, и гдѣ тако-выя лихіа бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали¹».

Новгородскій Архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ къ Нифонту, Епископу Суздальскому, говорилъ: «Уже нынѣ наругаются Христіанству: вьжуютъ кресты на вѣроны и на вѣроны... вѣронѣ летаетъ, а крестъ на немъ вьзанъ, древянъ... а на вѣронѣ крестъ мѣдянъ. Да привели ко мнѣ попа, да діакона, а они крестыяцину дали крестъ тѣльникъ: *древо плакуи*, да на крестѣ вьрѣзанъ соронъ... а христіанинъ дей съ тѣхъ мѣстъ учалъ сохнути, да не много болѣлъ, да умеръ²».

1. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, прим. 252.—2. Тамъ же, т. VI прим. 324.

Въ граматѣ Мисаила, Митрополита Бѣлого-родскаго и Оболенскаго, писанной въ 1673 году, къ Никодиму, архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря, сказано: «Да въ городѣхъ же и уѣздѣхъ мужескаго и женскаго полу бывають чародѣи и волхвованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ Волхвовъ и Чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхвованіе чинятъ, и отъ правовѣрія православныхъ Христіанъ отлучаютъ¹».

Въ Стоглавъ, составленномъ Московскимъ Соборомъ 1551 года, написано: «Нѣцыи не прямо тяжутся, и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на поли бѣются, и кровь проливають, и въ тѣ поры Волхвы и Чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бѣютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по ланитамъ глядають и смотрятъ днѣи и часовъ... и на тѣ чарованія надѣясь, поклебца и лбедникъ не мирятся, и крестъ цѣлуютъ, и на поли бѣются, и поклепавъ убиваетъ... Злыя ересѣи, кто знаетъ ихъ и держителѣ. Рафли, Шестокрыль, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздохетыи, Аристотель, Аристотелевы Врата и нынѣшныя коби бѣсовскія... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у се-

1. Русск. Вивліоо. II. А. Полеваго т. 1. стр. 29.

бя бы не держали и не чли... Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ наливкахъ бѣсовскіа потѣхи дѣять... Въ Великій Четвергъ по рапу салому палятъ и клнчуть мертвыхъ; нѣкоторіи же невелики поны въ в. ч. соль предъ престолъ кладутъ и до седьмага четверга по велицѣ дни тамъ держать, и ту отдаютъ на врачеваніе людямъ и скотомъ... По селомъ и волостемъ ходятъ живые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются С. Пятница и С. Анастасія, и заповѣдаютъ въ среду и пятокъ ручнаго дѣла не дѣлать, и женамъ не прѣсти, и платья не мыти, и каменія не разжигати¹».

Въ 1552 году, въ наказѣ, данномъ Беръсеневу и Тютину за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1554 года, сказано: «къ Волхвомъ бы и къ Чародѣемъ, и къ Звѣздохчетомъ волхвовати не ходили, и у поль бы (при судебныхъ поединкахъ) Чародѣи не были²».

Въ Псковской лѣтописи, подъ годомъ 1570 о Докторѣ Елисеѣ Бомеліи, записано: «прислаша Нѣмцы къ Іоанну Нѣмчина, лютого Волхва,

1. Въ Царскихъ предложеніяхъ, для рѣшенія которыхъ составленъ былъ Стоглавый Соборъ, были вопросы: 22 о колдованіи и гада-
ніи, 24 объ Ивановѣ днѣ, 25 о клнчѣхъ на Радуніцѣ, 26 о Четвер-
говой соли, 27 о ворожбѣ въ понедѣльникъ послѣ Петрова поста.
2. Издатели Законовъ В. К. Топ. В. и Судебника поместили
этотъ наказъ, подъ именемъ *выписи* 1552 г. на стр. 115.

варищаемаго Елисей, и бысть ему любимъ въ приближеніи и положи на Царя страхованіе... и конечнѣ былъ отвелъ Царя отъ вѣры; на Русскихъ людей возложилъ Царю свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи: понеже безбожніи узнали своими гадаѣи, что было имъ до конца разореннымъ быти; того ради такового злаго еретика и прислаша къ нему: понеже Русскіе люди прелестѣи и падки на волхвованіе¹».

Въ книгѣ: *ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*, изданной въ Москвѣ 1647 года, сказано: «а на заказанныхъ едольскія мѣры и на вѣдовство не надѣяться, и отъ оружія, и отъ поколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ діавола есть²».

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, лихась первой своей супруги Анастасіи, вѣрилъ, что она померла отъ чародѣйства, Такъ онъ объ этомъ говорилъ Литовскому посланнику Воробью въ 1572 году³; такъ объ этомъ писалъ онъ и къ Курбскому: «А съ женою меня вы по что разлучили?⁴». Курбскій въ своей исторіи князя великаго Московскаго пишетъ: «тогда царевнѣ жена умре: они (кѣветники) же рѣша аки бы очаровали ее мужи. Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ⁵». Кѣветники

1. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, прим. 268.—2. Моск. Телегр. 1833 г. ч. 52, стр. 311.—3. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 216.

4. Сказ. Курб. ч. 11, стр. 112.—5. Сказ. Курб. т. 1. стр. 101.

Спльвестра и Адашева говорили Царю: «аще припустиши къ себѣ на очи, очаруютъ теби и дѣтей твоихъ... Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебѣ Государя... держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ... а то творили они своими чаровствами, аки очи твои закрывающе¹». Въ 1572 году Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди чародѣйствомъ, вторую отравили, третью испортили злою отравою².

Князь Курбскій, говоря о князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, записалъ: Василій съ законопреступною женою, юною сущемою, самъ старъ будучи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да могутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филія: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студянаго моря), и оттуда привожаху ихъ къ нему... Яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, а иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь³». Разсказывая о Казан-

1. Сказ. Курб. т. 1, стр. 102.—2. Ист. Рос. Рос. Кар. т. IX, стр. 194.—3. Сказ. Курб. т. 1, стр. 155.

ской осадѣ 1552 года, онъ вписалъ: «Вкратцѣ еще вспомнати достоитъ, яко Татары на войско Христіанское чары творили и великую пловію наводили: яко скоро по облежаніи града, егда солнце начнетъ восходить, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіати сатанинскія слова, маиуще одеждами своими на войско наше и вертящися не благочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такіъ дождь, и сухія мѣста въ благо обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точно было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, по точію по естеству аера случашеся¹». Говоря о Московскомъ пожарѣ, Царь вспоминалъ Курбскому: «наши измѣнники болре паустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будго матери нашей мати, княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми сердца челоуѣческаго вынимали и таковымъ Чародѣйствомъ Москву попалили²».

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергѣевича Матвеева Царю Осодору Алексѣевичу, что онъ съ Докторомъ Стефаномъ чинитъ Черную книгу, и что Николай Спосфарій обучаетъ его и сына Чернокнижію. Доносчиками были: Карла Захарко и лекарь Берло. Объ этомъ Матвеевъ писалъ въ своей челобитной

1. Сказ. Курб. т. 1, стр. 53.—2. Сказ. кн. Курб. т. II, стр. 53.

1677 года къ Царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаномъ Докторомъ чли Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Доктору Стефану, тѣ нечистые души въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ третій человекъ... А та де Черная книга въ полдестѣ, а толщиною въ пальца три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего, и сынишка моего, Андрюшку, Николай Спофарій¹». Въ послѣдствіе открылось, что бояринъ Матвеевъ читалъ лечебникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствованіе Михайла Ѳеодоровича, говоритъ бояринъ Матвеевъ, на боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинуто письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣетъ перстень волшебный думнаго дьяка Ивана Граматина. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бояринъ Семѣнъ Лукьяновичъ Стрешневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе въ Вологду.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старыя записи граматныхъ людей², и во всемъ этомъ мы извѣдали, что думаютъ теперь наши современ-

1. Ист. о Зат. Болр. Матв. стр. 11, 161, 162.—2. Очень многого о Чернокнижии мы не помѣстили здѣсь: одиѣ свидѣнія оставлены нами потому, что еще будетъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говорить за излишествомъ.

ники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ Русскаго Чернокижія. Теперь убѣдившись во всемъ этомъ, какъ въ бываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: не уже ли это есть порожденіе думъ Русскаго народа? не ужели все это создавалось въ Русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ, будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: Русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ созданій; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго Чернокижія въ свою семейную жизнь. Никогда на Русской землѣ не создавались тайныя сказанія; она, какъ часть вселенной, вмѣщала въ себѣ только людей, усвоившихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идее убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованіе всеобщаго міроваго Чернокижія. Для достовѣрности этого предположенія, мы присоскабливаемъ историческіе факты, объясняющіе переходеніе тайныхъ міровыхъ сказаній въ Русское Чернокижіе. Здѣсь открывается очевидное сходство.

Всеобщее міровое Чернокижіе принадлежитъ первымъ вѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основныя идеи для творенія этихъ сказаній выговорилъ впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь на Востокъ. Тамъ народы, создавая идеи для мнѣй, думы для

тайныхъ сказаній, рассказы о бываломъ для повѣрій, олицетворяли ихъ видѣніями. Въ этихъ видѣніяхъ существовалъ бытъ Религіозный, Политическій, Гражданскій. Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами. Міръ древній пришелъ, народовъ, составлявшихъ его бытіе, мы не видимъ; но предъ нами остались ихъ мнѣя, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ; онъ, какъ усыновленный наслѣдникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженіе наслѣдственнаго достоянія, пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духъ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію; но принялъ основныя мысли, восхищавшія его воображеніе, льстившія его слабости.

Мнѣя, перешедшіе въ новый міръ образовали Демонологію, столько разнообразную, столько разнovidную, сколько разноплеменные были народы, сколько разнovidны были ихъ олицетворенія. Ни дѣями, ни годами, но вѣками усвоивались мнѣя древней жизни грядущимъ поколѣніямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ нимъ, чего не доставало для его вѣрованія. Изъ этихъ-то усвоеній и дополненій составились: Мнѣологія и Символика. Мнѣологія древнихъ людей осязлась предметами Божественными, предметами олицетворенными по

волѣ каждого человѣка. Символика отпечатлевалась знаменіями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ страшился. Предметы, выражаемые въ Символикѣ непостижимостію и боязнію, заключали въ себѣ понятія о природѣ. Изъ думъ древняго міра составилось Чернокижіе въ отдѣльных видахъ Кудесничества, Чародѣйства, Знахарства, Ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разказы о бываломъ образовали повѣрія, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленія. Въ народныхъ повѣріяхъ мы узнаемъ семейную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанія древняго міра осуществлялись людьми, означенными безчисленными названіями. Эти люди, какъ образователи, свои устанавливаемые таинства облакали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена Санскритскія утверждаютъ насъ, что Индія есть отчизна тайныхъ сказаній, первородный идеалъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Избранные люди Египта и Персіи, посѣщая Индію, изучили тамъ тайныя сказанія, и, возвращаясь на свою родину, высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Греція подслушала всѣ эти сказанія передала Риму и грядущимъ поколѣніямъ.

Осматривая тайныя сказанія этихъ странъ, мы

встрѣчаемъ въ каждой изъ нихъ своихъ образователей, свои прорицалища, свои чернокнижія, свои гаданія.

Образователи тайныхъ сказаній въ древнемъ мірѣ существовали отдѣльными кастами, имѣвшими разные названія. Таковы были: Астрологи, Аугуры, Прогностики, Мистагоги, Сортилеги, Гарусеки, Пнеониссы.

Астрологи, облачаемые названіями Халдеевъ, Математиковъ, Волхвовъ почитаются старѣйшими въ образованіи Чернокнижія. Наблюдая, теченіе планетъ и созвѣздій, они предсказывали разные событія въ государствахъ и домашнемъ быту. Ефемериды—твореніе Астрологовъ—вмѣщали въ себя описанія извѣстныхъ переменъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣріе, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ Чернокнижіе; но теперь оно, съ открытіемъ Санскритскихъ писемъ, уничтожается.

Въ Русскую землю перешли Астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темныя намеки о вліяніи планетъ на судьбу человѣка. Въ 1584 году Лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ этихъ

словъ онъ велѣлъ собирать Астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собравшіе тогда въ Москву числомъ до 60, предрекли изъ явленій сей кометы Царскую смерть¹.

Эта записъ и сказанія Курбскаго о совѣщаніи князя Василія Іоанновича съ Волхвами открываютъ намъ, что Астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи, и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометы, досель еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и Русская народная Символика есть порожденіе Астрологовъ.

Авгуры, птицеволшебствующие, предсказывали будущее изъ явленій молній и грома, изъ крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики вѣропа, воробьи, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полетъ орла, коршуна рѣшала походы; клеваніе зеренъ курами управляло военными усиліями. Авгурологія перешла въ Русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся вѣропа и воробьи, страшатся пѣнія курицы; еще и досель въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицами.

Прогностики разсѣяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Епименидъ Критскій, Аварисъ Скиѣскій, Эмпедоклъ Агригентскій были тамъ лучшими Прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій при-

1. Ист. Гос. Рос. К. т. IX, стр. 328.

роды. Счастіе и несчастіе семейной жизни объяснялось снами, возрѣніемъ животныхъ, звономъ въ ушахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія Прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе Прогностиковъ вѣдрилось въ Русскую семейную жизнь издревль, и продолжается досель. Простолудннъ, объясняя приметы по ученію Прогностиковъ, и не помышляетъ, что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

Мистагоги, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли Аѳинянамъ таинственныя ученія въ святилищѣ Цереры, при явленіи странныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки Русскаго селянина посятъ на себѣ отпечатокъ ученія Мистагоговъ. Люди бывалые, рассказывая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

Сортилеги, люди, гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія Сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняли урну водою, клали въ нее дощечки, исписанныя знаками, и потомъ вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумагъ, исписанные отборными стихами.

Гаданіе Сортилеговъ досель производится въ Русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мір-

ской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣвушекъ. Старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Галстунскаго.

Гаруспеки, гадавшіе по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Ученіе Гаруспековъ мало извѣстно Русскимъ Чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе Кудесниковъ къ печени, вниманіе Знахарей къ дыму заставляетъ подозревать, что и оно когда-то было извѣстно въ Русской землѣ.

Πιθωνισсы — Θεσσαλійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ Θεσσαλίи, заворачивали угрызеніе скорпіоновъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и низводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское чародѣйство составилось изъ преданій Θεσσαλійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

Прорицалища древняго міра изрѣкали людямъ будущее, предсказывали въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфіарая, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженное со всѣхъ сторонъ песчаными степями, орошалось прозрачными водами источника солища. Кумиръ, вылитый изъ мѣди, украшенный драгоценными каменьями, выносился въ рощу, гдѣ отвѣчалъ вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось надъ страстями людей многіе вѣки, но во время Страбона оно ослабѣвало, а при Плутархѣ ему уже никто не вѣрилъ.

Мы не въ состояніи рѣшить труднаго вопроса: прорицалище Аммона имѣло ли вліяніе на Русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишаясь довѣрія къ вѣрованіямъ древней жизни, исчезло тогда, когда еще не началась Русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіарая находилось на границахъ Віотін и Аттики. Тамъ Амфіарай являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтитъ, что вліяніе Амфіарая достигло и Русской земли? Явленіе во снѣ суженаго - ряженаго, указывающаго простодушной дѣвушкѣ на свою судьбу, носить на себѣ отпечатокъ вѣрованія Віотіанъ.

Оракулъ Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Пивійскаго, находился въ Віотійскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говаривали Греческіе историки. Въ Дельфахъ

былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣланный изъ лавровыхъ вѣтвей, Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ. Пнѳѳ, возводимая жрецами на треножникъ, окуриваемая одуряющими растѣніями, въ бѣшенствѣ произносила вѣщательныя слова. Оракулъ Дельфійскій существовалъ двадцать вѣковъ и упалъ тогда, когда Христіанская Религія открыла народамъ небесныя истины.

Мы ни чего не можемъ сказать рѣшительнаго о вліяніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь Русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ Энирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томарн. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческій дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя близъ пророческаго дуба, онѣ вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; также приходя къ источнику, внимали звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нимъ разгадывали.

Понятіе Русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселѣ сохраняется въ семейныхъ преданіяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это вліяніе Додонскаго оракула, рѣшить трудно.

Трофоніева пещера находилась близъ Ливадіи. Въ храмѣ, построенномъ среди роуи, стоялъ истуканъ, въ видѣ Ескулапіа. Изъ мрачной пещеры, наполненной звѣрями и гадами, оглашаемой воплемъ и стономъ мужей и жепъ, отвѣчали жрецы приходящимъ въ храмъ.

Намъ не извѣстно, было ли какое вліяніе на Русскую землю изъ повѣрій Трофоніевой пещеры.

Чернокнижія древняго міра сохранялись въ письменныхъ памятникахъ. Народъ, благоговѣя къ нимъ, не смѣлъ читать ни одного тайнаго сказанія. Это право предоставлено было жрецамъ и людямъ избраннымъ, соображавшимся съ ними для рѣшенія судьбы и дѣлъ. Таковы были: Черная Магія, Сивилинны книги, книги Орфея и Музея, Кабалистика.

Сказанія о Черной Магіи столь древни, что нѣтъ ни какой возможности открыть ихъ первоначальное происхожденіе. Мы встрѣчаемъ Магиковъ въ началѣ всѣхъ исторій, и вліяніе ихъ продолжалось до распространенія умственнаго образованія. Говорятъ, что она существовала отъ начала міра и сохранена при потопѣ Хамомъ въ камнѣ. Сынъ Хамовъ, извѣстный подъ названіями: у однихъ Мизранма, у другихъ Зороастра, у третьихъ Гермеса, по преданію своего отца, нашелъ послѣ потопа скрытую книгу его отцомъ. Книги этой теперь болѣе не существуютъ: она когда-то была истреблена не-

беснымъ огнемъ. Вѣрованіе въ бытіе Черной Магіи существовало на Востокъ въ тайныхъ сказаніяхъ. Сосредоточіе Магиковъ находилось въ Египтѣ, гдѣ Фараоны, окруженные Магиками, производили ложныя чудеса. Орфей изъ Египта перенесъ ихъ въ Грецію, измѣнившій тайныя сказанія въ Оргію и Саббатство. Въ семейной жизни Русскаго народа Черная Магія извѣстна подъ именемъ Чернокушжія. Напрасно мы будемъ вопрошать вѣка и людей о переселеніи тайныхъ сказаній въ наше отечество. Темныя намеки нашихъ поселянъ о бытіи Чернокушжія состоятъ въ томъ, что она писана непонятными письмами, что она когда-то закладена была въ Сухареву башню. Въ современной нашей жизни, мы едва встрѣчаемъ людей, бесѣдующихъ о предметахъ, заключающихся въ Чернокушжіи; но предки наши говорили объ этомъ яснѣе; они даже знали нѣкоторые названія этимъ сказаніямъ. Такъ онѣ ичисляемы въ Стоглавъ.

Книги Сивиллы хранились въ рукахъ женщинъ-Сивиллъ, имѣвшихъ даръ прорицать и открывать волю боговъ. Въ древнемъ мірѣ считалось всѣхъ Сивиллъ 12. Ичисляемъ ихъ:

I. Сивилла Персидская, называвшаяся Самбетой, невѣсткою Ноевою, пророчествовала двумясмысленными стихами изъ своей книги.

II. Сивилла Ливійская путешествовала въ Самосѣ и Дельфахъ, и, какъ говорятъ, упрекала людей въ идолослуженіи.

III. Сивилла Дельфійская, находившаяся въ Храмѣ Дельфійскомъ, по сказанію Діодора первая получила имя Сивиллы. Ученые говорятъ, что Гомеръ извлекъ изъ ея прорицаній нѣкоторыя мысли.

IV. Сивилла Эритрейская, предсказывала паденіе Трои, и, по увѣренію Евсевія и Св. Августина, ей были извѣстны книги Моисея.

V. Сивилла Киммерійская.

VI. Сивилла Самосская.

VII. Сивилла Кумская, по имени Деифоба, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, имѣла свое пребываніе въ Кумѣ. Говорятъ, что ея отцемъ былъ Апполоній, а мать Главка. Эта Сивилла продала часть своихъ книгъ Тарквинію Гордому. Въ Римѣ сохранялись онѣ въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, подъ землею, въ каменной урнѣ. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись съ ними въ сомнительныхъ случаяхъ Государства. Во время сожженія Капитоліи сгорѣли и Сивиллины книги. Послѣ этого отправляемы были послы по разнымъ мѣстамъ для собранія Сивиллиныхъ изрѣченій, которыя Августъ положилъ у подножія Апполона Палатинскаго.

VIII. Сивилла Геллесπονтская предсказывала во времена Солона и Креза.

IX. Сивилла Фригійская путешествовала съ своими предсказаніями въ Анкиѣ и Галатіѣ.

X. Сивилла Тибюринская или Альбюнейская была обожаема въ Тибурѣ.

XI. Сивилла Эпирская.

XII. Сивилла Египетская.

Въ Русскомъ Чернокнижїи не находимъ народныхъ преданій о книгахъ Сивиллы; но въ нашихъ архивахъ сохранились письменныя книги. Впрочемъ, грамотные люди занимались чтеніемъ этихъ прорицаній¹.

Книги Орфея и Музея содержали въ себѣ заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣи. Орфей, изобрѣтатель Саббатства, учредитель Оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцея, занмествовалъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіанъ и Аполлодоръ утверждаютъ, что книги Орфея состоятъ изъ гимновъ.

Русское Кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на все возможные случаи, показываетъ какое-то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ Кудесниковъ воспѣваютъ объ одной только семейной жизни.

Кабалистика. Знаніе, созданное Евреями для открытія таинственнаго смысла, состояло въ искусствѣ разлагать слова и въ способъ производить чудеса этими словами, произносилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намекъ въ Чернокнижїи о присвоеніи кабалистическаго знанія Знахарями. Такъ мы видимъ въ рукахъ Знахарей непонятныя слова отъ лихорадокъ, отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ.

1. Смотри въ концѣ этой книги особое дополненіе.

Гаданія древняго міра, разъяснившія по вѣмъ мѣстамъ, образовали изъ себя 12 отдѣльных таинствъ. Вліяніе каждаго изъ нихъ доселѣ еще отражается на нашу семейную жизнь. Приступимъ къ описанію гаданій:

Антропомантия содержала въ себѣ таинственное прорицаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго. Римскіе Императоры, Эліогабалъ и Іуліанъ, занимались этимъ гаданіемъ.

Русскій народъ никогда не касается до внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судитъ только умершаго по наружному цвѣту и положенію тѣла. Человѣкъ, умершій въ судорогахъ и спазмахъ, клялъ неизгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

Аеромантия объясняла будущія событія изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ Русской Символикѣ Аеромантия отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ, доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого нибудь человѣка. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старики рассказываютъ о бываломъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мифѣ основано уваженіе поселянъ къ камню: Башъ и Башиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уѣздѣ?

Гидромантия основывалась на предсказаніи будущаго по движенію и цвѣту воды.

Въ Русскомъ Чернокижій водогаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду для открытія похитителя вещей, вмѣняется въ необходимость всякому Знахарю.

Гонтія совершалась призываніемъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызыванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный Чародѣй можетъ вызвать тѣнь умершаго.

Дактиломантія. Гаданіе, производившееся посредствомъ кольца для узнанія враговъ. Кольцо, повѣшенное на шнѣкъ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Дактиломантія перешла и въ Русское Чернокижіе, только съ измѣненіемъ. Наши Чародѣи берутъ какое-то змѣиное кольцо, вѣшаютъ его на женскомъ волосѣ и дожидаются, какъ его будетъ качать вѣтеръ; куда кольцо будетъ болѣе дѣлать наклоненій, тамъ живетъ колдунъ, очаровавшій страдальца, о которомъ гадаютъ.

Капномантія. Гаданіе, извлекаемое изъ жертвеннаго дыма, объяснялось жрецами народу при начатіи дѣла.

Въ Русской Символикѣ это гаданіе осталось со многими измѣненіями. Наши поселяне по дыму узнаютъ погоду и дымомъ истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

Катоптромантія. Гаданіе, производимое зеркаломъ, разрѣшало окончаніе болѣзни.

Въ Русскомъ Чернокижии зеркалогаданіе употребляется для многихъ случаевъ. Наши поселяне и горожане гадаютъ въ зеркаль о супруженіи, жизни и смерти отсутствующаго.

Керомантія. Гаданіе воскомъ составляло доброе и худое предзнаменованіе.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ дѣвушки льютъ воскъ въ воду для узнанія своей судьбы.

Клеромантія. Гаданіе, основанное на метаніи шариковъ, рѣшало дѣла и называлось по жребію.

Гаданіе по жребію такъ усвоилось Русской семейной жизни, что народъ всегда прибѣгаетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

Леканомантія. Гаданіе, производившееся надъ водою, рѣшало участь людей. Гадатель клалъ въ сосудъ, наполненный водою, драгоценныя камни, тоненькія золотыя и серебряныя дощечки, съ изображеніемъ знаковъ, и читалъ заговоры. Изъ воды выходилъ тихій звукъ, подобный шипѣнію змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ Чернокижии Русскомъ сохранились многіе обряды водогаданія. Такъ наши Знахари, кидая въ воду уголь, замѣчаютъ: кипитъ ли вода?

Ливаномантія. Гаданіе, извлекаемое изъ куренія благовонныхъ смолъ, заключало въ себѣ рѣшеніе на благопріятныя и худыя ожиданія.

Въ Русскихъ суевѣрныхъ повѣріяхъ смолы замѣнились ладаномъ и народъ прибѣгаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

Метеоромантія. Гаданіе производилось объясненіемъ воздушныхъ явленій, особливо грома и молніи.

Слѣды Метеоромантіи сохранились въ Русской Символикѣ съ присовокупленіемъ разныхъ сказаній. Такъ, дѣвица или женщина, услышавши весною въ первый разъ громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, предполагая, что умываніе въ это время водою можетъ придать лучшій цвѣтъ ея лицу. Такъ, поселянинъ изъ многократнаго появленія въ лѣтнее время грома предполагаетъ, что его домашній скотъ можетъ безопасно бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ змѣями.

Мышмантія. Гаданіе, предсказывающее будущее, основывалось на крикѣ и прожорствѣ мышей и крысъ. Было время, когда Римъ трепеталъ отъ крика этихъ животныхъ.

Въ Русскихъ селеніяхъ появленіе мышей всегда угрожаетъ бѣдствіями. Платье поселянина, изгрызенное мышами, предвѣщаетъ ему бѣду неминуемую. При началѣ весны мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ тоску на крестьянина о неурожаѣ.

Некромантия производилась очарованіемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ Русскомъ Черноknижии существуетъ только одно повѣріе объ этомъ гаданіи. Наши Чародѣи, не смотря на свою дерзость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ мертвыхъ людей.

Опихомантия составляла гаданіе по ногтямъ. Гадатели натирали ногти мальчикамъ деревяннымъ масломъ и сажею, и заставляли держать ихъ предъ солнцемъ. Появившіяся изображенія разрѣшали гаданіе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ обновы — бѣлыя пятнушки, являющіяся въ срединѣ и на краяхъ ногтей, судятъ по цвѣту ногтей о жизни, здоровьѣ и болѣзни человека.

Ооскопия разгадывала изображенія на лицѣ, по желанію беременныхъ женщинъ для узнаванія, что онѣ родятъ?

Въ Русской жизни это гаданіе доселѣ существуетъ. Беременная женщина вынимаетъ изъ подъ наряда лицо, разбиваетъ, смотритъ какого пола зародышъ, такого же долженъ быть и будущій дитя.

Психомантия. Гаданіе, основанное на призываніи тѣней умершихъ людей, составляло одно таинство съ Некромантиею.

Тератоскопия составляла особенный родъ гаданій изъ объясненія необыкновенныхъ явленій въ природѣ.

Это гаданіе вошло съ измѣненіями въ Русскую Символику. Такъ животныя, родившіяся о трехъ ногахъ, животныя двуглавыя, наводили ужасъ на душу простолюдина и были истребляемы, какъ порожденіе нечистой силы.

Теофрамантія. Гаданіе золою разрѣшало вопросы жертвоприносителей.

Зола въ Русскомъ Чернокнижіи имѣетъ почетное преимущество предъ прочими веществами. Чародѣй всегда имѣетъ при себѣ золу изъ семи печей, посыпаетъ ею слѣды человѣческій, когда совершаетъ Чары. Такъ, разгнѣванный поселянинъ бросаетъ на дворъ своего сосѣда горсти мнѣ золу, съ намѣреніемъ истребить все растущее на его землѣ.

Эноптромантія совершалась гаданіемъ въ зеркалѣ. Тессалійскіе Чародѣи заставляли приходящихъ читать отвѣты, писанные на зеркалѣ кровію, отражавшіеся на другомъ тѣлѣ.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ Эноптромантія осталась въ измѣненномъ видѣ.

Вотъ очевидныя доказательства о переселеніи тайныхъ сказаній древняго міра въ Русскую землю и составленіи Русскаго Чернокнижія. Мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ Русской человѣкъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній. Онъ повторялъ только то, что видали люди бывалые въ чужихъ странахъ, что рассказывала чужеземщина, приходившая на нашу родину, семей-

ныхъ бесѣдахъ о существованіи Черпокижнѣ въ чужихъ земляхъ. Эти рассказы, западая въ сердца простодушныхъ, переходили изъ рода въ родъ и считались суевѣріемъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, принимаемое нами за положительное основаніе, найдетъ свое подтвержденіе въ самомъ описаніи Черпокижнѣ.

Не смотря на то, понятіе о тайныхъ сказаніяхъ представляется въ Русской жизни совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встречаемъ у другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Общественное образованіе Русскаго народа, совершавшееся независимо отъ вліянія другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменоваціями: *понятіями общественными и селѣйными.*

Русскія общественныя понятія всегда существовали на краеугольномъ основаніи Христіанскаго Православія. Іерархи, какъ пастыри церкви и учителя народа, Князья и Цари, какъ священныя Властелины и блюстители народнаго благоденствія, были представителями общественныхъ понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима Русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіи многихъ вѣ-

ковъ, людьми, явившимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянинъ, сближаясь на сѣверѣ съ Скандинавомъ, былъ только покоренъ его мечу, но не слову; платилъ ему дань своими избытками, но не хвалебными пѣснями; далъ ему пріютъ на своей землѣ, но не принималъ отъ него писемъ. Славянинъ, уклоняясь на востокъ, сблизился съ Грекомъ; принималъ отъ него Вѣру, пріютилъ Греческихъ пришельцевъ, учился у него, чего не доставало для его умственной жизни; но никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не мѣнялъ своихъ общественныхъ понятій на его понятія; онъ остался въ полномъ смыслѣ Славяниномъ. Славянинъ никогда не ходилъ на западъ. Люди Фряжскіе сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ соучастники. Равнодушный къ западу, онъ чуждался и словъ и дѣлъ Фряжскихъ. Объ югѣ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Индіи на землю Сѣверной Европы, гдѣ онъ называлъ себя Славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ, онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ заключалась ненарушимость Русскаго общественнаго понятія.

Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ, и пораждавшіеся въ семействахъ, никогда не сливались съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; онѣ были столько различны, сколько

тогда были различны границы Русской земли. На этих заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мигрій. Облегаясь Русскимъ словомъ въ гостепріимныхъ семействахъ, эти мигріи переносились отъ одного селенія къ другому. Пришельцы и люди бывалые были передателями чужеземныхъ мигрій.

Пришельцами въ Русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди не-Русской крови, люди не-Русской Вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на Русскую землю: нужда и корысть влекли его къ нашимъ предкамъ. Хлебосольство Русское давало пріютъ всякому пришельцу. Старѣйшины семействъ, угощая заѣзжаго челоуѣка, любили слушать его рассказы объ отдаленныхъ странахъ. Эти-то рассказы, передаваясь отъ отца къ сыну, усвоивались Русской жизни, когда они снизходили слабостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что правилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтіяхъ, изъ рассказовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образованіе, дошедшіе до насъ письменные памятники и рассказы бывалыхъ о древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее его воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее его умъ, любили болѣе ужасное, оцѣпелявшее его чувства.

При всемъ этомъ пришелецъ былъ всегда чужимъ для Русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушные принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми бывалыми на Руси почитались со-родичи нашихъ предковъ, люди, бывавшіе въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвшіе всѣ заморскія дивы, люди, услаждавшіе своими бесѣдами и старика и юношу. Разказы бывалаго чело-вѣка записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бесѣдахъ. Таковы были наши Паломники и Ходебщики. Они—наставни-ки въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, совѣтники въ семейныхъ назначеніяхъ, болѣе всего имѣли влі-яніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя по-пятія, нежели участія пришельца. За то люди бывалые никогда не выходили изъ круга се-мейнаго, никогда не были участниками въ об-новленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесеній, мы понимаемъ, какъ трудно было взойти чужеземному мышленію въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ Русскою обществен-ною жизнью. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отли-чаетъ всѣ чужеземныя понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тай-ныя сказанія другихъ народовъ, мы убѣдились, что они перешли въ Русскую землю со мно-

гимн измѣненіями, съ измѣненіями; возможны-ми для Русской семейной жизни. На этихъ-то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки Русскаго Чернокнижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенныя нами при всеобщемъ взглядѣ на міровое Чернокнижіе.

Русское Чернокнижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнообразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается *Кудесничество*, во второмъ описывается *Чародѣйство*, въ третьемъ предлагается *Знахарство*, въ четвертомъ представляется *Ворожба*.

Русское Кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ перемѣлы понятій и словъ. Соблюдая это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолюдиновъ, неизмѣнный глаголь многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрдіями отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ Кудесническіе заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для обольщенія народа, то съ другой мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзіи, жившей въ пѣсняхъ и стихахъ. Здѣсь сохраняется наша родная, Русская поэзія; здѣсь блудутъ наши поэмы и бѣлы; здѣсь читаемъ жизнь нашихъ предковъ. Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, выпи-

саны изъ тетрадки, неписанной Польскими буквами и принадлежавшей некогда Веневскому дѣду, а некоторые получены отъ Саратовскаго помѣщика, собиравшаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ разсказовъ Волжскихъ рыбаковъ.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваемъ себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Неужели мы будемъ сомнѣваться, что этими напѣвами оглашалась наша родина, когда въ нихъ звукахъ слышенъ Русской духъ, когда въ нихъ говоритъ Русское сердце о старинѣ родной, о радости домашней, о бѣдѣ семейной, о любви дѣвичей красы, о зазнобѣ молодецкой? Здѣсь всѣ предметы взяты изъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ книжныя и поля, сокровенной отъ взора испытующихъ людей. Слѣдовательно: здѣсь человекъ только пѣлъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни его образа выраженій: все говоритъ Русскимъ языкомъ и объ Русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣнія, что эта поэзія не была до послѣдней степени подражательного; но во всемъ тѣмъ въ ней есть и самобытное; она воспѣвала по вдохновенію Русскаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Русской народъ, плѣняясь предметами, очаровавшими его уединенную жизнь, воспѣлъ въ своихъ думахъ

и тайныя сказанія. Въ этомъ направленіи онъ незамѣтно сходился съ другими народами. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des ténèbres, et faisait dresser les cheveux aux assistans, quand il hurlait ses execrables evocations.

«Divinités formidables, s'écriait-il, hâtez vous d'accourir, et craignez d'offenser ses cheveux gris et cette verge, qui vous ferait bientôt repentir de vos délais . . . je vous en avertis d'avance, obéissez promptement, autrement je fais pénétrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une après l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursuis par les bûchers, je vous chasse des sépulcres; et je ne permettrai pas même aux déserts de la Thébaïde de vous receler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commande à tes Esprits, commande à tes Furies, commande à quelques ombres d'accourir; pousse-les hors des tes manoirs à coups des scorpions, et ne permette pas que j'interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles¹.

«*Oraison du loup*: Viens, bête à laine; c'est l'agneau de l'humilité; je te garde. C'est l'agneau du Redempteur, qui a jeuné quarante jours, sans rébellions, sans avoir pris aucun repas de l'ennemi, et fut tenté en vérité. Va droit, bête grise, à gris aggripense, va chercher la proie, loups et louves et louveteaux; tu n'as point à venir à cette viande, qui est ici. Au nom du Pere et du Fils et du Saint-Esprit. Aussi: *vade retro o Satana*²!

1. Le magicien Lexilis, qui florissait à Tunis, était fort mauvais prisonnier. V: Chroniques et contes de Mouchenberg. —

2. Ancienne Chronique de Flandre. Jaques Meyer.

«Prière des bergers pour préserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavelée, trouvée dans un manuscrit rare et précieux.»

«Ce fut par un lundi au matin que le soleil parut, un pastoureau cherchant ses troupeaux, il-dit: mon troupeau sera sain et joli, qui est sujet à moi.»

Русское *Чародѣйство* описываетъ чары, совершаемыя въ селеніяхъ. Прилагая по возможности объясненія этимъ затѣйливымъ вымысламъ, мы увѣрены, что простодушные люди поймутъ свое ослѣпленіе, столько для нихъ обольстительное. Съ этою цѣлію избраны здѣсь только тѣ, которые болѣе всѣхъ извѣстны въ семейной жизни, болѣе всѣхъ памятливы. Люди, хотя нѣсколько вникавшіе въ народное суевѣрное понятіе, люди, знающіе довѣренность поселянъ къ чудесному, оправдаютъ цѣль избранную нами.

Русское *Знахарство* излагаетъ отъявленные обманы знахарей, принимаемые въ простомъ народѣ за спасительныя дѣйствія. Мы часто слышимъ въ разсказахъ бывалыхъ людей, какъ въ старину знахари ввергали цѣлыя селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра простодушнымъ людямъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое, и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская *Ворожба* представляетъ народные га-

1. Cardan dans ses contes.

даній, распространяемыхъ записными гадательными по городамъ и селеніямъ. Многія изъ нихъ приносятъ оскорбленія семейной жизни по своимъ послѣдствіямъ; другія же напротивъ, какъ святочные *гаданія* составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приводятся тѣ и другія—съ цѣлію разоблачить таинственныя ожиданія простаго народа. Можетъ быть, время и обстоятельства изгладятъ эти остатки суевѣрій, перешедшихъ къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благотворное время, пока явятся эти счастливыя обстоятельства—пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ничтожествомъ этихъ гаданій.

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы часто сохранили слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, и выраженія, имѣющія совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названія разныхъ гаданій, хотя нѣкоторые изъ нихъ съ перваго взгляда, кажется, состоятъ изъ повтореній одного и того же. Не думаемъ, чтобы въ этомъ насъ обвиняли: сами предметы говорятъ о такой необходимости. Кроме этого почитаемъ обязанностію предъувѣдомить почтенныхъ Соотечественниковъ, что въ нашихъ сказаніяхъ не все то помѣщено, что извѣстно въ селеніяхъ. Такъ одного мы не могли вмѣстить здѣсь по внутреннему нашему убѣж-

денію, какъ оскорбительнаго для современнаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и нашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь нестояща въ своихъ разсказахъ: надобно много людей и много времени, чтобы вполнѣ представить ея домашній бытъ.—

СКАЗАНІЯ

О

КУДЕСНИЧЕСТВѢ.

1. Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвцы въ болѣзни полюбившаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я, такая-та, въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, къ Окіанъ морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ моря узрѣла и усмотрѣла, глядячи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла стоить семибашенной домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на дозотомъ стулѣ, сидитъ и уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные цѣпички. Взошла я, раба такая-та, въ семибашенной домъ, смиреннымъ смиренхонько, головою поклонилась, сердцемъ покорилась, и заговорила:

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, съ покорнымъ объ рабѣ такомъ-то, возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатныя ножички въ правую руку, обрежь ты у раба, такого-то, бѣлую мякоть, онципи кругомъ его и оберпи: скорби, недуги, уроки, призорки, затяни кровавыя раны чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго чело-вѣка: отъ бабы вѣдуньи, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одиоженца, отъ двоеженца, и отъ троеженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго. Возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки въ Окіанъ море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица ходитъ, и она-бъ тѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлыя рыбицы не понмывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимывать, а замковъ не отпирывать. Не дужился бы недугъ у раба такого-то, по сей день, по сей часъ. Какъ вечерпя и утренпя зоря станеть потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать, и чтобы недугъ недужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбивнаго молодца, такого-то, отъ мужика колдуна, отъ воропа коркуна, отъ бабы колдуньи, отъ старца и старицы, отъ посхимника и посхимницы. Отсылаю я отъ своего друга милаго

всѣхъ по лѣсу ходить, игольникъ брать, по его вѣкъ, и пока онъ живъ, никто бы его не обзорчить и не обпризорить.

2. Заговоръ красной дѣвицы о свереженьи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, позднимъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зорю, ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ загорнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ охорошилась, на всѣ четыре стороны поклонилась, на горячъ камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговорила, чистыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ покрывалась.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбовнаго молодца, такого-то, о свереженьи въ дорогѣ: крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь.

Кто изъ лугу всю траву выщипить и выѣсть, изъ моря всю воду выпьетъ и не возьметъ, и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не расторгъ. Кто изъ злыхъ людей его обзорчить, и обпризорчить, и околдуетъ, и испортитъ, у нихъ бы тогда изъ лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему полюбовному молодцу, такому-то, путь и дороженька, доброе здоровье на разлукъ моей.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки
въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба такая-та, въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле глядячи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка, такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взманилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стада я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною, и возговорцла зычнымъ голосомъ:

Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею родою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико; утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахарныя, очи ясные, чело думное, ланиты красныя; освѣнаю свѣчею обручальною его ставовый кафтанъ, его шапку соболонную, его подноясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лице молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко, ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вешняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горячаго Алатыря. Отвожу я отъ те-

блѣ: черта страшнаго, отгоняю вихорѣ бурнаго, отдаляю отъ льваго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго воднаго, отъ Вѣдьмы Кіевской, злой сестры ея Муромской, отъ моргуньи Русалки, отъ треклятыя Бабы-Яги, отъ летучаго змѣи огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуны, заслоняю отъ Кащей-Ядуна, отъ хитраго черпюкнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи вѣдуньи. А будь ты, мое дитятко, моимъ словомъ крѣпкимъ — въ нощи и въ полунощи, въ часу и получасѣ, въ пути и дороленьки, во снѣ и на яву — укрыть отъ силы вражія, отъ печистыхъ духовъ, сбережень отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохранень на водѣ отъ потопленія, укрыть въ огнѣ отъ сгоренія. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашу хлѣбъ соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростиись съ родными и кровными, припадѣ къ сырой землѣ, и засни спомъ сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпче горючаго камня Алатыря, могуче богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятку обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратскія, въ бездны пренеподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары — ему не въ чары, моро-

чанье его не въ морочанье, узорочанье его не въ узорочанье.

4. Заговоръ охотника на постановныхъ
клѣткахъ для зайцевъ.

Встаю я, рабъ такой-то, за свѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣсу дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатананловъ, двадцать дьявоновъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ—всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе: стали предо мною тѣ сатананлы, тѣ дьявоны, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатананлы, дьявоны, лѣшіе и полканы—въ такой-то—островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣвы поставные: сумеречные, вечерніе, ночные, утренніе и полуденные. Пригоните, остановите, и въ мои клѣты примкните.

5. Заговоръ на путь дороженьку.

Бду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольные мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь мѣдленною росой, утираюсь солнцемъ, облакаюсь облаками, опоясываюсь

чистыми звѣздами. Ёду я во чистомъ полѣ, а во полѣ растеть Одолень трава. Одолень трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили. Отгони ты чародѣя, ябѣдника. Одолень трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, Одолень трава, къ Окіанъ морю къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ морѣ въ рѣкѣ Іорданѣ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣль горючъ камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки.

На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своей родимой матушкѣ. Загнѣвилась моя родимая родушка, ломала мои кости, счинала мое тѣло, топтала меня въ погахъ, пила мою кровь. Солнце ясное, звѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя—всѣ вы стоите тихо и смирно; такъ была бы тиха и смирна моя родимая матушка

по вся дни, по вся часы, въ ночи и полуночи. Какъ числа поноску поспѣтъ, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за мѣся, своего роднаго сына. Какъ воскъ таетъ и горитъ отъ лица огня, такъ бы горѣло и таяло сердце моей родимой матушки. Какъ лебедь по лебедкѣ тоскуетъ, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своему родномъ сынѣ. Какъ студенецъ льетъ по вся дни воду, такъ бы текло сердце родимой матушки ко мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и ночи, въ полдень и полночь.

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердецъ.

Сажуеъ въ сани, крытыя бобрами и соболями, ѣду на черномъ медвѣдѣ, цогоняю лисицами и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи, честны и величавы между панамъ и понами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панамъ и понами, между міромъ и селомъ. Ёу на гадинѣ, ужъ погоняетъ, а самъ дюжъ, у пановъ и судьевъ помонъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней переѣмъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Съю макъ. Разыдутся всѣ судьи, а тыя сидятъ, что меня ѣдятъ. Меня не съѣдятъ; у

меня медвѣжій ротъ, волчія губы, свинныя зубы. Судь судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. Спрячу я свой макъ въ желѣзную кадъ, а брошу кадъ во Окіанъ море. Окіанъ море не высохнетъ, кади моею никто не вынимаетъ, и маку моего никто не подбираетъ. Судь судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ море, въ свою желѣзную кадъ. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади поѣдятъ, тогда мнѣ не бывать. Судь судомъ, вѣкъ вѣкомъ!

8. Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смываются. Стану я на востокъ, противъ дольней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, окорая, сажаю въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогопогій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты пчела ройся у такого-то, на округъ садись. Замыкаю я тебя матка всѣ пути, дороги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ море, подъ зеленый кустъ, а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А будетъ вы пчелы моимъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ море, подъ зеленой кустъ, гдѣ сидитъ матка, всѣмъ

маткамъ старшамъ, и будетъ за ваше непокорни-
ще жалить васъ matka въ семьдесятъ семь
жалъ. Слово мое крѣпко!

9. Заговоръ на утиханіе крови.

Два брата камень съкутъ, двѣ сестры въ
окошко глядятъ, двѣ свекрови въ воротахъ
стоятъ. Ты свекровь воротись, а ты кровь уто-
лишь; ты сестра отворотись, а ты кровь уймись;
ты братъ смиришь, а ты кровь закриши. Братъ
бѣжитъ, сестра кричитъ, свекровь ворчитъ. А
будь мое слово крѣпко на утиханіе крови у
раба такого-то по сей часъ, по сію минуту!

10. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змія Мекодоница! за чѣмъ ты, всѣмъ зміямъ
старшая и большая, дѣлаешь такіе изъязы, и
кусаешь добрыхъ людей. Собери ты своихъ
тетокъ и дядей, сестеръ и братьевъ, всѣхъ род-
ныхъ и чужихъ, вынь свое жало изъ грѣхов-
наго тѣла, у раба такого-то; а если ты не
вынешь своего жала, то ищю на тебя гроз-
ную тучу, камнемъ побью, молоньей поз-
жеть. Отъ грозной тучи нигдѣ ты не укроешь-
ся: ни подъ землею, ни подъ межею, ни въ
полѣ, ни подъ колодою, ни въ травѣ, ни въ
сырыхъ борахъ, ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ
оврагахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ
порахъ. Сниму я съ тебя двѣнадцать шкуръ съ
разными шкурками, сожгу самого тебя, развѣю

по чистому полно. Слово мое не прейдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

11. Заговоръ отъ ужаленія козюльки.

На море на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ, подѣ тѣмъ дубомъ стоитъ липовый кустъ, подѣ тѣмъ липовымъ кустомъ лежитъ золотой камень, на томъ камнѣ лежитъ руно черное, на той руно лежитъ ипорокая змія Гарафена. Ты змія Гарафена возьми свое жало изъ раба такого-то, отбери отъ него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недуговъ, ино я выну два ножа булатные, отрѣжу я у зміи Гарафены жало, положу въ три сундука желѣзные, запру въ три замка Пѣмецкіе. Ключъ небесный, земный замокъ. Съ этаго часу, съ полудня, съ полѣдчасу, да будетъ бездыханна всякая козюлька, и ужаленія ея въ неужаленія. А вы зміи и змѣицы, ужь и ужьицы, мѣдьяницы, и сарачицы бѣгите прочь отъ раба такого-то по сей вѣкъ, по сей часъ. Слово мое крѣпко!

12. Заговоръ на отгнаніе черныхъ

мурьевъ.

За моремъ сплывъ, за моремъ Хвалынскимъ, по среди Окіанъ моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ стоитъ дубъ, подѣ тѣмъ дубомъ живутъ седемьрицею семь стар-

цовъ, ни скованныхъ, ни связанныхъ. Приходишь къ нимъ старецъ, приводишь къ нимъ тьму темъ черныхъ мурьевъ. Возмите вы старцы по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ мурьевъ на семьдесятъ семь частей.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по среди Окіанъ моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кадн желѣзныя, а въ тѣхъ кадахъ лежатъ тенета шелковыя. Вы старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ мурьевъ въ кадн желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба такого-то.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, по среди Окіанъ моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянъ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными кохтами. Ты птица Гагана сядь у дома, гдѣ стоятъ кадн желѣзныя, а въ кадахъ лежатъ черныя муринъ, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба такого-то, отъ черныхъ мурьевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ. А будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черныя муринъ съѣдятъ. Слово мое крѣпко!

13. Заговоръ отъ червей.

Татаринъ, Татаринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! За чѣмъ ты, Татаринъ, съешь

червей у моей лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синю даль, ты засохнешь, какъ порошинка. Вспомнишь ты свою ошибку, да будетъ поздно.

14. Заговоръ отъ зубной скорби.

Заря зарница, красная дѣвица, полуношница, въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лимарь откачнись отъ меня; а если ты будешь грысть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ бездны преподній. Слово мое крѣпко!

15. Заговоръ отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златия твои пожки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенести, а твоей силѣ перенести. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь!

16. Заговоръ отъ зубной скорби.

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встречу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы?

Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я ни путемъ, ни дорогою, а темнымъ лѣсомъ, сырýmъ боромъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ ты, сѣрой волкъ: гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба: гдѣ твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мнѣ свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко на крѣпко у раба такого-то, по сей день, по сей часъ, на вѣкъ вѣкомъ!

17. Заговоръ отъ зубной скорби.

Марѳа, Марія и Палагел, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата, Лазаря: не болятъ ли у тебя зубы? Не ломаютъ ли у тебя кости? Нѣтъ сестрицы! Не болятъ у меня зубы, не ломаютъ у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болѣли кости, не ломали зубы, по сей часъ, по сей день, посю жизнь. Чуда Водяной! Возьми зубъ ломовой у раба такого-то. Не болятъ у раба такого-то зубы; болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по все дни, по все часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.

18. Заговоръ отъ пицалей и стрѣлъ.

За дольными горами есть Окіанъ море же-

лѣзное, на томъ морѣ естъ столбъ мѣдной, на томъ столбъ мѣдномъ естъ пастухъ чугуинный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, камнямъ, пицаламъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ:

Подите вы: желѣзо, камни и свинецъ въ свою землю отъ раба такого-то, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба такого-то. А велитъ онъ: пожу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пицаламъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пицали, а велитъ схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпче панцыря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣль-горючъ камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣткі.

19. Заговоръ отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крытымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру зем-

лю. И какъ отродилась отъ кремня и кремни-
цы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ
выходила грозная туча, и какъ проливалъ силь-
ной дождь, что имъ покорилась и поклонилась
селитра-порохъ, смиреннымъ смирихонько. Какъ
дождь воды не пробилъ, такъ бы меня, такого-
то, и моего коня искры и пули не пробива-
ли, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И
какъ отъ воды камни отпрядываютъ и пузы-
ри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій
прядали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра.
Слово мое крѣпко!

20. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ,
мѣдныхъ, каменныхъ.

Въ высокомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣ-
кою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ,
покрашается, добрымъ людямъ похваляется,
ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ
держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а
во ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, от-
бери ружья: Турецкія, Татарскія, Нѣмецкія,
Черкаскія, Русскія, Мордовскія, всякихъ язы-
ковъ и суностатовъ; заколоти ты своею, невни-
димою силою ружья вражія. Будутъ ли стрѣ-
лять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ
пули; а пошли бы эти пули во сыру землю,
во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ цѣль
и невредимъ, и мой конь былъ бы цѣль и не-
вредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцы-

ря. Замыкаю свои приговорныя словеса замкомъ, и ключъ кидаю въ Окіанъ море, подъ горюч^ю камень Алатырь. И какъ морю не высыхать, камня не видать, ключей не доставать, меня пулямъ не убивать, до моего живота, по конецъ вѣка.

21. Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди во свою мать землю, а ты древо поди во свою мать древо, а ты перья подите во свою мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ морѣ, а мнѣ бы рабу такому-то было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите ворогитесь ушми и богами. Какъ мятелница не можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приставать, такъ бы всѣмъ вамъ ни мочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись-бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ!

22. Заговоръ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и братья, кумы и кумовья, сваты и сваты, дяди и тетки, отцы и матери, дочери и подчерицы, сыновья и сыночки, свекрови и золовки, тести и тещи, зятя и свояки, золовки и невестки, всѣ вы черныя, всѣ вы бѣлыя, всѣ вы красныя, скажите мнѣ всю сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите, не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили дочерямъ Иродовымъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будетъ не скажите вы сущей правды, не взыщите моей бѣды, ино вамъ не жить болѣе на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубровамъ, по крутымъ берегамъ, по синимъ морямъ. А будетъ вы скажите сущую правду, ино вамъ будетъ житие привольное, раздольное. Заговариваю я, раба такая-та, на карты на вывѣдыванія своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

23. Заговоръ отъ осы.

Оса всѣмъ Осамъ, ты мнѣ не мать. Ослтки дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я Закрученъ траву, сушу въ сыромъ бору, жгу въ зеленомъ дугу. Ослтки летите на дымъ; оса бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключъ языкъ!

24. Заговоръ отъ запоя.

Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба такого-то. Тѣло Маерсна, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣть; а въ моей клѣтѣ ни дна, ни покрывки. Солнышко, ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба такого-то отъ вина; мѣсяцъ, отврати раба такого-то отъ вина; солнышко, умири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

25. Заговоръ на остановленіе руды.

Бѣхаль человѣкъ старъ, конь подъ нимъ каръ, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать руда жильная, жильная, тѣлесная остановись, назадъ воротись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя руда мать не бывало. Слово мое крѣпко!

26. Заговоръ на остановленіе руды.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ ни пагъ, ни одѣтъ. Подъ дубомъ сидятъ тридцать три дѣвицы, колятъ камку иглами булатными. Вы дѣвицы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Нѣтъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты руда уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

27. ЗАГОВОРЪ НА ОСТАВЛЕНІЕ РУДЫ.

Летитъ воронъ безъ крылъ, безъ ногъ. Садится воронъ къ рабу такому - то на главу и на плечо. Воронъ сидигъ, посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты воронъ рану не клюй, ты руда изъ раны не бьги. Идетъ старецъ, всѣмъ ставецъ, несетъ печать. Ты старецъ остановись, ты воронъ не каркай, ты руда не капни. Крови не хаживать, тѣлу не баливать. Пухъ земли, одна семья. Будь по моему!

28. ЗАГОВОРЪ ОТЪ ЛИХОРАДКИ.

На горахъ Авопскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тринадцать старцевъ съ старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадцать дѣвицъ, простоволосыхъ, простопопыхъ. И рече старецъ Пафнутіи, съ тринадцать старцами: кто сін къ намъ идоща? И рече ему двѣнадцать дѣвицъ: есмь мы Царя Прода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутий своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зари утреннихъ, по три зари вечернихъ. Взмолитесь двѣнадцать дѣвъ къ тринадцать старцамъ съ старцемъ Пафнутіемъ. И не почто же бысть ихъ молюба. И начаша ихъ старцы бити, глаголя: Ой вы еси двѣнадцать дѣвицы! Будьте вы тресуницы, водлиницы, разслабленныя, и

живите на водѣ студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадцать дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, тресуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба такого-то отъ изсушенія Лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадцать дѣвицъ въ таръ-тары! отыдите отъ раба такого-то въ лѣса темные, на древа сухіа¹.

28. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Бду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ, а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба, красная дѣвица. Ты дѣвица, зазноба молодецкая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злodeевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня ворона. Мнѣ мечъ-кладенецъ будь другомъ, мнѣ панцырь дѣдовской будь роднымъ братомъ, мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ конь вороной будь

1. Понятіа Русскаго народа о Лихорадкахъ заимстваны отъ Павликіанъ. Православною Церковію были преданы проклятію: *Вопросы къ Богородицѣ о недузѣ Естественномъ, еже именуется трясавица*. См. Іоанна, Экз. Булгарскаго, изд. Калайдовича. — стр. 210.

удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружіи нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ пищали, отъ стрѣль, отъ борца, отъ кулачнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева Русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ класну, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго, недлиннаго, четвертиннаго, отъ липы, отъ жимолости, отъ ивы, отъ сосны, отъ яблони, отъ куросльну, отъ орѣшны, отъ можжевельнику, отъ сѣна, отъ соломы, отъ костей, отъ желѣза, отъ уклада, отъ стали, отъ мѣди красной, зеленой, проволоки, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей: Нагайскихъ, Нѣмецкихъ, Мордвы, Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, Гуляпцовъ, Бухарцовъ, Кобытсей, Вовуловъ, Бумирцовъ, Турчениновъ, Якутовъ, Дунасовъ, Черемисовъ, Вотяковъ, Либановъ, Китайскихъ людей.

Вы дерева отъ меня раба такого-то воротитесь, вы желѣзо, и мѣдь, и сталь, и золото отметайте, вы люди невѣрные отбѣгайте. А буде я ворочусь по живу и по здорову, нию буду красна дѣвица тобою похвалитися, своєю молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючъ Алатырь; моя молодеческая поступь сильна, какъ вода мельничная. Духъ духомъ, всѣхъ пинкомъ, нѣтъ никого, я одинъ, по живу, по здорову.

30. Заговоръ ратнаго человека, идущаго
на войну.

Выкатило красное солнышко изъ-за моря
Хвалынскаго, восходилъ мѣсяцъ изъ-подъ си-
ни неба, собирались облака изъ далека, соби-
рались сизы птицы во градъ каменный, а въ
томъ градъ каменномъ породила меня мать
родная, раба такого-то, а рожа, приговарива-
ла: будь ты, мое дитятко, цѣль невредимъ:
отъ пушекъ, пицалей, стрѣлъ, борцовъ, кулач-
ныхъ бойцовъ; бойцамъ тебя не требовать, рат-
нымъ оружіямъ не побивать, рогатиною и ко-
нѣмъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не
сѣчь, обухомъ тебя бить не убить, пожемъ не
уязвить, старожилымъ людямъ въ обманъ не
вводить, молодымъ парнямъ ни чѣмъ не вре-
дить; а быть тебѣ передъ нимъ соколомъ, а
нимъ дроздами; а будь твое тѣло крѣпче кам-
ня, рубаха тверже желѣза, грудь крѣпче камня
Алатыря; а будь ты: въ домъ добрымъ отцомъ,
во полъ молодцомъ, во рати удалцомъ, въ мі-
ру на любованъ, во дѣвичемъ терему на по-
крашенъ, во брачномъ пиру безъ малаго ухи-
щренъ, съ отцемъ съ матерью во миру, съ
женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи.

Заговариваю я свой заговоръ матернимъ за-
повѣданіемъ; а быть ему во всемъ, какъ тамъ
указано, во вѣки ненарушимо. Рать могуча,
мое сердце ретиво, мой заговоръ всему пере-
возмогъ.

31. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелія могущія, а въ нихъ сила видима невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ море, на островъ на Буянъ, подь мечь-кладенецъ; черную былинку покачу подь чернаго воропа, того ворона, что свилъ гнѣздо на сени дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная, съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясъ узорчатомъ завитъ, зашитъ колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовскою, Татарскою. Красная былинка пригаситъ мнѣ мечь-кладенецъ, черная былинка достанетъ уздѣчку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобыю силу чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго; съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разобью врага супостата.

Заговариваю я ратнаго человека того-то на войну сямъ заговоромъ. Мой заговоръ крепокъ, какъ камень Алатырь.

32. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Подь моремъ, подь Хвалынскимъ стоитъ мѣдной домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а надъ змѣемъ огненнымъ ле-

жить семипудовой ключъ отъ княжева терема, Володимерова, а во княжомъ теремѣ, Володимеровомъ, сокрыта сбуру богатырская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ плыветъ лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты лебедь полети къ морю Хвалынскому, заключи змѣя огненнаго, достань ключъ семипудовой, что ключъ отъ княжева терема, Володимерова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынского, не моею мочи расклевать змѣя огненнаго, не моимъ ногамъ дотащить ключъ семипудовой. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынского, заключитъ змѣя огненнаго, притащитъ ключъ семипудовой; а воронъ посаженъ злою Вѣдьмою Кіевскою.

Во лѣсу столчемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая Вѣдьма Кіевская. Пойду-ль я во лѣсъ столчей, во борѣ дремучей, взойду-ль я въ избушку къ злой Вѣдьмѣ Кіевской. Ты злая Вѣдьма Кіевская: вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключъ. Заупрямилась, закорачилась злая Вѣдьма Кіевская о своемъ воронѣ. Не моею старости бродить до моря Окіана, до острова до Бу-

яна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключъ. Разбилъ ворогъ мѣдной домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключъ.

Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ, Володимеровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодецкихъ. Во той сбруи не убьетъ меня ни пицаль, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни Татарская, ни Казанская рать.

Заговариваю я раба такого-то ратнаго человека, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

33. Заговоръ ратнаго человека идущаго на войну.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ сидитъ добрый молодецъ, во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу добрый молодецъ съ покорнымъ. Выдаютъ меня родные братья во княжью рать, однопкаго, неженатаго, а во княжей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодецкимъ словомъ. Радъ бы стоять во поле за тебя, горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истомъ. Заговариваю я тебя раба такого-то идти на войну, во всемъ по тому, какъ заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человекомъ, ино

будь сбережень: отъ топора, отъ бердыша, отъ пицали, отъ Татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ бойца, единоборца, отъ бойца врагасупостата отъ всей поганой Татарской силы, отъ Казанской рати, отъ Литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ: топоръ не въ топоръ, бердышъ не въ бердышъ, пицаль не въ пицаль, Татарская пика не въ пику, поганая Татарская сила не въ силу, Казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабьи зазоры не въ зазоры, хитрая немочь не въ немочь, Литовскіе богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кружусь, верчусь, отъ топоровъ, бердышей, пицалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, Татарской силы, Казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день.

34. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росою, утрюсь сырой землею, завалюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты стѣна, Кремлевская, бей враговъ супостатовъ, дюжихъ Татаръ, злыхъ Татарченковъ; а я былъ бы изъ-за тебя цѣль, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой росѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри,

княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной Русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте Татаръ, полюбите всю Татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣль, невредимъ. Иду я во кровавую рать Татарскую, быю враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣль, невредимъ. Вы раны тяжелыя не болите, вы удары бойцовъ меня не губите, вы пищали меня не десятирите; а былъ бы я цѣль, невредимъ.

Заговариваю я раба такого-то ратнаго человека, идущаго на войну, симъ моимъ крепкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

35. Заговоръ ратнаго человека, идущаго на войну.

Завяжу я, рабъ такой-то, по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищаляхъ, лукахъ, и всякомъ ратномъ оружїи. Вы узлы заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружїя. И стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружїя меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змѣи двенадцать главаго, того змѣи страшнаго, что пролетѣлъ со Окѣанъ моря, со острова Буяна, со мѣднаго дома, того змѣи, что убить двенадцать бога-

тырьми подѣ двундѣсятѣ Муромскими дуба-
ми. Во мѣихъ узлахъ зашиты злою мачихою
змѣиный головы.

Заговариваю я раба, такого - то, ратнаго че-
ловѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ
заговоромъ, крѣпко на крѣпко.

36. Заговоръ молодца на любовь крас-
ной дѣвицы.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ
лежитъ доска, на той доскѣ лежитъ тоска.
Бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ
воду, изъ воды въ поломя, изъ поломя выбѣ-
галь сатанина, кричить: Павушка Романей,
бѣги поскорѣе, дуи рабѣ, такой - то, въ губы
и въ зубы, въ ея кости и пакости, въ ея тѣ-
ло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень
черную, чтобы раба, такая-та, тосковала всякой
часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полу-
ночамъ, ѣла бы не заѣла, пила бы не запивала,
спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтобы
я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше род-
наго отца, лучше родной матери, лучше роду
племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью
семью замками, семьюдесятью семью цѣпями,
бросаю ключи въ Окіанѣ море, подѣ бѣль го-
рючъ камень Алатырь. Кто мудрѣе меня взы-
щется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ,
тотъ отгонитъ тоску.

37. Заговоръ отъ порѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ ле-
житъ бѣль горючъ камень Алатырь, на томъ
камень Алатырь сидитъ красная дѣвица, швел
мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ
нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ ра-
ны кровавыя. Заговариваю я раба, такого-то, отъ
порѣзу. Булатъ прочь отстань, а ты кровь течь
перестань.

38. Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я у раба, такого-то, двѣнадцати
скорбныхъ недуговъ: отъ трясавицы, отъ ко-
лючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огне-
вицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганія,
отъ морганія, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ
черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись,
а не то прокляну тебя въ тарь-тарары; ты,
неугомонная колючка остановись, а не то со-
шлю тебя въ пропсоднія земли; ты, свербежъ
прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей
водѣ; ты, стрѣльба остановись, а не то засмо-
лю тебя въ смоль кипучей; ты, огневница
охладись, а не то заморожу тебя Крещенски-
ми морозами; ты, ломоть сожмись, а не то
сокрошу тебя о камень; ты, колотье приту-
пись, а не то роспилю тебя на мелкія частич-
ки; ты, дерганье воротись, а не то запружу
тобою плотницу на мѣльницѣ; ты, морганье окру-
тись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣ-
пота скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю;

ты, глухота исчезни, а не то засмолю въ бочку
и по морю пушу; ты, черная немочь отвяжись,
а не то заставлю воду толочь.

Всѣ вы педуги откачнитесь, отвяжитесь, уда-
литесь отъ раба, такого-то, по сей часъ, по сей
день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ.

39. Заговоръ на покраденную вещь.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ сто-
итъ желѣзный сундукъ, а въ желѣзномъ сунду-
кѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы ножи
булатные къ такому и сякому вору; рубите
его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ воръ
воротилъ покражу такого-то, чтобы онъ не у-
таилъ ни снѣга пороха, а выдалъ бы все спол-
на. Будь ты, воръ, проклятъ моимъ сильнымъ
заговоромъ въ землю пренеподнюю, за горы
Араратскія, въ смолу кипящую, въ золу горю-
чую, въ тину болотную, въ плотину мѣльничную,
въ домъ бездонный, въ кушину банный; будь
прибитъ къ притолкѣ осиновымъ коломъ, из-
сушить суше травы, замороженъ пуще льда, ок-
ривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервяней, одурей, обез-
ручей, оголодай, отощай, валяйся въ грязи, съ
людьми не свѣкайся и не своею смертію умри.

40. Заговоръ оборотня.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ,
на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ
пенѣ, въ зелень лѣсъ, въ широкой долѣ. Около
пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него
весь скотъ рогатый; а въ лѣсъ волкъ не захо-

дять, а въ домъ волкъ не забродить. Мѣсяць, мѣсяць—золотые рожки! Расплавь пули, при-
тупи ножи, измолчаль дубины, напусти страхъ
на звѣря, человека и гады; чтобы они съраго
волка не брали, и теплой бы съ него шкуры
не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и си-
лы богатырской.

41. Заговоръ для любви¹.

Исполнена есть земля дивности. Какъ на мо-
рь на Окіанъ, на островъ на Буйнъ есть бѣлъ
горюнь камень Алатырь, на томъ камнѣ устрое-
на огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ роз-
жигаемая доска, на той доскѣ тридцать три
тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бро-
саются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла
въ уголь, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ
всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и
аеромъ. Мечитесь тоски, киштесь тоски и брось-
тесь тоски въ буйную ея голову, въ тылъ, въ
лицъ, въ ясные очи, въ сахарныя уста, въ ре-
тивное сердце, въ ея умъ и разумъ, въ волю и
хотѣніе, во все ея тѣло бѣлое и во всю кровь
горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы:
въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ.
И во всѣ ея жилы: въ 70 жилъ, полужилъ и
поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала,
плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ
часъ, по всякое время, нигдѣ-бъ пробыть не

1. Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедіи: *Чародѣйство или дя-
дя обмануційся колдунъ* стр. 51. Москва 1831 года.

могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бро-
~~сала~~ ^{Сала сама пошла} сасалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей
 въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути,
 и дороги, и перепутья съ трепетомъ, туженіемъ,
 съ плачемъ и рыданіемъ, зѣло сгѣшнѣо шла бы
 и бѣжала, и пробыть бы безъ него ни единыя
 минуты не могла. Думала-бъ объ немъ, не за-
 думала, спала-бъ, не заспала, ѣла бы, не заѣла,
 пила-бъ, не запила, и не боялась бы ничего,
 чтобъ онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, ми-
 лѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрас-
 ныя, милѣе всѣхъ и даже милѣе сну своего, по
 всякое время: на молоду, подъ полночь, на пере-
 крокъ и на исходъ мѣсяца. Сіе слово есть утвер-
 жденіе и укрыпленіе, имъ же утверждается, и
 укряпляется и замыкается. Аще ли кто отъ че-
 ловѣкъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ
 сей, то буди яко червь въ свинцѣ орѣховомъ.
 И ни чѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бу-
 рею, ни водою дѣло сіе не отмыкается.

42. Заговоръ родимой матушки въ пано-
 сной тоскѣ своей дитятки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буинѣ, на
 палой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ сидитъ
 дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то
 кручинится во тоскѣ невѣдомой, во грусти не-
 дознаемой, во кручинѣ недосказанной. Идутъ
 семь старцевъ съ старцемъ, незваныхъ, непро-
 шенныхъ. Гой ты еси, дѣвица красная, со утра
 до вечера кручинная! Ты что, почто сидишь

на полої полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Окіанѣ? И рече дѣвица семи старцамъ съ старцемъ: нашла бѣда среди околнцы, залегла во ретиво сердце, щемитъ, болитъ головушка, не милъ свѣтъ лѣный, постыла вся родушка. Взопиша семь старцевъ съ старцемъ, грознымъ грозно, учили ломать тоску, бросать тоску за околнцу. Кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не пріяли, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островѣ на Буянѣ, на море на Окіанѣ, подѣ дубѣ мокрецкой.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, свою ненаглядную дитятку, такую-то, отъ напосной тоски по сей день, по сей часъ, по сю минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ.

45. Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья пролегла путь-дороженька, всемъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожке шли дщери Продовы, несли во рукахъ пруты нвовы, а шли они во мѣръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ выростала травушка со муравушкой, на той травушкѣ со муравушкой сидѣли тоска со кручиной, а сидѣли они, да подумывали: какъ бы людей

крушить, сердца щемить, свѣта не взлюбить?

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій, въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красна дѣвица по неизнаемой бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы не ходите по пути и дороженьки на мѣрѣ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравошкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы они изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ такой-то, паносную тоску, а не покорится вамъ тоска со кручиной, ицо вы учните бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на крѣпко. А кто мой заговоръ возодолѣетъ, н ему провалится сквозь тарь-тарары.

44. Заговоръ подлюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы.

За моремъ за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесятъ семь цѣпей, за семьдесятъ семь дверей; а двери заперты семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью крюками. Никто добраго молодца изъ неволи не ослободитъ, никто добраго молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не напоятъ. Приходила къ нему родная матушка, такая-та, во слезахъ горячихъ, понла молодца сы-

той медовой, кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу колену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжѣихъ, не доставать бы молодцу мечъ-кладенецъ врага супостата, а жить бы молодцу во терему родительскомъ, съ отцемъ со матерью, съ родомъ племенемъ. Ужъ, какъ возговорить добрый молодецъ: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры зацесали на чужую добычу, не коленой стрѣлой доставала я бѣлыхъ лебедей, не мечемъ-кладенцомъ хотѣлъ я достать враговъ супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княземъ терему надъ дѣвицей красной такой-то.

Заговариваю я, родила матушка, такая-та, полюбовнаго молодца, такого-то, на любовь красной дѣвицы, такой-то. Вы, вѣтры буйные распорите ее бѣлу грудь, откройте ей ретиво сердце, навѣйте тоску со кручиной; чтобы она тосковала и горевала; чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе яснаго дня, краше роду племени, привѣтливѣе отца съ матерью; чтобы ей онъ казался во снѣ и наяву, въ день и полдень, въ ночь и полночь; чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залу-

чую; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изложитъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы такой-то.

45. Заговоръ на воду.

Во черной набѣ, за дубовымъ столомъ стоитъ трясавица на полицѣ. Ты, трясавица, не вертись, а ты, притолока, не свихнись. Вертелось бы, свихнулось зелено вино въ чашѣ; и вывертело бы вино, и свихнуло бы вино все притоманное, невѣдомое, да что невѣдомо, да что неслыхано, да что несказанно въ такомъ-то дому, на такову-то бѣду. А буде ты, трясавица, завертнешься, а буде ты, притолока свихнешься, ино будетъ вамъ отъ меня лютого неволе, да злово томленье, а на шово вамъ будетъ все по добру, до здорову, какъ бывало доселево. Слово мое крѣпко.

46. Заговоръ островника на зеленую дубраву.

Хожу я, рабъ такой-то, кругомъ острова, такого-то, по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я чрезъ всѣ лѣса: дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолось, орѣшину, по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ. А было бы въ моей дубравѣ по живу, по добру, по здорову. А въ мою бы зеленую дубраву не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ челоуѣкъ, ни вѣдма, ни лѣщій, ни домовой,

ни водяной, ни вихрь: А былъ бы я большой набольшой; а было бы все у меня во послушаньи, а былъ бы я цѣль и невредимъ.

47. Заговоръ отъ лихаго человека.

Иду я по чистому полю, на встрѣчу бѣгутъ семь духовъ съ полудухами, все черные, все злые, все немилые. Идите вы, духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ, держите ихъ на привязи, чтобъ я отъ нихъ былъ цѣль и невредимъ во пути и дороги, во дому и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, мои слова крѣпки. Кто мое слово испровержетъ, ино быть во всемъ паниново, похуду по недобру, какъ впереди сказано.

48. Заговоръ красной дѣвицы отъ недуговъ полюбившаго молодца.

Иду я, дѣвица такая-та, изъ воротъ въ чисто поле, въ Окіанъ море, становлюсь я; дѣвица такая-та, на бѣль горючъ камень Алатырь, опоясываюсь бѣлой пѣленой, заговариваю своего полюбившаго молодца, такого-то, отъ злыхъ недуговъ съ принедами, полунедами. Вы, злые недуги, не недужьте раба такого-то. Отсылаю я васъ въ Окіанъ море, въ бездны пренесподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ полючий, въ стѣру горючую, по сей день, по сей часъ, по мое крѣпкое слово. А былъ бы мой полюбившій молодецъ бѣль и хорошъ; а милѣе бы его не было во всемъ свѣтъ; и привѣтнѣе бы его не

было и во теремѣ княземъ; а залучитѣ бы его не было во всей околнцѣ; а любилъ бы онъ меня отъ роду до вѣку, по всю мою жизнь. Слово мое крѣпко.

49. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держитъ, она грамату написаную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на такіа-та озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерней зари, отъ ночи до полупочи. Заговариваю я, рабъ такой-то, утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово, во вѣки ненарушимо.

50. Заговоръ на любовь.

На морѣ на Окіанѣ есть бѣль горючъ камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во весь составъ, полусоставъ, во весь кости и полукости, во весь жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ такой-то красной дѣвицѣ несходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь

къ такому-то полюбивному молодцу. А была бы красная дѣвица, така-та, во всемъ послушна полюбивному молодцу, такому-то, по всю его жизнь. Ни чѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человекъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крепко, какъ былъ горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипить, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

54. Заговоръ отъ черной немочи.

Летитъ птица за моря, бѣжитъ звѣрь за лѣса, бѣжитъ дерево въ дерево, мать земля въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду, такъ бы черная немочь бѣжала въ свою мать таръ-тарары, во тьму кромечную, а бѣжала-бъ назадъ не ворочаючи, а былъ бы таковъ-то человекъ живъ и здоровъ. А буде ты, черная немочь, моимъ рѣчамъ покорница не дашь, велию тебя птицу за моря унести, звѣрю въ лѣсъ загнать, мать землѣ въ свою мать во сыру землю заложить, желѣзу въ свою мать руду заковать, и будетъ тебѣ горе великое, а таковъ-то человекъ живъ и здоровъ. Замыкаю свои словеса словомъ великимъ, имъ же замыкается всѣ недуги, съ полунедугами, всѣ болѣсти съ полуболѣстями, всѣ хворобы съ полухворобами, всѣ корчи съ полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такового-то че-

ловѣка отъ черной немочи, по сей день, по сей часъ, по всю его жизнь.

52 Заговоръ отъ вѣшеной собаки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Булиѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты, старица, возьми свое жало и прииди къ рабу такому-то, вынь изъ раба такого-то жало смѣртное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ, и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

53. Заговоръ отъ родимца.

На морѣ на Окіанѣ, посередѣ моря Бѣлаго стоитъ мѣдной столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада, а во томъ мѣдномъ столбѣ, закладена мѣдная мѣдница отъ болястей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, въ тотъ мѣдной столбъ, что на морѣ на Окіанѣ, и заповѣдаю ему мнѣ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія такой-то цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь.

54. Заговоръ молодухки отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широкъ дворъ заборчатой, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы дорожники и перепутьница задержите моего мужа, такого-то; вы звѣз-

ды ясныя затемните свой свѣтлояркой свѣтъ, чтобы безъ вашего свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, забытье со безпамятью; а былъ бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую печаль со бѣдою, сонъ со дремотою; а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

55. Заговоръ красной дѣвицы отъ призо-
роковъ.

Посреди Окіанъ моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, что вѣтрами сѣверными, подымалась мятель со снѣгами, нагонялись волны на высокъ теремъ, налетали орлы черны на широкъ долъ, выходила красная дѣвица къ загорному студенцу, во тоскѣ, во кручинѣ, садилась красная дѣвица вокругъ студенца, а сама говорила таковы рѣчи: Гой ты, туча грозная со буйными вѣтрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью отъ красной дѣвицы, рыбы такой-то, на Окіанъ море, застели ея путь и дороженьку мятелью со снѣгами, прикрой призорки бѣлосѣрыми волнами, приставь въ сторожки черныхъ орловъ. Умываю я красную дѣвицу, такую-то, изъ загорнаго студенца ключевой водой; стираю я съ красной дѣвицы, такой-то, всѣ узорки съ призораками; отмываю я отъ красной дѣвицы, такой-то, зловѣщихъ вороновъ съ воропихами, съ ворончатами; отгоняю я отъ красной дѣвицы, такой-то, ея заклятаго врага, что того врага, что зоронилъ

призороки въ ея тѣло бѣло; въ ея сердце ретивое, что того врага, что затмилъ очи ясны, что того врага, что порудилъ красоту дѣвичью, что того врага, что сгубилъ семью почетную, что отнялъ дочь отъ матери, что сокрушилъ отца безвременьемъ дочернимъ.

Заговариваю мои заповѣдныя словеса, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ на отгнаніе призо-роковъ отъ рыбы такой-то, по сей день, по сей часъ, по ея жизнь. А будетъ заговоръ ни чѣмъ не порушимъ: ни водою, ни землею, ни огнемъ, ни аеромъ, ни словомъ, ни духомъ; а быть ему во всемъ потому, какъ уряжено мною. А буде кто покусится порудить мой заговоръ, ино ему провалиться въ бездны пренсподнія, въ яму угольную, а красной дѣвицъ такой-то быть по добру, по здорову.

56. Заговоръ отъ колотья и болястей.

Заговариваю у рабѣ, такой-то, колотье и бо-лясти симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ; и за-повѣдаю вамъ колотье и болясти таскаться по міру отъ востока до запада, отъ озера до боло-та, отъ горы до дола, отъ моря до моря, отъ избы до терема, отъ лѣса до перелѣся, отъ старца до мала человека, отъ звѣря до гада, отъ города до пригородовъ, отъ ессы до погос-та, отъ деревни до стана, отъ звѣзды до мѣся-ца; а къ востоку до запада не доходить, а въ озерѣ со болотомъ утонуть, а съ дола на го-ру не влѣсть, отъ моря до моря не перебро-дить, и въ лѣсу съ перелѣсьемъ зацѣпиться,

а отъ старца до мала чловѣка быть побиту, и отъ звѣря до гада быть заѣдену, отъ города до пригородовъ быть изгнану, отъ села до погоста быть по одалъ, отъ деревни до стана быть за капаломъ, отъ звѣзды до мѣсяца не досячь. Мои словеса велики, мой заговоръ крѣпокъ. Кто же отъ чловѣкъ порушитъ мой словеса, кто задумаетъ расторгнуть мой заговоръ, и тому не бывать, а быть во всемъ по моему.

57. Заговоръ на изгнаніе съ островника
звѣрей и гадовъ.

Хожу я по замѣсю утренней росой, собираю я травы зельныя, варю травы зельныя во мѣднѣной ростъ, поливаю травами зельными со водою по всемъ кустамъ, по всемъ деревьямъ, по всемъ полямъ, по всемъ межамъ. Вы, звѣри лютые выходите, вы, гады выбѣгайте, вы, недобрые люди отбѣгайте. Во моемъ островникѣ звѣрямъ не живать, гадомъ не бывать, недобрымъ людямъ не захаживать, а быть бы мнѣ большимъ набольшимъ; а звѣри бы во моемъ островникѣ меня слушались, а гады бы съ моего островника прочь отбѣгали бы. Мое крѣпкое слово да будетъ всему превозмогъ. Какъ могучи травы зельныя, такъ бы могучей того былъ мой заговоръ подъ молоду, подъ исходъ, подъ перекрой, по восходъ и по закатъ солнца; подъ появъ Сажара и Кучекроя, подъ Замежужа, подъ Отвори воротъ, подъ Наскоча, подъ Зеленца, подъ звѣзды лсныя и темныя со всеми звѣздами и полувѣздами.

СКАЗАНИЯ

О ЧАРОДѢЙСТВѢ.

1. ЧАРЫ НА ВѢТЕРЬ.

Чары на вѣтеръ извѣстны были въ Русскомъ Чернокиевѣи еще въ XVI столѣтіи. Курбскій, участникъ славы Царя Іоанна IV Васильевича, описывая Казанскую битву, говоритъ, что Казанскіе Татары, желая очаровать Русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ Русскою семейною жизнью, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Чтобы увѣриться—дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ, стоитъ только заговорить съ первымъ Русскимъ селяниномъ, и сотни примѣровъ будутъ предъ глазами. Въ селахъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ Чародѣевъ этому ремеслу, когда отроившіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, разсматривая примѣненія чаровъ на вѣтеръ къ разнымъ случаямъ, видно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно предполагать, что чары на вѣтеръ изобрѣтены Казанскими Чародѣями.

Чары на вѣтеръ составляютъ жестокою месть въ оскорбленіи. Желая отомстить своему врагу, поселіице отправляются къ Чародѣю, рассказываютъ свою обиду, просятъ его почаровать на вѣтеръ. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстинку, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живетъ твой супостатъ?» — «Вотъ въ этой-то сторонкѣ, говоритъ обиженный, живетъ мой супостатъ!» — Выходятъ вмѣстѣ на дорогу и оба смотрятъ: есть ли туда попутный вѣтеръ? Если естъ вѣтеръ, тогда пристають къ совершенію обряда. Обиженный поселіицы беретъ съ дороги снѣгъ или пыль, смотря по времени года, и отдаетъ съ поклономъ Чародѣю. Этотъ принявши пыль, бросаетъ на вѣтеръ, приговаривая проклятіе:

«Кула, Кула! Ослѣпи такого-то черные, вороные, голубые, каріе, бѣлые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Умори его скорѣе змѣи мѣдвяницы!»

Проговоривши проклятіе, Чародѣй глубоко задумывается, потомъ рассказываетъ: видѣ, примѣты, мѣсто — куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ корчило этого человѣка; какъ онъ лишился зрѣнія; какъ раздувался своею утробою; какъ началъ чахнуть; какъ теперь томится недугомъ смертельнымъ.

Поселіице убѣждены, что если ихъ врагъ по-

падется подъ проклятіе Чародѣя, то онъ непременно будетъ жертвою чарованія. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній человѣкъ, сходный лицомъ и всѣми примѣтами съ его врагомъ. Вѣроятно, что извиненія высказываются напередъ самими Чародѣями, въ оправданіе своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеніе къ чудесамъ составляютъ основу этого чарованія. Зная простоту поселянъ, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себя обманывать Чародѣямъ. Многіе извѣстны многія успѣхи, предпринимаемыя для истребленія этого обмана, къ сожалѣнію, увеличившія еще болѣе увѣренность простодушныхъ въ дѣйствительности этихъ чаръ. Кажется, что все это происходитъ отъ того, что благотельные помѣщики не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетвореніе обиды, вниманіе къ бѣдствію—могутъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русскою поселяниною тихъ и спокоенъ, добръ отъ природы, понятливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдствіе, онъ лишается этихъ наслѣдственныхъ доблестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностію въ распоряженіе обманщиковъ.

*

2. ЧАРЫ НА СЛѢДЪ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разувѣрить. Человѣкъ, подвергшійся этому чарованію, почитается отъ всѣхъ погибшимъ, недоступнымъ ко всякому исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на Русскую землю это чарованіе? Что оно не Русское созданіе, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Люди, занимающіеся этимъ ремесломъ, суть: Цыгане, Литовцы, Татары, Молдаваны, сельскіе Русскіе коновалы, бродячіе по Русскимъ селеніямъ, съ предложеніемъ услугъ, всегда остающихся въ накладъ простодушнымъ поселянамъ. *Спрашивай бывалаго* — Русское повѣріе — составляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужеземныхъ диковникахъ, поселяне всегда стараются выпытывать, всѣми возможными средствами, объ отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалый, какъ опытный обманщикъ, научаешь глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть ни что другое, какъ обыкновенная болѣзнь, извѣстная въ Медицинѣ подъ именемъ: *Старческаго увяданія* — Marasmus. Человѣкъ сохнетъ, теряетъ съ каждою минутою жизненныя отправленія, лишается умственныхъ способностей, и въ истощеніи постепенномъ, медленномъ, умираетъ. Поселяне,

непонимающіе свойства болѣзней, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ на слѣдѣ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдѣ употребляются: въ любовныхъ интригахъ, въ размолвкѣ соседей, въ явной, непримиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ будто они нагоняютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человека до послѣдней возможности, и доводятъ перѣдко до самоубійства. Вотъ основное вѣрованіе поселянъ въ это чарованіе.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары на слѣдѣ, стараются подмѣнить слѣдъ проходящаго человека, своего непримиримаго врага. Замѣтивши слѣдъ, они закрываютъ его, чтобы посторонніе не истребили. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣды, которые были напечатлѣны: на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, и въ особенности тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажется, выдуманно, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный Чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдъ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ съ ступени. Для этого они употребляютъ широкій ножикъ, какъ говорятъ они же, окровавленный вихремъ. Надъ этимъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда Чародѣи прячутъ слѣдъ или подъ матицу, или

подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь, сжигаетъ слѣдъ въ банѣ.

Зло, совершенное Чародѣями надъ подвергшимся этому чарованію, можетъ быть и уничтожено. Замѣтивши тоску, поселіе призываютъ или *Доку*, или *Вьдуна*, или *Знахаря*, и просятъ его, съ подарками, избавить больнаго отъ недуга. Дока, рѣшившійся помогать, прежде всего осматриваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселіе слѣпо вѣрятъ, что Докамъ извѣстно: сколько у каждаго чловѣка есть волосъ, и что вылезающіе волосы всегда падаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣщаніе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроятно принадлежали другому. Это условіе есть приготовленное оправданіе для неудачи. Дока выноситъ найденный слѣдъ на улицу и бросаетъ на дорогу, но направленію вѣтра. Этимъ самымъ егоняется тоска. Когда Дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя, что только это средство избавить его отъ недуга.

Всякой благомыслящій чловѣкъ, конечно, будетъ сожалѣть о заблужденіи поселіа, и, безъ сомнѣнія, пожелаетъ истребленія этого повѣрія. Что чары на слѣдъ есть обманъ, въ

этомъ нѣтъ сомнѣнія. Кто, кромѣ помѣщиковъ и приходскихъ священниковъ, можетъ истребить это зло? На нихъ основывается надежда въ исполненіи этого желанія!

5. Чары для колѣкъ.

Чары для колѣкъ должны обращать особенное вниманіе помѣщиковъ по своему злоупотребленію въ семейной жизни. Простолюдникъ рѣшительно вѣрить, что колѣки, люди, обезображенные разными болѣзнями, сугь несчастливцы, очарованные Доками, Вѣдунами. Можно ли придумать нелѣпѣ этого заблужденія? Русской поселянникъ, при взглядѣ на колѣкъ, сожалеетъ объ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится, предполагая въ ихъ тѣлѣ присутствіе *нечистой силы*. Не лѣзя обвинять поселянина за это послѣднее предположеніе: достовѣрные извѣстія объ изуродованіи людей могутъ приводить всякаго въ содроганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни толпы слѣпыхъ, подводы съ изуродованными людьми? До сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще проказы ихъ существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершаемомъ слѣпыми и колѣками, для благовиднаго собиранія милостыни, чары для колѣкъ дѣйствительно находятся въ Русскомъ Чернокнижій. Что бы увѣрить себя, что они занесены въ нашу

родину съ чужой стороны, рассмотримъ совершение этого обряда. Это только одно можетъ доказать, что Русской поселянщѣ не былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Чародѣи, для совершенія своего обряда, берутъ *землю* съ свѣжей могилы, вынимаютъ *золу* изъ семи печей, собираютъ *соль* изъ семи избъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучи, или въ чулки, или кладутъ въ лапти вмѣстѣ подстилки. Безъ всякаго сомнѣнія, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто нибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обречено это снадобье, лишается употребленія поги. Въ этомъ заключается совершеніе чаровъ для колѣкъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себѣ или частицы селитренныя, или известковыя, но въ смѣшеніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ пожную испарину, и будучи растворимъ ею, овлаживаетъ, такъ сказать, своею сыростию соприкосновенныя части. Если при этомъ обратимъ вниманіе на способность человѣческой организаціи всасывать въ себя всякую водянистую влажность, то легко увѣримся, что составъ Чародѣевъ для колѣкъ основанъ на вса-

сываніи испареній, и, что въ слѣдствіе этого неизбежно долженъ образоваться: *искусственный ревматизмъ*. Простолюдникъ, не понимая законовъ природы, не вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ увѣрять, что это дѣлають злостные мертвецы, ненавидящіе живущихъ людей, за то, что они, будто бы на перекоръ судьбы, остаются въ замѣнъ ихъ наслаждаться мірскими удовольствіями.

Военные врачи должны, въ мирное время, обращать особенное вниманіе на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для колѣкъ.

Не возможно допустить, что бы Русскій поселянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобрѣтателемъ искусственнаго ревматизма — или чаровъ для колѣкъ. Если есть изъ Русскихъ, занимающихся этимъ промысломъ, то, вѣроятно, что они исполняютъ это по преданію, безъ всякаго понятія о законахъ химическаго соединенія, безъ знаній о дѣйствіи веществъ на человѣческое тѣло. Послѣ этого мы смѣло можемъ сказать: чары для колѣкъ есть изобрѣтеніе чужеземное, занесенное въ Русскую землю. Доселѣ еще остаются темныя понятія о кликушахъ, которыхъ всегда выдаютъ за бѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: *искусственная Истерика*. Кровогонительныя средства, нарушая отправленіе женскихъ органовъ, возвышая раздраженіе нервной системы, обра-

зуютъ такое искусственное состояніе Перваго Электричества; что врачи никакъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенные законы происхожденія болѣзней. Замѣтимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселянъ обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на человѣческій организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей. Это-то знаніе, облеченное разными таинствами, обрядами, обманами всегда употребляется ими во зло. Отъ этого произошло образованіе многихъ искусственныхъ болѣзней.

4. ЧАРЫ НА ЛОШАДЬ.

Чары на лошадь, сопровождаемыя глупымъ вѣрованіемъ въ мщеніе мертвецовъ, нашли для себя приютъ въ сельской жизни. За достовѣрное можно принять, что основателями этого чародѣйства были Цыганы, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманы, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого обмана, дѣлаются вмѣстѣ и исполнителями чаровъ на лошадь.

Чтобы совершить надъ лошадью чары, поселяне, по совѣту Чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни, и тамъ, гдѣ это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ос-

дѣленіе черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія поги. Обманщики прикрывали это зло таинственнымъ повѣріемъ, основаннымъ на мщеніи мертвецовъ.

Пастухи изъ непамяти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вбѣгаютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операціи невинное животное хромаетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ, увѣрившій простолюдина повѣріемъ, что покойникъ, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причиной сдѣланнаго зла бываютъ посторонніе люди.

Конечно, никто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ въ сельской жизни, и столько же причиняетъ вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ, самъ собою, не рѣшается на эти чары безъ содѣйствія Чародѣя.

5. ЧАРЫ НА ПОДТЕКЪ.

Чары на подтекъ принадлежатъ болѣе къ домашнимъ бѣдствіямъ, нежели въ чудесахъ, неизъяснимымъ ни законами природы, ни понимае-

мымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣріе, что этимъ чарованіемъ обладаютъ мѣльники.

Мѣльникъ Русской для своего заведенія бы-
ваетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ.
Плотина для мѣльничнаго пруда есть верхъ его
искуства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ
укоризна для соперниковъ поремеслу. Люди нена-
вистные придумали разрушать плотины, устрои-
ваемые въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣи яви-
лись съ своими услугами и образовали чары на
подтекъ, содержимыя въ большой тайнѣ. При-
званные злыми мѣльникомъ, они бросаютъ
въ прудъ змѣиное молоко. Поселянцы вѣрять,
что это такъ, какъ увѣряетъ его Знахарь сво-
его дѣла. Но змѣиное молоко Чародѣя есть—
живая ртуть. Кромѣ змѣинаго молока, Чародѣи
совѣтуютъ бросать въ осминномъ мѣшкѣ зо-
лу, по зарямъ вечернимъ и утреннимъ, увѣ-
ряя, что зола выгоняетъ изъ пруда Водянаго
Дѣдушку. Чернь слѣпо вѣрять и въ зори и въ
Водянаго.

Могутъ ли Чародѣи разрушить этими сред-
ствами плотину, рѣшить не возможно; но, что
это зло, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Облекая его
мифами и чудеснымъ разсказомъ о выходѣ Во-
дянаго изъ воды—обманщики обольстили про-
стодушныя сердца поселянъ, часто недоступ-
ныя къ состраданію.

6. ЧАРЫ НАДЪ ЗМѢЮ.

Чары надъ змѣею изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушнымъ кажется всегда возможнымъ преклонить человѣческое сердце къ любви *неволею*. Недовольствуясь одними заговорами, они прибѣгли къ чарованію, и Знахари явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарованій, распространилъ любовныя чары по всему свѣту. Невѣжество людей приняло съ восторгомъ обольщеніе старой жизни, украшенное восторженными рассказами, роскошною жизнію. Русская земля получила всѣ любовныя чарованія отъ Грековъ, съ первыхъ дней сношенія съ этимъ народомъ.

Главное основаніе чаровъ надъ змѣею заключается въ суевѣрномъ вѣрованіи въ нечистую силу. Обманщики успѣли внушить народу, что сопротивленіе противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человѣческими несчастіями. Не понимая, что источники всѣхъ семейныхъ несчастій заключаются въ собственной порочной жизни, люди приписали ихъ духамъ. Простодушная дѣвушка, увѣревшая коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены надъ нею для любви такого-то, вѣритъ безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Неудивительно, что отъ этого вѣрованія, ничтожныя зати Знахарей, содѣлались доступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершенія чаровъ надъ змѣею, вручаютъ деревянную рагульку, могущую, по ихъ увѣренію, укрощать змѣй, и отсылаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападутъ на это животное, должно рагулькою придавить его къ землѣ. Въ это время надобно стараться продѣть сквозь змѣиные глаза иглку съ ниткою, и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ, что бы раба такая-та любила меня и жалѣла.»

Потомъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любимымъ предметомъ, должно продѣть этою иглою съ ниткою платье такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Въ противномъ же случаѣ чары остаются ничтожными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается любовь, и продолжается дотолъ, пока будетъ находиться нитка въ платьѣ.

Кромѣ этого, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣчать охлажденіе въ любви, тогда зажигать змѣиную свѣчу и любовь снова возгарится. Когда же вся сгоритъ свѣча — тогда любовь на вѣки простываетъ.

Чары надъ змѣею совершаются во многихъ Русскихъ селеніяхъ, хранятся съ большею тайною и покупаются дорогою цѣною.

7. ЧАРЫ НАДЪ ЛЯГУШКОЮ.

Чары надъ лягушкою принадлежать къ любовнымъ чарованіямъ и запесены въ Русскую землю съ Востока. Приворотить сердце дѣвушки казалось нашимъ предкамъ дѣломъ сверхъ-естественнымъ, выходящимъ изъ круга семейной жизни, недоступнымъ для ихъ разума. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было обманщикамъ усвоить себѣ власть надъ простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать *красой дѣвчьею*, всегда прибѣгаетъ къ Знахарю за совѣтами—*пособить своей тоскѣ*. Знахарь приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣетъ схватить парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ продыравленный кувшинъ, и бѣжать, неоглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ этого онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику—то его нечистая сила можетъ сокрушить. Народъ думаетъ, что нечистая сила по неволѣ должна сообщать чарованіе костямъ парныхъ лягушекъ; но если неопытный будетъ оглядываться, то она будетъ метить за невольное отторженіе силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто либо устоялъ про-

тивъ искушеній, и сберегъ такую заповѣдь. При томъ часто случается, что посторонніе люди, научаемые нечистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюбленный идетъ на третій день къ муравьиной кочкѣ, раскапываетъ и находитъ: вилку и крючекъ. Эти орудія дѣлають чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крючкомъ — и желаніе увѣичано. Если же дѣвушка становится въ тягость — то стоитъ только оттолкнуть вилкою — и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслящаго человека чары надъ лягушкою есть совершенной вздоръ; но поселянинъ не только безусловно вѣрить этому, но и съ большою готовностію обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно гибельно для дѣятельности сельской. Часто простолюдинъ по цѣлымъ годамъ бываетъ занятъ этою одною мыслию, забывая свои обязанности.

8. ЧАРЫ НАДЪ ГОЛУБИНЫМЪ СЕРДЦЕМЪ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равно утѣшаютъ и молодыхъ и старыхъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣрная дорога къ любви, старые же полагають, что съ этимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположеніе отъ всѣхъ людей и на всю

жизнь. Разсматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, не возможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарованіе. Греки и Римляне прибѣгали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Не есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Албертъ, въ своемъ сочиненіи о таинствахъ—сказалъ: *Si tecum habueris cor columbis, omnes te ament*: Слѣдовательно, это повѣріе занесено на Русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаровъ надъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей бѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзывая внутренности, они вынимаютъ сердца, обмываютъ въ водѣ и потомъ засушиваютъ въ печи. Эти сердца, высушенные и завязанные въ холстину, поселяне и поселянки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарованія. Въ деревняхъ онъ почитается непропиаемою тайною, и переходитъ отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ—цыганъ, коноваловъ и старушекъ-лечеекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки-лечейки толкутъ это сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зарямъ дѣтямъ, страждущимъ злыми пелугами—корчами. Посс-

ляне вѣрить, что отъ этого уничтожаются злые педуги.

Злобные старики и отвратительныя старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованныя голубиныя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ намѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныя поселанки придумали и противъ этого зла средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепель кладутъ подъ порогъ, на пошираніе всѣмъ проходящимъ людямъ.

9. Чары надъ змѣями и лягушками.

Въ Русскихъ селеніяхъ почитаютъ за достовѣрно—возможность переселенія змѣй и лягушекъ не только въ дворы, дома, житницы—но и въ живыхъ людей. Казалось, что это мифіе, какъ вздорное, не заслуживаетъ и упоминанія; но, какъ оно дѣйствительно существуетъ и притомъ въ превратномъ видѣ, и какъ есть самое величайшее зло въ сельской жизни, что здѣсь упоминается изъ одной необходимости, въ предосторожность простодушнымъ поселанамъ.

Чары надъ змѣями и лягушками составляютъ самое отчаянное чарованіе въ Русскомъ Черноокіи. Разгнѣванный поселанинъ, ожесточенный до послѣдней возможности, лишенный всѣхъ средствъ къ отмыщенію, прибѣгаетъ

съ просьбою къ Чародѣю совершить чары надъ змѣями и лягушками. Это значить, что Чародѣй долженъ напустить змѣй и лягушекъ въ дворъ его врага. Уговорившись за дорогую цѣну, Чародѣй исправляетъ просьбу селянина.

Чародѣи совершаютъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: берутъ змѣй и лягушекъ, засушиваютъ въ печи, потомъ толкутъ въ мелкій порошокъ и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ. Когда бываетъ кому нужно напустить этихъ животныхъ, они завязываютъ порошокъ въ холстину и кладутъ въ навозъ. По прошествіи извѣстнаго имъ времени, вынимаютъ холстину, въ которой, по ихъ увѣренію, изъ каждой пылинки образуется новое животное. Этихъ-то, едва образовавшихся животныхъ, Чародѣи разбрасываютъ по дворамъ, гдѣ они размножаются до послѣдней возможности.

Къ несчастію человѣчества, есть такіе жестокіе люди, которые рѣшаются поить этимъ порошкомъ своихъ враговъ. Противъ этого зла поселяне употребляютъ свѣжую мялну и землянику. Несчастные страдальцы кладутъ вокругъ себя ягоды этихъ растѣній, и животные, гнѣздящіеся въ нихъ, будто вынозданы.

Обнародывая это зло съ истиннымъ желаніемъ его уничтоженія, мы увѣрены, что сострадательныя сердца обратятъ все свое стараніе къ его искорененію. Этому требуетъ отъ всѣхъ человѣчество.

10. Чародѣйскій травникъ.

Вѣрованіе поселятъ въ травы бываетъ чрезвычайно разнообразно. Кромѣ благотворнаго ихъ вліянія, уничтожающаго болѣзненныя состоянія человѣческаго тѣла, они допускаютъ, что въ травахъ скрывается нечистая сила, вѣдомая только Чародѣямъ. Пересчитываемъ лишь замѣчательныя травы изъ Чародѣйскаго травника.

1. Трава колюка.

Трава колюка собирается Чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье, окуренное этою травою, мѣтко стрѣляетъ и ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла; и что такое ружье нельзя уже заговорить Кудеснику ни какимъ заговоромъ.

2. Адамова голова.

Трава Адамова голова находится въ большомъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи собираютъ ее на Ивановъ день и хранятъ скрытно до Великаго Четверга. По народному понятію чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники, получившіе эту траву изъ рукъ записнаго Чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ — въ Великій Четвертокъ.

3. ТРАВА ПРИКРЫШЬ.

Трава Прикрышь собирается Чародѣями въ Великоденскій мясоѣдъ, отъ 15 Августа до 1 Октября. Люди свѣдущіе въ чарованіяхъ употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда Захаръ забѣгаетъ впередъ, кладетъ траву Прикрышь подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная напередъ родными о дѣйствіи Захари, при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть чрезъ порогъ. Если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою: въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастья новобрачной четѣ.

4. СОНЪ-ТРАВА.

Сонъ-траву собираютъ Чародѣи въ Маѣ мѣсяцѣ, при желто-голубомъ цвѣщеніи, съ разными наговорами и обрядами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою—предсказывать соннымъ добро и зло. Собранный Чародѣемъ съ утреннею росой, опущенный въ холодную воду, она выплываетъ при полнолуніи, и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ Сонъ-траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждами. Если быть счастливо, тогда въ сонныхъ видѣніяхъ представ-

лется молодая дѣвушка или молодой мужчина; если же быть бѣдѣ, тогда является смерть.

5. Кочедыжникъ.

Кочедыжникъ или Папоротникъ срывается подъ Ивановъ день, съ особенными обрядами и заговорами. Сила чародѣйская, по народному понятію, заключается въ цвѣтъ Кочедыжника; онъ цвѣтетъ только въ ночь подъ Ивановъ день и охраняется нечистою силою. Поселеніе подробно описываютъ цвѣщеніе Кочедыжника. Повторимъ ихъ рассказъ:

Въ глухую полночь изъ куста широколиственного Папоротника показывается цвѣтучая почка. Она то движется впередъ и назадъ, то заколышется какъ рѣчная волна, то запрыгаетъ какъ живая итничка. Все это происходитъ отъ того, что нечистая сила старается скрыть отъ людскаго взора этотъ цвѣтъ. Потомъ ежеминутно увеличиваясь и выростая вверхъ, цвѣтетъ, какъ горячій уголь. Наконецъ ровно въ 12 часовъ, съ трескомъ развертывается цвѣтъ, какъ зарница, и своимъ пламенемъ освѣщаетъ около себя и вдали. Въ этотъ самый мигъ является нечистая сила и срываетъ цвѣтъ.

Рыцарившійся сорвать цвѣтъ Кочедыжника, долженъ ратѣ придти въ лѣсъ, отыскать кустъ, очертить кругомъ черту и дожидаться расцвѣта. Онъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ противъ нечистой силы, претерпѣть все иску-

иженія, быть равнодушнымъ противъ всѣхъ превращеній нечистой силы. Если онъ осязнется на зовъ, то нечистая сила свертываетъ голову, или задушиваетъ, или одурачиваетъ на всю жизнь. Досель еще въ деревняхъ имѣть примѣра, чтобы кто нибудь могъ сорвать цвѣтъ Кочедыжника, кромѣ Чародѣевъ. Цвѣтъ Кочедыжника имѣетъ силу: владѣть нечистыми духами, повелѣвать землею и водою, отыскивать клады, дѣлать невидимкою. Вся эта сила будетъ принадлежать тому, кто содѣлается обладателемъ этого цвѣта. При отысканіи земляныхъ богатствъ, кладоконатели бросаютъ цвѣтъ Кочедыжника вверхъ. Если гдѣ есть кладъ, этотъ цвѣтъ будетъ носиться надъ нимъ, какъ звѣзда, и прямо упадетъ на землю.

6. ТРАВА ТИРЛИЧЪ.

Трава Тирличъ собирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Дибра, подъ Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ силою превращенія и достается только въ удѣлъ однимъ Вѣдмамъ. Изъ Тирлича выжимается сокъ, которымъ натираютъ Оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проникательныя, знавши свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и Чародѣи дорожатъ Тирличемъ, какъ сокровищемъ.

7. РАЗРЫВЪ-ТРАВА.

Разрывъ-трава имѣетъ два названія: *Приаунъ*, *Скаунъ*. Это растеніе, столь рѣдко, что люди, только посвящаемые въ таинство Чернокнижия могутъ находить его. Поселенцы думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ Кочедыжника, у кого есть корень Плакуна, того всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоценной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ разные свойства: разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мелкіе кусочки.

Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество въ землю на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными дверями съ огромными замками, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія этихъ дверей и замковъ; потому что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кто же можетъ бороться съ нечистою силою? Русской поселянинъ бѣжить отъ такой борьбы. Кладокопатели издерживаютъ большія суммы на полученіе Разрывъ-травы.

8. ТРАВА ПЛАКУНЪ.

Трава Плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный мифъ, против-

ный религін и обставили обрядами, достойными сожалѣнія.

Чародѣи собирая Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею, безъ всякихъ желѣзныхъ орудій выкапываютъ ея корень. Простолудины полагають, что это растѣніе обладаетъ удивительною силою: приводитъ въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирять ихъ и приводить въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень Плакуна для изгнанія Домовыхъ, Вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущихъ клады.

Съ горестію упоминаемъ о сусѣтріяхъ нашихъ поселенъ надъ этою травою. Можетъ быть, наши слова дойдутъ до сердецъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ, и, можетъ быть, принесутъ пользу истребленіемъ народнаго зла въ вѣрованіе къ этой травѣ. Наши сусѣтры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши траву Плакунъ съ корнемъ, являютъ въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на Востокъ. Въ это время они произносятъ заговоръ:

«Плакунъ, Плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ Вѣдьмамъ Кіевскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ сле-

захъ. А убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ лмы пренсподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣкомъ!»

Для нихъ бываетъ не довольно этихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ обрядомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упомянуть.

Чародѣйскій травникъ, занесенный въ Русскую землю изъ Бѣлоруссiи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травою Плакунъ, обрядахъ противныхъ Христiанской Религiи. У записныхъ знахарей эти травники сохраняются письменные, Польскими буквами. Не умѣя ихъ читать, они точь-въ-точь произносятъ ихъ, не упуская даже ни одной буквы. Этотъ новый источникъ селскаго заблужденiя, вѣролтно, зашелъ въ наше отечество въ время Самозванцевъ. Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травники были уничтожены, или крайней мѣрѣ, чтобы простолюдины увѣрились въ ихъ ничтожности?

9. Трава Нечуй-вѣтеръ.

Трава Нечуй-вѣтеръ, по сказанiю Чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можетъ: остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ потопленiя, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День собиранiя травы Нечуй-вѣтеръ назначаетъ

ся у поселенъ 4 Января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ, бросаетъ траву Нечуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зрячіе не могутъ находить это растѣніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они наступаютъ на эту траву, тогда ихъ въ слѣпые глаза колютъ ирлы. Если они успеютъ поднять и схватить ее руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ею силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по дѣревнямъ, кочующіе всю жизнь на счетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ этихъ людей и жалкое состояніе привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселенъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву Нечуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселенями за непреодолимую негину.

44. Заклинательная пѣсня надъ духами.

Говорятъ, что заклипательныя пѣсни зашли въ Русскую землю изъ Бѣлоруссіи, Польши, Остзейскихъ губерній и Швеціи. Основательныхъ доказательствъ на это нѣтъ, а разсказамъ не вѣрятъ. Безъ сомнѣнія можно полагать, что они представляютъ только собою остатокъ древней Восточной жизни, переходившій въ народы и

здѣсь дожившій до нашихъ временъ. Пересказываемъ одну пѣсню.

С. А. Т. О. Р.
 А. Р. Е. П. О.
 Т. Е. Н. Е. Т.
 О. П. Е. Р. А.
 Р. О. Т. А. С.

Что значить эта пѣсня, до сихъ поръ еще ни кѣмъ не было объяснено. Наши поселяне знаютъ только ея слова, но не понимаютъ ея значенія. Говорятъ, чтобы узнать истинный смыслъ ея, должно переставить всѣ слова по способу извѣстному однимъ заклинателямъ духовъ. Замѣчательно, что эта пѣсня имѣетъ такой складъ въ словахъ, что можно читать: сверху, снизу, съ правой и лѣвой сторонъ, и все будетъ одно и то же¹.

Заклинательная пѣсня надъ духами вошла въ Русскую Демонологию, и наши Вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядѣ посвященіи. Къ удивленію нашего времени, есть еще люди, вѣрующіе въ эти вѣдьмы, и страшащіеся ихъ дѣйствій.

12. Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ.

Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ поется, говорятъ опытные въ Демонологию, при полетѣ Вѣдьмъ

1. Въ Русской Демологіи она имѣетъ другую форму. См. въ концѣ этой книги особое дополненіе. Въ Румянцовскомъ Музеумѣ есть сборникъ, гдѣ эта пѣсня названа: Соломоново печатію.

на шабашъ къ Лысой горѣ. Русскія Вѣдьмы вѣ-
рятъ безусловно въ этотъ вздоръ и стараются
въ немъ увѣрять поселянъ. Въ Русской Демоно-
логіи она имѣетъ слѣдующую форму¹.

А.

А. Б.

А. Б. Р.

А. Б. Р. А.

А. Б. Р. А. К.

А. Б. Р. А. К. А.

А. Б. Р. А. К. А. Д.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.

А. Б. Р. А. К. А. Д. А.

А. Б. Р. А. К. А. Д.

А. Б. Р. А. К. А.

А. Б. Р. А. К.

А. Б. Р. А.

А. Б. Р.

А. Б.

А.

Чародѣи увѣряютъ, что будто бы при каж-
домъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада.

1. См. 5 ч. Сказаній Руск. Народа, гдѣ она будетъ объяснена
по извѣстнымъ повѣріямъ, которыя допускаются народомъ.

Наши поселяне вѣрятъ и этому вздорному сказанію.

13. Пѣсня Вѣдьмъ на Лысой горѣ.

Въ заповѣдныхъ сказаніяхъ поселинъ есть повѣріе, что какой-то казакъ, забравшись на Лысую гору, подслушалъ цѣсно Вѣдьмъ; по шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ она гуляетъ по бѣлому свѣту и передается Чародѣями однимъ только Вѣдьмамъ. Цѣтъ почти ни какой возможности достигнуть смысла этихъ словъ. Это какая-та смесь разнородныхъ звуковъ языка, никому неизвѣстнаго, и, можетъ быть, никогда небывалаго,

Кумара.

Нихъ, нихъ, запаламъ, бада.

Эшохомо, лаваса, шиббода.

Кумара.

А. а. а.—о. о. о.—і. і. і.—э. э. э.—у. у. у.—е. е. е.

Ла, ла, собъ, лі, лі, собъ, лу, лу, собъ!

Жунжанъ.

Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ.

Лиффа, пррадда, гуятунъ, гуятунъ.

Наппалимъ, ваппиба, бухтара.

Мазитанъ, руаханъ, гуятунъ.

Жунжанъ.

Яндра, кулайиеми, яндра,

Яндра.

14. Шабашная пѣсня Вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня Вѣдьмъ, говорятъ поселяне открыта одною молодою дѣвушкою, обращенною изъ Вѣдьмъ въ прежнее состояніе¹.

Гутцъ!
 Алегрёмось!
 Астаротъ, Бсгемоть!
 Аксафать, Сабатанъ!
 Тенемось!
 Гутцъ!
 Маля, на, да, кагала!
 Сагана!
 Веда, шуга, ла, на, да, шуга!
 Сагана!
 Гуля, гуля, на, да, лаффа!
 Сагана!
 Шиха, эхепъ, рова!
 Чухъ, чухъ!
 Крыда, эхепъ, сцоха!
 Чухъ, чухъ, чухъ!
 Гутцъ!

15. Пѣсня Вѣдьмъ на Роковомъ шабашѣ.

Вотъ еще странное смѣшеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ Цыганъ! Пользуясь этою пѣснью, наши старухи-колдуньи думаютъ, что обладаютъ несмѣтнымъ богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сей часъ обогатить того, кто только можетъ проиѣть ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бываютъ совершенно

1. См. въ концѣ этой книги особое дополненіе.

пищими, хотя находятся въ состояніи иѣтъ по
сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу!

Шагадамъ, магадамъ, викадамъ.

Небазгнѣ, доюлазгнѣ, фиказгнѣ.

Бейхаманшѣ, гейдуламаншѣ, эламаншѣ.

Ликалу!

Шію, шію, дамъ,—ба, ба, банъ, ю.

Шію, шію, нетоли—ба, ба, згнѣ, ю.

Шію, шію, бала, ли, ба, ба, дамъ ю.

О вилла, вилла, дамъ, юхала!

Гираба, паюра, юхала!

Карабша, гултай, юхала!

Захива, ванилиш, схабатай, янаха.

Захива, гирай, гирай, добила, янаха.

Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.

Мяу! згнѣ, згнѣ!

Гаашъ! згнѣ, згнѣ!

У—у—у! згнѣ, згнѣ!

Бя—бала—! згнѣ, згнѣ!

Кво—кво! згнѣ, згнѣ!

Бду, бду! згнѣ, згнѣ!

Карра! згнѣ, згнѣ!

Тили, тили! згнѣ, згнѣ!

Хивъ, чивъ! згнѣ згнѣ!

Жу, жу! згнѣ, згнѣ!

Згнѣ, згнѣ, згнѣ!

16. Чародѣйская пѣсня Русалокъ.

Поселяне, приписывая Русалкамъ обаятельную
силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за
тайну Чародѣйскую пѣсню Русалокъ, при-

водяцію въ усыпленіе. Звукъ словъ этой пѣс-
ни совершенно непонятенъ, не говоря уже о
значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающіе *всю*
подготовленную, не умѣютъ пользоваться этою пѣ-
снью.

Шивда, вивза, каламда, мингоама!

Пйда, пйда, якуталима, битама!

Нуффаша, зипзама, охуто, ми!

Копоцо, копоцама, копоцама!

Ябудалла, викгаза, мейда!

Ю, іа, о—ю, іа цокъ! ю, іа, пацѣ! ю, іа, пипацо!

Зоокатама, зоосцома, шкамъ, шкамъ, шолда!

Пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ!

Пинцо, пипацо, пипцо, дывза!

Шоно, пинцо, пинцо, дывза!

Шоно, чиходама, викгаза, мейда!

Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!

Руахадо, рындо, рындо, галемо!

Ю іа о! ю іа цокъ! ю іа цокъ! ю іа цокъ!

Пиппуда, боалтамо, гилтовека, шолда!

Котфудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!

Шоно, шоно, щоно!

Пинцо, пинцо, пинцо!

14. ЧАРОДѢЙСКАЯ ПѢСНЯ СОЛНЦЕВЫХЪ

ДѢВЪ.

Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ,
по сказанію Чародѣевъ, поется при брачной
жизни огненного змѣя съ дѣвушкою. Смѣшеніе

Часть I.

9

Русскихъ словъ со звуками совершенно неизвѣстными, заставляетъ думать, что она передѣлана Русскими на свой ладъ.

«Во всемъ домѣ—гилло магалъ—сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой—шингафа—искала дѣва; не богатырь могучъ изъ Ноугорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй.—Лифъ лифъ зауцана калануда.—А броня не мѣдяна, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а щемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калена стрѣла не изъ дѣдовскаго ларца.—Пицапо фукадалимо коропталима канафо.—Полканъ, Полканъ! разбей ты огненнаго змѣя; ты соблуди дѣвчью красу Солицевой дѣвы—Вихадима гилло могалъ дирафъ.—Изъ-за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй по синему небу, во дальнюю деревушку, во теремъ къ дѣвѣ: Могучъ богатырь—Шиялла шибудда кочилла барайчихо дойцофо кирайха дива.—Во малиновомъ саду камка волежкая, а на камкѣ дѣва мертвая, со живой водой, со лютой свекровью, со злымъ свекромъ. Убить огненной змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по мѣдной росѣ, по утренней зарѣ.—Яниха шойдсга бираха виддо.—А паѣхалъ злой Татаринъ, и узляъ во полонъ Солицеву дѣву, въ золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому бархадью.—Уахама широфо.»

СКАЗАНИЯ

О

ЗНАХАРЬСТВѢ.

1. Пчельное дѣло.

Пчельное дѣло въ селеніяхъ почитается самымъ таинственнымъ, важнымъ и, сверхъ того, не для всехъ доступнымъ занятіемъ. Люди закиточные, хозяйственные, имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистою силою. Мнѣнія поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для этого покровителями св. Угодниковъ, другіе обрѣкаютъ Водяному Дѣдушкѣ. Пчельники, приверженцы этого послѣдняго мнѣнія, называются въ селеніяхъ: *Вѣдунали, Дѣдали, Знахаряли*. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя понятія, приобретаемыя по преданію отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершаетъ надъ пчелами свои проказы.

Вѣдуны думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою Водяного Дѣдушки. Матка, какъ первородъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ Чародѣемъ за тридцать головъ Знахарьскихъ и передана въ

улей одного Вѣдуна, по вѣтвѣннѣ нечистой силы. Этотъ Вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, паучилъ матку жалить людей, а матка обучила этому ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда пчельникъ Вѣдунъ устроиваетъ гдѣ нибудь пѣсику, тогда, для хозяйственнаго благоденствія и медоваго обилія, обрекаетъ Водяному Дѣдушкѣ самый лучший улей. Между Вѣдунами до сихъ поръ еще не рѣшено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пѣснкѣ, или бросать его въ трясиное мѣсто, въ болото? Если, которые оставляютъ обреченный улей на пѣснкѣ, то Дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопить въ болотѣ этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможныя средства къ размноженію пчелъ, но еще заставляетъ пчелъ летать на чужую пѣсику для похищенія меда.

Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отроились отъ лошади, заѣженной Водянымъ Дѣдушкою, и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили пѣвода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленье пчелъ началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украсть матку. Когда уже преступникъ открылся въ своемъ похищеніи, то Знахари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ съѣсть матку. За это открытіе отъ ужаленія

пчелъ, Водяной Дѣдушка передать навсегда пчелъ въ руки Знахарей. Получивъ въ свое покровительство пчелъ, они изобрѣли разные способы для охраненія ихъ. Пересчитываемъ:

Для размноженія пчелъ Знахари совѣтуютъ поселянамъ: когда ударять къ утрени на Великъ день, быть на колоколынь, и, послѣ перваго удара, отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пѣспку и кладутъ въ сердовой улей.

Варятъ растенія Дурмаи съ Тысячальственникомъ, брызгаютъ плетень, деревья, строенія, съ цѣлю истребить сосѣднихъ пчелъ и отучить своихъ отъ полету на чужой дворъ.

Во время роенія пчелъ заблаговременно приготавливаютъ улья, окуренные словою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными *припосками*, получаемыми отъ проходящихъ бывалыхъ людей, ставятъ въ ряды, на югъ, востокъ, западъ—такъ, чтобы пчелы прямо вылетали на востокъ. Расположеніе ульевъ пчельники считаютъ важнымъ дѣломъ, и потому, когда желаютъ кому показать свое заведеніе, измѣняютъ его. Это дѣлается болѣею частію изъ подозрѣнія и недовѣрчивости. Подозрѣніе основывается на томъ, что могутъ устроить подобнымъ образомъ такое же заведеніе; а отъ этого опасаются упадка на цѣны. Опасность ожидаетъ на странномъ мнѣніи: будто

бы пчельникъ-Знахарь можетъ дать приказаніе своимъ пчеламъ вытаскать медъ.

Для усиленія чужихъ пчелъ Знахари собираютъ маковыя головки и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Это молоко, всосанное палетною пчелою, можетъ приучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Дѣды-пчельники въ селеніяхъ почитаются всецѣдущими въ сношеніяхъ съ пчистою силою: это просто караульщики. Но простолюдины уважаютъ и боятся оскорбить Дѣда-пчельника; онъ знаетъ, что оскорбленіе всегда ведетъ къ разрушенію хозяйства. Замѣчательная черта Дѣда-пчельника заключается въ предпочтеніи водить пчелъ по лѣсамъ.

2. Сбрызгиваніе.

Сбрызгиваніе принадлежитъ къ важному роду леченія Знахарей. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, сбрызгиваніемъ можно исцѣлить самый опасный недугъ. Чтобы получить этотъ даръ, поселане прибѣгаютъ къ Знахарямъ съ просьбою: передать имъ наговоры надъ водою. Откровенность Знахарей пріобрѣтается хлѣбомъ, овсомъ, домашними животными. Передача наговоровъ сопровождается смѣшными обрядами. Приведемъ ихъ здѣсь.

Поселанины, желающій получить право отъ Знахаря на сбрызгиваніе, долженъ три вечера

паритися въ банѣ, три дня говѣть, три дня ходить по улицѣ съ открытою головою, а послѣдніе три дня посящать Знахаря. Въ пустой избѣ Знахарь ставитъ мису съ водою, по угламъ кладетъ соль. Поселянинъ, пришедши къ нему за передачею, долженъ лизать языкомъ раскладенныя по угламъ соль, золу, уголь, и, при каждомъ глоткѣ, прихлебывать изъ мисы воду. Въ это время Знахарь читаетъ про себя наговоры. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль солона, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла. Ты соль улади, ты зола огорчи, ты уголь очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду, отпадутъ всѣ недуги; кто съестъ мою соль, отъ того откачнутся всѣ болѣзни; кто полжжетъ мою золу, отъ того отбѣгутъ лихіи болѣзни; кто сотретъ зубами уголь, отъ того отлетятъ узоры со всѣми призораками.»

Поселянинъ, наученный Сбрызгиванію, принимается лечить всѣ болѣзни. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою пособить отъ недуга ея внучки, онъ прежде всего торгуется, потомъ беретъ кнутъ, какъ принадлежность Знахаря, и идетъ въ домъ больной. При входѣ его всѣ встаютъ съ почтеніемъ, сажаютъ его

въ передній уголъ, и начинается угощеніе. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза подъ лобъ, маханіе кнутомъ, голова подпертая локтемъ, суть вѣрные ручательства въ его званіи. Въ полномъ разгулѣ онъ проситъ показать больную, и, какаѣ бы то ни была съ нею болѣзни, рывасть однимъ названіемъ: *недугъ*. Это слово понятно поселянамъ. Требуется въ ковшѣ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ больную, и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе на порогъ, прислонясь къ притоколъ, пить остальную воду по зарямъ.

Болѣзни, лечимыя Знахарями, суть слѣдующія: *Лихоманки*—лихорадки, *Лихія болѣсти*—судороги, *Родилецъ*, *Колотье*, *Потрясиха*—ревматизмъ тѣльный, *Зазноба молодецкая*, *Тоска наносная*, *Ушибиха*—падучая болѣзнь, *Черная немочь*, *Узороки*, *Призоки*. Все эти болѣзни именуются у Знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: *недугъ*.

3. Переполохъ.

Переполохъ, по значенію Знахарей, есть *отгѣдъ всякаго испуга*, совершеннаго добромъ и зломъ. Наши поселяне думаютъ, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти; но не зналъ, кто бываетъ причиною испуга, прибѣгаютъ къ Знахарямъ. Знахарь непременно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ

былъ за тридцать земель въ тридцатомъ царствѣ. Въ этомъ трудномъ положеніи онъ долго не останется. Всѣ Знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно одні примѣты, и всегда стараются показать *на убылаго*. При томъ, прежде нежели произнесутъ *отгадъ*, выспрашиваютъ напередъ у приходящаго о всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ разсказовъ они извлекаютъ для себя все пужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія Переполоха, требуетъ: мису, воды, олова и Боговденскую свѣчу, когда испуганные бывають еще жепатыми и обручальную свѣчу, если эта особа будетъ не овдовѣвшая. Иадъ обручальною свѣчею расплавливаетъ олово, потомъ выливаетъ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «Смотрите: вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающіе законовъ физическихъ, слѣпо вѣрують въ разсказъ Знахаря. Послѣ этого начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говоритъ: «вотъ кто испугалъ вашего больнаго!» Потомъ подводитъ больнаго смотрѣть на примѣты. Призванный на смотръ долженъ непремѣнно согласиться съ разсказомъ Знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видалъ и не примѣчалъ. Послѣ этого подходятъ смотрѣть по одному всѣ домашніе, съ подтвержденіемъ словъ о разсказѣ Знахаря. Поселяне стараются отыскивать по

этими примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ большого спадеть, какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ больной долженъ страдать во всю свою жизнь этими недугомъ.

Переполохъ, кромѣ явнаго обмана Знахарей, часто оставляетъ ужасныя послѣдствія. Семейства, отыскивая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вѣчную и мстительную. Это одно уже семейственное несчастіе заставляетъ желать истребленія Переполоха по селамъ.

4. Сопяшница.

Сопяшница, какъ врачеваніе, составляетъ въ рукахъ Знахарей важное лекарство въ брюшныхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности Сопяшницы поселане твердо увѣрены, не смотря на мученія, претерпѣваемые отъ ней больными.

Призванный Знахарь къ совершенію Сопяшницы, требуетъ: миску, въ которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставитъ больной на животъ, пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ этого остается обожженной въ разныхъ мѣстахъ. Раны, полученные отъ обжоговъ, Знахари приписываютъ выходженію болѣзни изъ тѣла. Пеньку послѣ этого кладетъ въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это

время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопить отъ болѣзни. Окружающіе считаютъ вопль страдальцы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, Знахарь даетъ больной пить воду и удаляется.

Выздоровѣетъ ли больная или нѣтъ, Знахарю все равно; онъ получить плату, наградить увѣреніемъ и скроется. Вся бѣда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ, Знахарь говоритъ, что на нее напущенъ послѣ Соняшницы новый недугъ. Его опять приглашаютъ; онъ снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. Открытіе колдуна.

Суевѣрные поселяне полагаютъ, что колдунъ есть существо отрешенное отъ людей, Бога и сроднившееся съ нечистою силою на пагубу людей. Но, какъ колдуны скрываютъ свое искусство и только вредятъ тайно, то простолудники рѣшились открыть такихъ губителей. Знахари открыли средство для этого узнанія.

Поселянникъ, подозрѣвая своего сосѣда въ колдовствѣ, приходитъ къ Знахарю съ совѣтами. Большая часть людей, впадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющіе больныхъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣну, совѣтуетъ ему дожидаться 25 Марта. Въ этотъ день онъ долженъ, послѣ утрени, сѣсть на лошадь, *какую нежаль*

лицемъ къ хвосту, ѣздитъ по селенію, не оборачиваясь назадъ. Когда выйдетъ за околицу, то долженъ смотрѣть на трубы. Въ это время печистая сила провѣтриваетъ колдуновъ, висящихъ на воздухѣ внизъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то печистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или навѣчно сумасшедшимъ, или умираетъ отъ страха. Но, какъ послѣднее условіе слишкомъ тяготитъ воображеніе суевѣрнаго, то онъ не рѣшается на такую поѣздку, и проситъ выполнить это за себя Знахаря. Знахарь долго отговаривается, потомъ торгуется за поѣздку, и получивши подарки, обѣщается открыть того, кого онъ замѣтитъ. Жребій открытія всегда падаетъ на того, кого подозрѣваютъ поселянинъ, хотя Знахарь никогда и не думаетъ ѣздить по селу за открытіемъ колдуна.

Открытіе Колдуна почитается вѣрхомъ искусства Знахаря, и поселяне, рассказывая о его могуществѣ, говорятъ: «онъ такъ силѣнъ, что узнаетъ всѣ мысли, и выскажетъ всѣ дѣла твои, отцовы, дѣдовы.» Къ счастью человечества, что наши Знахари бываютъ люди безграмотные, закоренѣлые въ предразсудкахъ, люди помѣшанные на своемъ могуществѣ, столько ничтожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

6. Стѣнь.

Простолюдинъ, не понимая законовъ происхожденія болѣзней, законовъ, основанныхъ на точномъ познаніи природы и человека, почитаетъ всѣ болѣзни, сопровождаемыя ужасными страданіями и продолжительностію, жертвою злыхъ людей, завистливыхъ къ его благосостоянію. *Измурительная сухотка дѣтей* Tabes, *дѣтская кахлостъ* — *Atrophia infantum* называются въ селахъ — *Стѣнь*. Не прибѣгая съ довѣренностію къ врачевнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, въ чудесномъ вѣрованіи, вовсе для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ бѣдъ семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродячіе обманщики, успѣвшіе овладѣть воображеніемъ нашихъ поселянъ, жестоко играютъ сельскимъ простодушіемъ, и не мучаютъ людей, къ нимъ довѣренныхъ, но варварски терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, чтобы оцѣнить вполнѣ семейныя бѣдствія, пронтекающія отъ разныхъ толковъ Знахарей, Кудесниковъ, Вѣдуновъ, Ворожей, Чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что они однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ улаживаютъ семейныя болѣзни. Бродячій Знахарь укажетъ имъ средство, увѣ-

рить въ его возможности и оно переходитъ изъ рода въ родъ, какъ зло потомственное. Въ средствѣ, предложенномъ ему за тайну отъ Знахаря, онъ не разбираетъ: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченнаго познанія довольно, что есть возможность.

Въ селахъ дитя, страдающее стѣвнью считается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибѣгаетъ только съ теплою мольбою къ Царю Царей о помилваніи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томленіемъ, воображеніе, напитанное ложными чудесами, заставляетъ цѣлыя семейства искать отрады въ суевѣріи, умолять объ исцѣленіи Знахарей. Призванный Знахарь, какъ Дока, какъ знающій всю подноготную, берется за врачеваніе. Больное дитя, по его совѣту, несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое или менѣе сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. Послѣ этого приносятъ домой, купаютъ въ водѣ, собранной изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ этого засыпаетъ, то это вѣрный признакъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъ дыханіе подѣ обливані-

емъ холодной воды. Совѣтъ Знахаря, это явное убійство, почитается въ деревняхъ благодѣніемъ.

7. СЪ ГЛАЗУ.

Востокъ древней жизни, отживал свое бытіе, передалъ народамъ вмѣстѣ съ мнѣніемъ и разные заблужденія. Народное повѣріе будто взгляды челоѣка лихаго, злобнаго, хитраго, сообщаются болѣзни, будто въ глазахъ этихъ людей заключается ядъ, перешли въ Русскую землю съ Востока, по преданію отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣріе названо: *Съ глазу*. Наши простолюдины не имѣютъ еще понятія о глазномъ Месмеризмѣ.

Въ деревняхъ всякое первоначальное образованіе болѣзни почитается *порожденіемъ съ глаза*. Нѣтъ недуга, которой бы не происходилъ отъ этого зла. Знахари выдумали противъ этого средство, употребляемое въ сельской и городской жизни. Это средство, по большей части приводится въ дѣйствіе пожилыми людьми, старухами, слѣдующимъ образомъ:

Берутъ: воды не питой, не отвѣданной ни кѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ этого печально сбрызгиваютъ больнаго три раза, даютъ три раза хлѣбнуть, вытираютъ грудь противъ сердца

заставляют рубашкою обтирать лице, а остальную воду выливают подь притолоку. Нѣкоторые къ этому составу прибавляют клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается леченіе съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозившимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это здѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствій отъ хлѣбной завязки, Знахари велютъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣва то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить на тѣлегу, запречь неѣзженую лошадь и скакать къ полю во весь галопъ. Если покляжа упадетъ съ тѣлеги, то это недобрый признакъ. Приѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку этою покляжею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ этого хлѣба. Потомъ должно ѣхать домой, не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ ѣзжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Этою покляжею обсынаютъ кругомъ всей завязки.

Знахари, заставляя совершать этотъ обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ этого всѣ бѣды.

замышляемые злыми людьми, обращаются на ихъ голову. Часто случается, что поселяне, изъ ненависти къ своему сосѣду, подкупаютъ Знахарей сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обѣихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе въ *симпатіи* такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла, по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ отъ Знахарей, леченіе зубъ прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая себя симпатіями, обмазываютъ палецъ наркотическими мазями, извѣстными имъ однимъ, а простодушные вѣрятъ ихъ рассказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Леченіе зубъ прикосновеніемъ пальца будто зависитъ отъ таинственнаго обряда. Знахари ловятъ для этого звѣрка *Крота* и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякаго орудія, приговаривая шопотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю.»

Когда призываютъ Знахарей лечить зубы, они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шопотомъ приведен-

ный наговоръ. Послѣ этого заставляють поло-
скать ротъ по утру и въ вечеру кислымъ укеу-
сомъ. Вѣроятно, что здѣсь дѣйствуетъ нарко-
тическія вещества въ соединеніи съ укеусомъ
притупленіемъ возвысившейся раздражительно-
сти, а не налецъ, умертвившій крота.

10. Куринная слѣпота.

Болезнь, поражающая поселянъ, работающихъ
предъ огнемъ или на солнцѣ, или предъ водою,
названа Знахарями: *куриною слѣпотою*. Для о-
большенія поселянъ, они создали повѣріе: буд-
то куринная слѣпота есть напущеніе злыхъ лю-
дей, что она соскабливается пожемы, которымъ за-
рѣзываютъ старыхъ курицъ, и что эту слѣ-
поту злѣдѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотять
отомстить. Это заблужденіе легко объяснить:
органическо-динамическія вліянія природы, непо-
нятныя простомоудамъ, производятъ *погнутую*
слѣпоту—*Нemeralopіam*, болезнь, переимено-
ванную Знахарями въ куриную.

Люди, страдающіе куриною слѣпотою, по
совѣту Знахарей, выходятъ въ лавку, пагиба-
ются надъ дехтарною кадушкою, и говорятъ
шопотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня куриную
слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлыя глазунки.»

Народъ думаетъ, что деготь доводится съ род-
ни куриной слѣпоты, и только изъ жалости
беретъ онъ въ свое призрѣніе бродягу-слѣпоту.
Послѣ этого больной долженъ идти на перекре-
стокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь.

Если его кто изъ приходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, тебѣ отдамъ.» Потомъ утереть рукою глаза и махнуть въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда исчезаетъ куриная слѣпота.

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что неурожай льна, овса и конопли происходитъ отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣріемъ:

Въ Русской народной Символикѣ принято за основаніе, что Морозъ происходитъ отъ выходженія злыхъ духовъ. Зимой, когда установятся большіе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житіе. Въ это время они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и дуруютъ себя въ кулакъ. Отъ такой прогулки Морозъ сдвигиваетъ сѣвгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ, и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелюю, или иней садится на деревья. Для отвращенія этого зла, Знахари выдумали проклятіе на морозъ, съ совершеніемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселяне, наученные Знахарями, приступаютъ къ заклятію Мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, взлезаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно, и тамъ говоритъ:

Морозъ, морозъ! Приходи кисель ѣсть.

Морозъ, морозъ! Не бей нашъ овесъ.

Лень да капаши, въ землю вколоты.

Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу, и старшая изъ женщинъ въ домъ, оканчиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слезаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклятіе, высказанное старикомъ на ленъ и конопли, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же, удовольствованный кнелемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопли, ни овса.

12. Неразмѣнный рубль.

Обманщики, живущіе на счетъ ближняго, въ деревняхъ понимаютъ съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты неразмѣнный рубль. Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прибѣгаютъ къ Знахарямъ для пріобрѣтенія рубля. Кажется, что и наши поселенцы, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмѣннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ. Покупаетъ тамъ гусака, съ перваго запросу, безъ всякаго торгу. Принесши его домой, онъ такъ сдавливаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладетъ неочищеннаго въ печь, и жаритъ до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идетъ съ нимъ на развилку дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряной.» Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложеніемъ раз-

ной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавить нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряной рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получившій же-лаемый рубль, долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говорить. Въ это время нечистая сила, желая возвратить рубль, кричитъ за нимъ въ слѣдъ: «ты обманулъ насъ! твой гусакъ мертвый! За чѣмъ же оторвалъ ему голову, увѣряя, что онъ живой?» Искатель не долженъ слушать этихъ разсказовъ; онъ обязанъ скорѣе бѣжать отъ нечистой силы. Если онъ обернется, или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезнетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣлымъ въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ его продовать всю жизнь. Знахари советуютъ такимъ обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлезаетъ въ куница и даетъ сдачи, хотя бы не слѣдовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила оболѣститъ обладателя, и тогда вмѣсто рубля открывается черепокъ глинаной. Въ другой же разъ неразмѣнный рубль не дается въ руки.

Здѣсь явный обманъ надъ поселянами совершаютъ Знахари. Часто этотъ неразмѣнный рубль уводитъ со двора лошадь или корову къ

дворамъ обманщиковъ: Знахари безъ этого подарка не открываютъ способа пріобрѣтенія.

15. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ, хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не нравится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городъ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не далъ влюбленный и охотникъ до всякихъ свиданій съ любезнымъ предметомъ — за кость невидимку? Это или что нибудь другое заставило нашихъ поселенъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, видѣнія.

Кость невидимка, по разсказу Знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Некатели этого тайнаго открытія крадутъ кошекъ въ соседнихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного бѣлаго волоска: вся шерсть должна быть черная. Въ этомъ поселеніи наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то Знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ этомъ случаѣ онъ беретъ къ себѣ кошку, обшариваетъ выщипать бѣлую шерсть, и держатъ до тѣхъ поръ, пока вырастетъ новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ вари — въ кошкѣ не отыщется

кости невидимки. Искатель всегда остается виноватымъ, а Знахарь правымъ. Кошка, признавая Знахаремъ за одношерстную, варится въ чугунномъ котлѣ, по полуночамъ, до тѣхъ поръ, пока не таюгъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но, какъ вареніе продолжается многія ночи, то искатели терпятъ терпѣніе, а особливо если Знахарь вздумаетъ представить изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и такіе, которые съ большимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остаются. Въ такомъ случаѣ все таки остается виновнымъ искатель; онъ или бранилъ въ это время нечистую силу, или опоздалъ придти одною минутою, или не досидѣлъ сколько нибудь, или вздремнулъ, или вспомнилъ о семьѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вздумалъ утаить что нибудь отъ Знахаря, или торгуясь съ Знахаремъ пожалѣлъ барапа, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя, какъ недостойнаго—кость невидимку. Въ другой разъ не возможно выварить изъ одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тотъ и съ перваго разу достанетъ; а кому пѣтъ, тотъ хоть сто конекъ вывари, все будетъ ничего, говорятъ Знахари.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпляемого Знахаремъ, приступаютъ къ другимъ неканіямъ.

Съ этого увѣренностию они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя всѣ прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная порука.

Нигдѣ торжество Знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семейная жизнь, вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды—все зависить отъ Знахарей. Поселянинъ, затѣвая свадьбу, особливо зажиточный, идетъ къ Знахарю съ большими подарками, съ поклонами, съ просьбами—защитить его молодыхъ отъ свадебной поруки. Здѣсь-то Знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь-то робкій поселянинъ, утраченный до послѣдней возможности, дѣлаетъ *нестетныя посулы* за спасеніе своего семейства. Знахарь въ сельской свадьбѣ есть первый гость; его зовутъ на пирушку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленого вина; ему пекутъ первый пирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его всѣ болтася; при немъ всѣ покойны. Удивительно ли, что послѣ этого всѣ свадебныя проказы Знахарей обольщаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная порука состоитъ въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія князя и княгини. Такъ величаютъ въ деревни этими именами новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поитъ наговорною водою, дуетъ на

скатерти, вертнть кругомъ столъ, обмѣтаетъ потолокъ, оскабливаетъ веревъ, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, влжетъ снопы спальные, ѣздитъ въ лѣсъ за бунзою, и вручаетъ свату вѣтку девятизерноваго стручка. Эта вѣтка есть верхъ искусства. Если се будутъ держать за пазухой попеременно то свать, то сваха, то всѣ умыслы враговъ обратятся не во что. Если поѣдетъ поѣздъ, забьютъ лошади отъ злобнаго наговора, то стоитъ только махнуть этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирушкѣ, развяжись кушакъ у молодого, отвались что нибудь отъ кики молодой, оторвись супонь у лошади, все исправить эта одна вѣтка. На третій день Знахарь беретъ свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получить все уговорное, тогда эту вѣтку сжигаютъ. Этимъ оканчивается обрядъ свадебной порухи.

15. Вывѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право вывѣдывать семейныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежитъ: вывѣдываніе жены. Кажется, можно утвердительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ Знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вывѣдыванія, замѣчательные только по особенной хитрости Знахарей.

Старухи-свекрови всегда бывают нерасположены къ невесткамъ, а особливо если находятся въ семьѣ старья, незамужнія дѣвицы. Виушая всегда сыновьямъ о строгомъ содержаніи женъ, прибѣгаютъ съ откровенными совѣтами Знахарей: попытать жену въ вѣрности. Для этого употребляютъ траву *Кануперь*, имѣющую свойство усыпить женщину подѣ вечеромъ, по сказанію Знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невесткѣ. Не послушаться свекрови, отвергать присутствіе недуга, есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечеромъ варятъ Кануперь, недужную кладутъ на печь и поятъ отваромъ. Недужная по волѣ или неволѣ должна заснуть. Свекровь и мужъ взлезаютъ на печь. Свекровь съ зажженною лучиною пробуетъ свою невестку по пяткѣ—спитъ ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спитъ, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выпрашивая на разные способы бывшее и небывшее. Мужъ этихъ разспросовъ не обязанъ слушать. После этого идутъ ночью къ Знахарю, и свекровь, во услышаніе мужа, рассказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, задобренный напередъ отъ свекрови, рассказываетъ по водѣ примѣты обольстителя. Съ этого времени начинается *селейнная разладаща*.

Въ старину Русскіе бояре содержали обширную дворню, среди которыхъ всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни этихъ людей. Частыя отлучки мужей, по

барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскаясь по дорогамъ, они вывѣдывали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытію вѣрности своихъ женъ. Эти бывалые люди всегда совѣтуютъ: мыться въ банѣ, потомъ вснотѣтъ на полку, и послѣ обтереть все тѣло полотенцемъ. Когда же прійдетъ домой, то потное полотенце положить тайно отъ жены подъ подушку. Когда жена заснетъ, то мужъ слышитъ, какъ она, сонная, рассказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такіа подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и не воображаетъ. Утромъ мужъ идетъ къ Знахарю для распросовъ о примѣтахъ обольстителя. Къ счастію своему догадливыя жены напередъ провѣдываютъ Знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь рѣшаетъ по большинству подарковъ.

16. Размѣнный колпакъ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣріе, что злые духи научаютъ людей Чернокижню. Эту страшную тайну поселіе узнаютъ изъ вечернихъ рассказовъ Знахарей, вѣрятъ ей и передаютъ потомству. Въ этихъ рассказахъ всегда приводятся примѣры, случившіеся съ разными людьми при наученіи Чернокижню. Здѣсь приводимъ для любопытства одинъ сельской рассказъ, записанный слово въ слово.

«Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малой. Собой не великъ, а прыти въ немъ было воевъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ, бывало,

потѣшиться, то вся деревня стономъ стонеть. Живаль не трудясь, а хлѣбецъ бѣлой, ѣдаль; за то одежда на немъ была больно не мудра. Онъ былъ всѣмъ съ руки. Пропадетъ ли коро-
ва, лошадка, всѣ идутъ къ нему. Просватуютъ
ли кого, онъ первый гость. Загрустуетъ ли кто,
посылаютъ къ нему на утѣху. Одна бѣда съ
нимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ
откашлялся. Нашъ-міръ больно на него зубы
грызъ. Дѣлать въ огласку никто не посмѣлъ: отъ
того-то онъ и жилъ припѣваючи. На святкахъ
онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили ста-
рики. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался
съ печистою силою. Дѣло, вишь какъ, было.

« Въ деревни зимовали солдаты. Онъ былъ и
имъ подъ руку. Солдаты, видяшъ, научили его,
какъ спознаться съ печистою силою. Повели
его на островъ, а лѣсникъ шелъ за ними изда-
ли, не въ домѣкъ имъ. Ходили, ходили по лѣ-
су и напали на козюлку. Долго шептали на
ней окаянные; потомъ сорвали ей голову. Лѣс-
никъ-то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и да-
вай посматривать на нихъ. Вотъ, какъ сорвали
голову, да набили въ нее гороху, давай зарывать
въ землю, давай класть примѣты. Лѣсникъ се-
бѣ давай заprimѣчать. Прошла зима. Выросъ
горохъ. Нашъ малой похаживаетъ себѣ въ лѣсъ,
да любитъ себѣ горохомъ. А лѣсникъ все за
нимъ примѣчаетъ. Вотъ зацвѣлъ горохъ. Удалой
нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ
цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся,

кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнемъ. Какъ выдернулъ ну свивать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, себѣ и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свилъ кольцо. Вотъ какъ удалой пришелъ въ стадо, прищурилъ лѣвой глазъ, а правымъ ну смотреть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ тоже дѣлаетъ. Вишь, какъ саранча подлетѣла къ удалому нечистая сила. Все были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ. Все подобранъ молодецъ къ молодцу. Лѣсникъ было и струсилъ; да спасибо у него въ головѣ закачено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ, и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Въ красномъ колпакѣ заплясалъ себѣ трепака. Удалой тутъ-то вскочилъ на цыпочки, подкрался, тяпъ да ляпъ, и сорвалъ красной колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалой ни гугу. Стоитъ да и только. Вотъ и давай твердить о посулахъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой башнѣ. Долго отпѣкивался отъ этой мѣны; однако поскакалъ за лѣсѣ. Удалой похаживаетъ себѣ, да любитъ колпакомъ. Видно жаль стало, а промѣнять его больно нужно. Вотъ идетъ весь избитой. Видишь, нечистая-та сила долго не впускала его на башню, а онъ пробрался сквозь щелочку, хотъ изодралъ себѣ морду, да за то досталъ. Видно, безъ колпака тошное житѣе. Давай колпакъ, а тотъ давай себѣ требовать книжку. Малли, малли другъ

друга, да и размѣнялись. Нечистая сила скрылась съ копакомъ размѣннымъ; а нашъ удамой зажилъ съ черною книжкою. Съ тѣхъ-то поръ онъ овладѣлъ нечистого силою, хитрилъ по своему надъ православными, да и пропасть безъ вѣсти. Лѣсникъ-то было себя задумалъ; анъ не тутъ-то было. Ничего не выждалъ: только у него во дворѣ вся скотина перевелась.»

17. Вѣдьмино селеніе.

Въ деревняхъ вѣрятъ какому-то особенному предчувствію, по которому поселяне будто бы узнають о пребываніи среди ихъ Вѣдьмы. Люди, свѣдущіе въ примѣтахъ, люди, умѣющіе все растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена есть Вѣдьма. Эти признаки, по увѣренію Знахарей, суть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время, поселяне выходятъ на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвши это, они прежде всего узнають, чье это поле? Много ли изломалось на немъ кося? Потомъ распускають молву, что эти круги появились недавно, а прежде ихъ не бывало; что самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ; что старшая женщина въ семействѣ его покумилась съ Вѣдьмами; что Вѣдьмы собираются сюда каждую ночь плясать. Но, какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нареканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подо-

зрѣнія бываютъ вообще: отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для Знахарей есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ къ нимъ за совѣтами, они предостерегаютъ отъ бѣдъ ихъ ожидающихъ, увѣряя что они сами видѣли, какъ ихъ новая Вѣдьма хочетъ извести всю деревню. Распуская такіе слухи, Знахари каждый вечеръ принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ Вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ землею, и тѣмъ дѣло оканчивается.

Сожалѣніи объ этомъ заблужденіи поселятъ, мы смѣло ихъ увѣряемъ, что эти круги суть обыкновенныя явленія въ природѣ, и происходятъ по опредѣленнымъ физическимъ законамъ. Земля, на которой въ лѣтнее время появляются зеленые круги, имѣетъ подземные источники. Отъ отдѣленія влаги земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною отъ близкихъ мѣстъ. Утромъ, еще до восхода солнечнаго, пары, отдѣляясь отъ влажной земли, сгущаются, оставляютъ послѣ себя на травѣ круги; но при восходѣ солнцемъ, когда лучи изрѣжаютъ атмосферу, они исчезаютъ. Это-то дѣйствіе природы Знахари выставляютъ заплеску Вѣдьмъ. Желтые круги, также появляющіеся лѣтомъ, въ утреннее время, происходятъ отъ такъ называемой мѣдяной росы. Эта роса, признаваемая за ядовитую, скопляется на древесныхъ листьяхъ въ видъ клейкой и смолистой матеріи, и по своей

тяжести, стекая образуетъ около себя кругъ, сообразной высотъ. Всѣ поселяне знаютъ, что въ природѣ существуетъ мѣдная роса, но иногда не обращаютъ вниманіе, какъ она стекаетъ съ деревь на землю; иначе они, вѣроятно, не рѣшились бы оскорблять своего ближняго.

18. Собачья старость.

Собачья старость будто нападаетъ въ деревняхъ на дѣтей одногодокъ, предъ прорѣзываніемъ зубовъ, по большей части, лѣтомъ. Старушки-лечейки, замѣтивши больное дитя, объявляютъ, что дитя, недоживя вѣку, умретъ; что къ нему приключилась злая болѣсть — собачья старость. Несчастные родители вѣрятъ этому вздору и просятъ лечейку избавить отъ болѣсти. Къ назначенному дню отыскиваютъ маленькую собачку, однолѣтку, бѣлош ерстную; топятъ къ ночи печь *жарко на жарко*, и съ пѣніемъ первыхъ пѣгуховъ приступаютъ къ дѣлу. Лечейка связываетъ собакѣ ноги, и кладетъ въ топленую печь, потомъ принимаетъ съ полы отъ матери больное дитя, и кладетъ рядомъ съ собакою. Послѣ этого начинаетъ парить дитя и собаку. Родители увѣрены, что чѣмъ больше дитя кричитъ, тѣмъ скорѣе съ него сходитъ болѣсть. Нареніе кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полунизмученное, и перѣдко умирающее. Собаку всегда стараются въ эту же ночь утопить.

СКАЗАНИЯ

О ВОРОЖЬѢ.

1. ГАДАНИЕ НА КАРТАХЪ.

Ворожить на картахъ такъ усилилось въ городской жизни, что сдѣлалось особенною принадлежностію людей, посвятившихъ этому занятию всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба этого рода извѣстна болѣе въ разговорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются болѣе дворовые люди, заѣзжіе изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣтъ чудеснаго, увлекательнаго для нихъ воображенія; здѣсь нѣтъ олицетворенія, могущаго потрясти ихъ духъ; здѣсь рассказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Слѣдовательно: ворожба на картахъ родилась въ городахъ.

Приступая къ открытію гаданія на картахъ, мы не намѣрены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ людей, и разнообразныя до безконечности. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ этой ворожбы.

Гаданіе на картахъ присвоили себѣ женщины, записныя гадательницы, люди, имѣющіе связь со всѣми дворовыми людьми, торговками, посѣщающими многіе дома, съ разнощиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточивая себя всегда въ эту сферу, они ежедневно собираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ дома гадательницъ, всегда бывасть извѣстна ворожеямъ. Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, они напередъ знаютъ: кто и за чѣмъ пришелъ? что должно сказать каждому? Всѣ посетители вѣрятъ имъ на слово, не требуя никакихъ доказательствъ. За то всѣ отвѣты ворожеекъ бывають двусмысленны. Главныя основанія гаданія на картахъ сосредоточиваются на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожеекъ, по большей части, бывають влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказываютъ отгадъ благопріятный. Люди отчаянные въ своей любви, разгоряченные, несвязные въ разговорахъ, сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Второй отрядъ людей, посѣщающихъ ворожеекъ состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разными образами. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горестъ, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыб-

кого при добромъ для нихъ разсказѣ, нетерпѣливость, непрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удаленіе отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любопытныхъ предметовъ всегда указываютъ ворожейкамъ: за чѣмъ явилось къ нимъ люди, посящіе на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій!

3. Третій отрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, исобѣщающая большаго достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; разспросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разныя предпріятія, невольно высказываемыя; радость и отчаяніе, непрерывно смѣняемыя при раскидываніи картъ — вотъ вѣрные указатели для ворожеекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершается гаданіе на картахъ. Удачное открытіе ворожейки всюду разносится и притомъ всегда въ увеличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти вездѣ берутъ перевѣсъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками нѣсколько разъ, не картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой, чудесной ворожейкѣ, толпами бѣгутъ въ погонь обманщицы и вѣрятъ въ карты.

Довѣренность къ картамъ, протекшая отъ страстей и худаго направленія духа, можетъ быть

только истреблена однимъ истиннымъ, вѣрнымъ образованіемъ ума и удаленіемъ страстей. Все предпріятіе для этого будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственнаго образованія.

2. Гаданіе на кофеѣ.

Гаданіе на кофеѣ образовалось въ городахъ и изъ нихъ еще не перешло въ селенія. Довѣренность къ этому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; отъ того люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофеѣ, одно отчаяніе, рѣдко крайность отваживаются на это. Повѣріе, что, гаданіе на кофеѣ всегда сбывается, отклоняетъ многихъ отъ этого гаданія.

Главные основанія ворожбы на кофеѣ также основаны на знаніи семейныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливый, расторопный, и часто пьяный, по Русскому народному повѣрію, пьющими отъ ума.

Кофейницы своего ворожбу производятъ открыто, одною густотою варенаго кофея. Принимая къ себѣ посѣтителей, они эту густоту кладутъ въ чайную чашку, покрываютъ чайнымъ же блюдечкомъ; потомъ опрокидываютъ чашку вверхъ для того, чтобы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. За этимъ снимаютъ блюдечко, чашку ставятъ поодаль на столъ, на блюдечко наливаютъ воды; взявши чашку за дно, опускаютъ на блюдечко, погру-

жая троекратно, при произношеніи словъ: вѣрность, дружба и согласіе. Послѣ этого поднимаютъ чашечку и начинается гаданіе, сообразно тѣнямъ и знакамъ, отражающимся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки, какъ предметы условные, изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь челостка имѣетъ два значенія: влюбленнымъ предсказываетъ свиданіе, лишеннымъ имуществъ вѣчную пропажу.

Тѣни зданій всегда предсказываютъ: богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ печальное обогащеніе.

Тѣни земель и растений предсказываютъ: вѣчныя раздоры, худыя замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худыя обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ: опасности отъ злыхъ людей, неблагопріятную дорогу; огорчительныя письма, извѣстія о разстройствѣ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

5. Гаданіе на псалтырь.

Гаданіе на псалтырь принадлежитъ вмѣстѣ и сельской и городской жизни. Люди боятся гаданій этого рода, страшась ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырь рѣдко встрѣчаемъ. Этимъ занимаются по большей части домашніе люди, своего рода, старушки, зна-

ющія всю подноготную. Приступая къ ворожбѣ, онѣ берутъ ключъ, пишутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключъ винтовымъ концемъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочкою съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человека держать на указательномъ пальцѣ ключъ съ псалтыремъ. Послѣ этого ворожея читаетъ тайно какой-то псаломъ. Если въ это время завертится псалтырь на пальцѣ, то означаетъ хорошій признакъ и гаданіе бываетъ удовлетворительное. Если псалтырь не вертится, то это худой признакъ, гаданіе, необыкновенное хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюденіи равновѣсія. Малѣйшая неосторожность служить въ пользу обманщиковъ. Этотъ родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтырь и заставляютъ приходящихъ читать. Послѣ каждаго чтенія начинается толкованіе. Всякой благоразумный человекъ можетъ напередъ представить: какое бываетъ толкованіе. Обманщики, соображаясь съ обстоятельствами, приписываютъ такіе псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни приходящаго человека.

Этотъ способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о Германцахъ, упоминая о соборѣ Епископа Бурхгарда, приводитъ вопросныя пункты о гаданіи на

псалтырь. Слѣдовательно: это гаданіе не принадлежитъ собственно Русской жизни; но оно передѣлано на свой ладъ, по подобію другихъ гаданій.

4. ГАДАНІЕ НА РѢШЕТѢ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всѣмъ возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ большою довѣренностію при пропажѣ домашнихъ вещей и животныхъ. Дворовые люди въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на рѣшетѣ. Замѣчательно здѣсь особенное исключеніе: сельскихъ дѣвушекъ отлучаютъ отъ рѣшета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоитъ въ соблюденіи равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожейки, для увеличенія обмана, прежде свѣютъ огнемъ рѣшетомъ спяща, потомъ встряхиваютъ его на лунномъ свѣтѣ. Такое рѣшето, по рассказамъ поселянъ, имѣетъ болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершается двойнымъ образомъ. Берутъ рѣшето, утверждаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону, и потомъ начинаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если при чемъ имени посѣтитель и во-

рожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Второй способъ гаданія совершается иначе : На верху рѣшета привязываютъ пожницы. Приглашаютъ въ свидѣтели двухъ постороннихъ человекъ. Эти свидѣтели ставятъ концы пожницъ на своихъ среднихъ пальцахъ. Въ это время ворожейка начинаетъ причитывать: Бѣлый укралъ? Черный укралъ? Рыжий укралъ? Сѣдой укралъ? Свѣтлорусый укралъ? Темнорусый укралъ? При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не завертѣлось ли рѣшето? Если рѣшето завертѣлось при вопросѣ: бѣлый укралъ?—то похититель есть бѣлый человекъ. Послѣ этого начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣетъ такіа-та примѣты. Само собою разумѣется, что описаніе примѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится сообразно обстоятельствамъ и времени.

5. Гаданіе на япцахъ.

Гаданіе на япцахъ принадлежитъ въ сельской жизни одѣмъ дѣвицамъ; но въ городахъ оно имѣетъ разныя принаровленія. Этнмъ производствомъ почти всегда занимаются бродящія старухи, а изъ домашнихъ няньки. Толкованія старухъ и нянекъ принимаются за сущую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускаютъ въ немъ личный бѣлокъ. При выпусканіи бѣлка отра-

жаются различныя *фигуры*. По этимъ-то фигурамъ начинается гаданіе.

Фигура, выражающая церковь предвѣщаетъ: дѣвушкѣ скорую свадьбу, пожилой смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами предвѣщаетъ: замужней женщинѣ скорое прибытіе мужа, дѣвушкѣ отдачу замужъ на чужую сторону, молодому мужчинѣ отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана, то это угрожаетъ опаснымъ бѣдствіемъ, смертію, пожаромъ, вѣчною незамужнею жизнью.

Объясненіе этого гаданія основывается на простомъ химическомъ законѣ, на соединеніи двухъ разнородныхъ веществъ. Люди, неслыхавшіе объ этомъ законѣ, вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

6. Гаданіе на иглахъ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвичей жизни, что если какая дѣвушка не попроситъ объ этомъ ворожейку, то всегда попросится отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскимъ воспитаніемъ, кто знаетъ съ какими предрасудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ происхожденіе гаданія на иглахъ.

Сельскія дѣвушки, рѣшаясь гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или нянекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Во-

рожейки берутъ двѣ иглы, натирають саломъ; опускають ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонуть, то это худой признакъ; если онѣ сошлись вмѣстѣ, то это предвѣщаетъ скорое вступленіе въ замужество; если онѣ разошлись одна противъ другой, то это означаетъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если онѣ разошлись въ разные стороны, то это предсказываетъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намѣками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ вынѣтываютъ отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаютъ ихъ женихамъ.

7. Гаданіе на воскъ.

Гаданіе на воскъ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совѣту нянекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаянныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночныя часы. Явленіе на яву суженаго совершается по милости услужливыхъ нянюшекъ. Расторопный суженый подкупалъ нянюку, съ вечера переселяется въ баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаетъ къ ней, вручаетъ кольцо и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ, падаетъ въ обморокъ, а послѣ посылаются свахи, женихъ является на *смотринѣ* и дѣло слагивается безъ дальнихъ хлопотъ.

Гаданіе на воскѣ, производимое въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытные няньки начинаютъ дѣлать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знакомымъ и тороватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благопріятное; напротивъ того бѣднымъ, незнатнымъ, отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ недѣлости разнаго рода. Отъ этого иногда происходятъ вѣчные семейные раздоры.

8. Гаданіе на свинецѣ.

Гаданіе на свинецѣ принадлежитъ къ святочнымъ тайнымъ, употребляется въ городахъ и селахъ, подъ рукою нянекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, перепробовавшія всѣ прочіе роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для этого гаданія есть: скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для этого занятія.

Ворожеи растапливаютъ свинецъ, вливаютъ въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдѣляться пары, на той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь, то это означаетъ скорую свадьбу.

бу; если будетъ показывать гробъ, то это предвѣщаетъ скорую смерть.

9. Гаданіе въ зеркалѣ.

Самое дѣйствительное гаданіе въ зеркалѣ совершается на дворѣ при луиномъ сіяніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости совершается и въ домѣ, а притомъ во всякое время. Лучшее время для этого гаданія признается полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркалѣ не принадлежитъ къ кругу изобрѣтеній Русскихъ ворожеекъ; оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Сувѣрные Греки, получившіе это завѣщаніе отъ древней Восточной жизни, осуществляли его своими таинствами, приписывали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обаяніе, оно пережило вѣка, правилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждаго ворожен. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и Русской жизни.

Нани ворожен, сбирался гадать въ зеркалѣ, избираютъ уединенную комнату, берутъ два зеркала одно большое, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большое зеркало ставятъ на столъ, противъ него маленькое; гадательница садится предъ зеркалами.

ми, обставленномъ свѣчами. Всѣ окружающіе наблюдаютъ глубокое молчаніе, сидя въ сторонѣ; одна только гадательница смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большемъ зеркалѣ начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркаловъ. Какъ скоро будутъ *наведены эти зеркала*, то въ послѣднемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но, какъ явленіе не всегда показывается, то начинаютъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія есть тусклость зеркала, которое протираютъ полотенцемъ. Наши ворожеи думаютъ, что суженый, вызванный по неволѣ этимъ гаданіемъ, приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ въ зеркало чрезъ плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смѣлая, всегда разматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія его примѣты. Когда она кончитъ свой обзоръ, тогда кричитъ: «Чуръ сего мѣста!» При этомъ чураніи привидѣніе вдругъ исчезаетъ. Старушки увѣряютъ, что если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана что-нибудь, кладетъ на столъ. Догадливыя гадательницы въ этотъ мигъ начинаютъ чурать; привидѣніе исчезаетъ, а оставленная на столъ вещь остается въ ея пользу. Послѣдствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха, въ то самое время, когда его суженая наводитъ зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой,

ряженой! Покажись мнѣ въ зеркалѣ» и мысль объ немъ до появленія двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительности этого гаданія, заслуживаетъ сожалѣніе о заблужденіи людей, доступныхъ этому вѣрованію. Установка зеркалъ, отражающихъ мелькающія тѣни присутствующихъ людей при гаданіи, сообразно законамъ Оптики; разгорлачаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ; вѣра въ дѣйствительность этого гаданія, подтверждаемая рассказами старухъ; воспитаніе, неочищенное отъ предразсудковъ, служатъ основными началами этой ворожбы. Истинное образованіе ума, непреложная вѣра въ Бога, успія людей благомыслящихъ, можетъ быть, со временемъ избавятъ нашихъ соотечественниковъ отъ этого заблужденія.

10. Гаданія курицею.

Гаданіе черною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго Европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытанія выжили правого, оправдывали виновнаго, когда дерзкій преступникъ, одаренный физическою силою, съ мечемъ въ рукѣ защищалъ свою правоту. Когда это гаданіе зашло въ Русскую землю, доказать не возможно. Наши вороженъ употребляютъ это гаданіе для открытія похитителей.

Въ семействѣ, гдѣ случилось похищеніе, всегда подозрѣваютъ многихъ, особенно въ дерев-

няхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ собираютъ вечеромъ въ одну избу, тушатъ огонь, и выпускаютъ курицу, обсыпанную сажею. Курица, обходя правыхъ, прикасается къ нимъ; но подходя къ вору будто кричитъ, бѣжитъ прочь и не подпускаетъ его къ себѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ правые по необходимости окрашиваются сажею; одинъ только похититель не удостоивается этой почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрятъ: кто окрашенъ сажею, и кто нѣтъ? Если есть человѣкъ, свободный отъ этого, то онъ признается виноватымъ.

Этотъ способъ, открывающій похитителя въ деревняхъ, всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная слѣдствія, не ужели не захочетъ оправдать себя? Онъ, способный на всѣ роды хищенія, не ужели будетъ равнодушенъ къ курицѣ? не ужели побоятся ея прикосновенія, особливо поселаннѣ, грубый и безстрашный? Мнѣ извѣстенъ случай, гдѣ производилось открытіе похитителя этимъ гаданіемъ. У одного крестьянина сведены были лошади. Подозрѣніе пало на живущаго работника. Прибѣгли къ гаданію курицею. Всѣ собранные были окрашены сажею; одинъ только четырехлѣтній мальчикъ былъ пощажень курицею. Истинный похититель—работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія; а мальчика вся деревня признавала виноватымъ дотолѣ, пока открылось, чрезъ восемь мѣсяцовъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное откры-

тіе не могло облагоразумитъ поселянъ въ ослѣпленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предрасудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрія.

11. Водогаданіе.

Водогаданіе въ Русской семейной жизни присвоилъ себѣ ворожейки, женщины, распоряжающія всѣми домашними сплетнями. Суевѣрные люди, допускающіе всѣ возможные вздоры, находятъ утѣшеніе въ бесѣдахъ съ ворожейками, сами поддерживаютъ ихъ ремесло. Записныя ворожейки, выдавая водогаданіе какъ дѣйствительное средство для отгадыванія семейныхъ тайнъ, всегда говорятъ, что онѣ научены этому отъ страшнаго колдуна, и могутъ вѣрно все отгадывать на водѣ, чтобы имъ не предлагали. Въ званіе Водогадательницъ всегда вступаютъ женщины, ни къ чему неспособныя, по большей части вольноотпущенныя, солдатки и особенный классъ «кумушекъ», извѣстныхъ на Руси своею расторопностію въ свадебныхъ и похоронныхъ дѣлахъ. Въ деревняхъ говорятъ, что *это ремесло на роду не приходится*, а только передается. *За передачею* эти женщины прибѣгаютъ къ Знахарю или старой колдунѣ. Знахарь требуетъ посуловъ: штофъ вина, скатерть, двѣ рубашки, кушакъ и полотенцо. Это все заранѣе приносится, потому что требованіе Знахаря извѣстно всему селенію. Знахарь ставитъ будущую водогадательницу къ запѣткѣ, накрываетъ лице

полотенцемъ, ставить на столъ мису съ водою, садится на лавкѣ и читаетъ наговоры. Промештавши, онъ встаетъ и дуетъ на воду; потомъ снимаетъ полотенце съ водогадательницы. Наговоренная вода выливается подъ вереху, а въ мису вливается вино. Знахарь, накрывшій мису скатертью, приказываетъ, чтобы она явилась: «во саму утреннюю зорю». Водогадательница является не съ пустыми руками, а съ двумя штофами вина. Здѣсь уже Знахарь научаетъ водогадательницу всѣмъ премудростямъ.

Русскія водогадательницы всегда избираютъ одинъ день въ недѣлю: четвергъ, а другія предпочитаютъ понедѣльникъ. Вѣроятно, что это предпочтеніе ведется по преданію, безъ всякаго отчета. Русскіе люди водогаданіе распространяютъ на многіе виды; но его, по большей части, употребляютъ для открытія похитителей, въ нашихъ степныхъ селеніяхъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ грамотнаго, пишутъ имя каждаго на особенныхъ лоскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожея беретъ записки и бросаетъ по одной въ воду. Чья импная бумажка выпрыгнетъ изъ воды, тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряетъ вполне этому гаданію; другіе считаютъ его тогда только дѣйствительнымъ, когда производятъ на сту-

денць, ознаменованномъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ.

Неосновательность этого гаданія представляется такъ очевидно, что самое поверхностное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ воду, то удобно можетъ скользнуть по поверхности, точно такъ же, какъ скользнуть камень, брошенный въ рѣку угломъ.

12. ГАДАНІЕ НА БОБАХЪ.

Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадательницамъ. Въ селахъ занимаются этимъ болѣе дворовые люди, а особливо клношницы, пиявки и экономки, *по волѣ или неволѣ барской*. Олицетворяя бобы частями человѣческаго тѣла, они разрѣшаютъ вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда въ благоую пользу. Городскія же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собранными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ вороженъ всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство гаданія заставляетъ думать, что всѣ отвѣты, предлагаемые ими, изучаются по преданію.

Ворожейки для этого гаданія берутъ *сорокъ одинъ бобъ* и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на *три части*. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаютъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону, до

тѣхъ поръ, пока въ рукѣ будетъ оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ *первую линію* подлѣ первой части. Потомъ берутъ вторую часть, также отсчитываютъ по четыре бобинки. Остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подлѣ второй части. Наконецъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подлѣ третьей части. Послѣ этого составляютъ *вторую линію* изъ бобовъ, отлагаемыхъ въ сторону, также въ три подарка. *Третья линія* составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ отгаду на бобахъ.

Второй порядокъ въ первой линіи Ворожен называютъ: *головою*, третій въ этой же линіи *рукою*, второй порядокъ во второй линіи *сердцемъ*, третій порядокъ въ третьей линіи *ногою на походѣ*.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; *рука* предзнаменуетъ: богатство, бѣдность; *сердце* говоритъ: печаль или радость; *ноги на походѣ* означаютъ: пріѣздъ и отправку въ путешествіе, полученіе, посылку, исполненіе желанія.

Ровное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожен въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ

остановкѣ.» Перовное число бобовъ — *нехетъ* въ порядкѣ предвѣщаетъ все доброе, хорошее, благопріятное. Ворожен тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ.»

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожен такъ разнообразяетъ его, что посѣтители всегда измѣняютъ свои намѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ сердца, то онѣ не по мысли. Все это они разгадываніемъ подтверждаютъ, и окончивается тѣмъ, что только могутъ сказать ворожен.

15. Святочныя гаданія.

Никогда Русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздольи, какъ на Святкахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселіи, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій выбираютъ для себя суженыхъ; старики рассказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достоверность гаданій. И все это совершается вечерами, въ полномъ собраніи многихъ семействъ. Женщины *позыватки* обходятъ дома съ приглашеніемъ, гдѣ есть дѣвушки, въ семейство зажиточное, гдѣ лѣзется ненаглядное дидятко, краса дѣвчья, зазноба молодецкая.

Вся важность Святочныхъ вечеровъ заключается въ гаданіяхъ, передаваемыхъ изъ рода

въ родѣ. Отыскать первоначальное появленіе этихъ гаданій, нѣтъ никакой возможности. Преданія нашихъ предковъ, письменныя и словесныя, ничего не говорятъ объ этомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существованіе временамъ не-Христіанскимъ Русскаго народа, какъ доселѣ дѣлаютъ съ предметами, не вполне объяснимыми. Мы остаемся при одномъ мнѣніи, что Святочные гаданія усвоивались Русскою жизнью въ продолженіи многихъ вѣковъ, при постоянномъ или временномъ сношеніи нашихъ предковъ съ соседними народами. Если бы была возможность тщательно преслѣдовать отдѣльныя повѣрія по пограничнымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ слѣдить ихъ распространеніе по внутреннимъ городамъ, тогда бы мы могли съ точностію означить: изъ какой страны, изъ какого города, отъ какого народа перешли къ намъ суевѣрныя повѣрія, гдѣ они были приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и доселѣ существуютъ. Мысль едва исполнимая, едва возможная въ своемъ осуществленіи; но, какъ вѣроятная, она протекаетъ изъ дѣйствительнаго бытія мнѣвъ древней Восточной жизни, столь рѣдко переживавшихъ свои періоды, столь явно переходившихъ отъ одного народа къ другому. Мы знаемъ бытіе Велико-Руссовъ, мы постигаемъ бытіе Мало-Руссовъ, мы вѣримъ въ отдѣльное существованіе быта Бело-Руссовъ, и

мы смѣло скажемъ, что они отдѣльны одинъ отъ другаго. Эти разнообразныя проявленія заставляютъ думать: будто они никогда не сливались одинъ съ другимъ и никогда жизнь Велико-Русская не селилась въ поляхъ Мало-Русскихъ, если бы Исторія не указывала намъ на постепенные возрасты того и другаго, если бы не говорили намъ дѣла, что каждый изъ нихъ осуществлялъ свою данную мысль при содѣйствіи другаго. Отъ чего многи, повѣрія, семейныя сказанія Бело-Русси отличаются отъ многовъ, повѣріевъ, семейныхъ сказаній Велико-Русси? Отъ чего Мало-Руссъ вѣритъ въ повѣріе, едва извѣстное Велико-Руссу, о которомъ совершенно не знаетъ Бело-Руссъ? Въ чемъ заключается основная причина переселенія многовъ отъ одного народа къ другому? Отъ чего происходитъ ихъ усвоеніе той или другой общественной жизни? Подробное обзорѣніе общественной и семейной жизни рѣшительно оправдываетъ предложеніе о переходѣ повѣрій въ Русскую жизнь въ продолженіи многихъ вѣковъ и отъ многихъ народовъ.

Святочныя гаданія, совершаемыя доселѣ въ Русской семейной жизни, производятся вечерами, съ 25 Декабря по 5 Января, и притомъ въ разное время. Такъ одни совершаются вечеромъ, другія въ полночь, а третьи приготавливаются ко сну,

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщаютъ огнемъ комнаты. Исчисляемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

Собравшись все вмѣстѣ, въ одинъ домъ, выходятъ на улицу: здѣсь каждая дѣвушка должна спрашивать о имени перваго, встрѣтившагося ей человѣка. Онъ вѣрятъ, что этимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Это самое *окликаніе* производится подѣ Новый годъ; дѣвушки тогда выходятъ на перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходятъ слушать подѣ окны чужихъ домовъ, и внимая разговору веселому или скучному, предвѣщаютъ себѣ такую же жизнь въ замужествѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣницы, и потомъ въ покоехъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хорошій; а если кому попадется суковатое, особенно съ трещинами, то онъ будетъ дурной и сердитой.

Выводятъ изъ конюшни лошадей чрезъ оглоблю. Если, которая зацѣпитъ оглоблю ногами, то мужъ будетъ сердитой; если же перескочитъ чрезъ нее, то мужъ будетъ тихій и смиренный.

Подходятъ къ амбарамъ: если услышатъ пересынку хлѣба, то увѣряютъ себя, что ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подѣ церковнымъ замкомъ: если подслушаютъ пѣніе: «Со святыми упокой», то это предвѣщаетъ смерть; если услышатъ, что

нибудь свадебное, то означаетъ, что въ этомъ году выдуть замужъ.

Снимають съ насѣсти куръ и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя, мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо золотое, то мужъ будетъ богатъ; если серебряное, то мужъ будетъ ни богатъ, ни бѣденъ; если же сдвинетъ съ мѣста мѣдное, то будетъ нищій.

Пересчитываютъ въ лѣсницахъ балясы, говоря: «Вдовецъ, молодецъ», и доходя до послѣдней, смотрятъ: на какомъ словѣ остановились, то такой будетъ и мужъ.

Выходятъ къ забору и говорятъ: «Залай; залай собаченька, залай стрѣпкой волчекъ.» Въ которой сторонѣ услышнть дѣвушка лай, въ той сторонѣ будетъ жить замужемъ. Если лай раздастся близъ дому, то это показываетъ, что отдадутъ замужъ не въ дальнюю сторону; если же лай будетъ тихій, едва слышнй, то будетъ выдана замужъ на чужую сторону.

Бросаютъ башмаки чрезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ сами на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ, тамъ и быть замужемъ. Худой признакъ для дѣвушки, когда ея башмакъ лежитъ обращенный къ домашнимъ воротамъ: въ этотъ годъ не быть ей замужемъ.

Ходятъ смотрѣть въ окна сосѣдей во время ужина. Если замѣтятъ спящихъ за столомъ съ головами, то предвѣщаютъ себѣ, что будущіе родные всѣ будутъ живы; если же видятъ безъ головъ, то думаютъ, что они скоро всѣ умрутъ.

Послѣ подбродныхъ пѣсней выносятъ воду на дворъ, и каждая изъ дѣвушекъ, отливая пѣскольку этой воды подъ версю, беретъ въ горсть снѣгу. Приходя въ покой, смотрятъ: какого цвѣту снѣгъ, то таковъ будетъ и суженый.

Полуночныя гаданія всегда начинаются послѣ ужина, съ 12-го часа ночи. Въ нихъ участвуютъ взрослые дѣвицы, въ присутствіи опытныхъ старушекъ. Исчисляемъ эти гаданія.

Гадающія дѣвушки садятся у оконъ, выговаривая каждая: «Суженый, ряженый! Поѣзжай мимо окна.» Если которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ, свистомъ, то предрѣкаетъ себѣ жизнь веселую и хорошую; а когда поѣздъ будетъ тихой, то обрѣкаетъ себѣ замужнюю жизнь въ бѣдности.

Вывѣшиваютъ за окно ключи, щетку. Когда кто изъ проходящихъ ихъ пошевелитъ, спрашиваютъ его: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженый.

Берутъ скорлупы Грецкихъ ореховъ, рѣжутъ восковыя свѣчи на мѣлкіе кусочки, вставляютъ въ скорлупы, пускаютъ плавать въ чашку, наполненную водою. Потомъ каждая изъ дѣвушекъ

зажигаетъ свѣчки своей скорлупы. Здѣсь замѣчаютъ: которая потонетъ, та умереть незамужнею; у которой скорѣе сгорятъ свѣчки, та прежде всѣхъ выйдетъ замужъ; а у которой будетъ горѣть долѣе всѣхъ, той не бывать замужемъ.

Отчаянная дѣвушка накрываетъ въ пустой комнатѣ столъ скатертью, кладетъ приборъ, кромѣ ножа и вилки, и говоритъ: «Суженый, ряженый! Приди ко мнѣ поужинать.» Всѣ окружающіе выходятъ въ ближніе покои, а она, оставшись одна, запираетъ двери, окна, садится за столъ съ ожиданіемъ суженаго. Признаки приближенія суженаго суть слѣдующіе: вѣтръ жужжитъ подъ окнами, съ свистомъ; удары въ окна, въ дверь; смрадный запахъ. Потомъ является суженый. Дѣвушка должна сидѣть на своемъ мѣстѣ, молчать на всѣ вопросы, замѣчать черты лица и платье. Суженой садится за столъ, начинаетъ говорить. Дѣвушка вмѣсто отвѣта спрашиваетъ: «Какъ звать?» Суженой рассказываетъ имя, вынимаетъ что нибудь изъ кармана. Въ этотъ мигъ дѣвушка должна говорить: «Чуръ моего мѣста! Чуръ моей загадки!» Суженой исчезаетъ, оставляя на столѣ вещь, имъ принесенную. Если она сробѣетъ и не зачураетъ, то суженой производитъ разныя проказы.

Дѣвушки выходятъ на дворъ, берутъ скатерть за края, старушка всыпаетъ снѣгъ. Раскачивая скатерть, приговариваютъ; «полю,

нолю бѣль снѣгъ среди поля. Залай, залай собаченька; дознай, дознай суженый!» Въ это время каждыя дѣвушка прислушивается какъ лаять собаки. Хриплый лай означаетъ суженаго старика, звонкой молодого, толстой вдовца.

Дѣлаютъ съ вечера изъ воску стадо лебедей по числу дѣвицъ. Лебедку окрашиваютъ румянами, а лебедь остается бѣлымъ. Гадальщицы выбираютъ для себя лебедя съ лебедкою, опускаютъ въ чашку съ водою и накрываютъ платкомъ. Предъ тѣмъ временемъ, какъ ложится спать, смотрятъ: какъ плаваетъ лебедь съ лебедкою? Если плаваютъ вмѣстѣ, то замужняя жизнь будетъ согласная; если разошлись порознь, то будетъ вражда.

Самыя отчаянныя и пожилыя дѣвушки выходятъ въ лунную ночь на рѣку послушать въ прорубь. Нянюшки стелютъ воловью шкуру. Дѣвушки садятся и слушаютъ и смотрѣть въ воду. Которая выйдетъ въ этотъ годъ замужъ, та увидитъ своего суженаго въ водѣ, точно въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ придетъ на сговоръ; которой же сидѣтъ въ дѣвкахъ, та только услышитъ одинъ стукъ изъ воды.

Наливаютъ съ вечера въ рюмку воды, опускаютъ кольцо и выставляютъ на морозъ. Предъ сномъ нянюшка приноситъ рюмку и смотрятъ: сколько будетъ бугорковъ, столько родится сынковъ, а сколько ямокъ, столько дочекъ.

Нянюшки съ вечера обсываютъ золой банями-

ки и прячуть подъ кровати, будто скрытно отъ дѣвушекъ, между тѣмъ какъ каждая напередъ договаривается объ этомъ. Дѣвушки встаютъ и смотрятъ: на чьихъ башмакахъ будетъ больше золы, тѣмъ предрекается большое богатство.

Берутъ вечеромъ, въ потьмахъ, съ кудели при-
жу, начесываютъ на гребень и спускаютъ за
окно. Предъ сномъ смотрятъ: какіе волосы на
гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по
указанію старушекъ, и, для большой дѣйстви-
тельности, людьми посторонними.

Собираютъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ
подъ подушку. Дѣвушка ложась спать говоритъ:
«Кто мой суженый, кто мой ряженный, тотъ пе-
реведетъ меня чрезъ мостъ.» Суженый является
во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря
«Суженый ряженный! Причеши мнѣ голову.» Су-
женой является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды,
смѣшиваютъ и ѣдятъ. Ложась спать, дѣвушка
говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженный,
тотъ пить мнѣ подастъ.» Суженой является во
снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четыре короля и го-
ворятъ: «Кто мой суженой, кто мой ряженой,
тотъ приснишь мнѣ во снѣ.» Суженой снится во
снѣ, въ видѣ какого нибудь короля.

ДОПОЛНЕНІЯ.

(Къ стр. 34.)

Книги Сивиллѣ, извѣстныя нашимъ предкамъ, доселѣ сохраняются въ спискахъ, различныхъ по содержанію и по составу. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на эти списки.

1. Троицкій списокъ: о Сивиллахъ, колпко ихъ было. Исторіографъ, Н. М. Карамзинъ полагалъ, что этотъ списокъ написанъ Максимомъ Грекомъ (Н. Г. Р. т. VIII прим. 241.). Онъ находится въ библіотекѣ Московской Троицкой Лавры.

2. Румянцовскій списокъ, находящійся въ его Музеумѣ, отличается изыскствомъ изображеній Сивиллѣ и письмомъ. Заглавіе его: «Книга о Сивиллахъ, колпка вышла, и кинми нманы и о предреченіихъ ихъ.»

Толстовскіе списки, числомъ семь, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Изъ нихъ:

1. Пророчаніе Сивиллѣ. Списокъ помѣщенъ въ хронографъ отдѣльною статьею на 938 листѣ. См. Росп. Толст. отдѣл. I, № 129.

2. Сказаніе о двупадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ

отдѣльною статьею въ рукописи на 306 листу. См. Росп. отдѣл. I, N° 141.

3) Сказаніе о двенадцяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ въ полуставной рукописи отдѣльною статьею на 177 листу. См. Росп. отдѣл. II, N° 65.

4) Изъ книги мудреца Маркуса о двенадцяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 260 листу. См. Росп. отдѣл. II, N° 140.

5) Изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 237 листу. См. Росп. отдѣл. II, N° 181.

6) Прорицанія древнихъ Сивиллъ, съ разкрашенными ихъ изображеніями. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 413 листу. См. Росп. отдѣл. II, N° 217.

7) Мудреца Маркуса изъ его книги о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 48 листу. См. Росп. отдѣл. III, N° 86.

Списокъ Румянцовскій писанъ на толстой Александрійской бумагѣ, въ полнѣсть, крупнымъ полууставомъ. Заглавные буквы въ отдѣльныхъ описаніяхъ нарисованы золотомъ, а въ срединѣ киноварью. При этомъ списокъ приложены изображенія двѣнадцати Сивиллъ, писанные маслянными красками на холстѣ, съ золо-

тыми полями. Въ концѣ книги, на листу 92, находится слѣдующее послѣсловіе:

«Богу въ Тронѣ славному, благопоспѣшествующему, совершися и издася сія новая книга повелѣіемъ Великаго нашего монарха, Царя и Августа Алексѣя Михайловича, всея Великіа и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ лѣто 7151, мѣсяца Октовріа въ 1 день.»

Судя по этому послѣсловію, кажется, можно предполагать, что эту книгу хотѣли печатать. Эпиграфъ, писанный на оборотѣ заглавнаго листа, объявляетъ побудительныя причины къ изданію:

Сивилля Ернфреа предрече:

Горе, горе тебѣ Гогъ, и всѣмъ вкупѣ рѣдо Магогъ.
Марсонъ и Аггонъ, елика зла вамъ жребій воздасть.

Толкованіе.

Горе тебѣ Гогъ: сирѣчь Скифе, Татаре, Варваре.
Горе тебѣ Магогъ: сирѣчь невѣрный Варваре, Турче.
И тебѣ Марсонъ и Аггонъ: сирѣчь Сарацыне и Арапе.
Жребіи бо вамъ—многія зла всѣмъ невѣрнымъ уготовляется.

Сѣверный уже двоглавный орелъ и благовѣрный
Поразитъ васъ всѣхъ Махметановъ, погановъ,
И оружіемъ креста царства и странъ вашихъ возодождеть.

Содержаніе этого списка слѣдующее: Предисловіе, писанное на 14 поллистахъ, вмѣщаетъ въ себѣ мнѣнія разныхъ писателей о Сивиллахъ; съ 15 поллиста начинается: О Сивилляхъ предглаголаніе. Текстъ начинается:

«Прензрядное видится быти древнее оное верховнаго Аристотеля реченіе, еже пишеть во своихъ Метафісикахъ: се есть вси чловѣцы естественно вѣдати желаютъ желаніе сіе о свѣдѣніи всѣхъ вещей, аще и многообразно бываетъ, обаче Философи въ четыре опредѣленія вопросительная собираютъ, сирѣчь: аще есть? что есть? каково? и чего ради есть? Спещевымъ образомъ и намъ начинать предложеніе наше о Сивиллахъ подобаетъ, яко да чиновниъ и несмѣшена будетъ повѣсть наша. Чиниъ бо святъ есть по Философу всѣхъ вещей. Сего ради, что не чиновно пишется, то зѣло темно и неудобъ разумно является; что же чиновниъ и во своихъ мѣстахъ положено, удобъ разумно и безтрудно есть.

«Во первое убо опредѣленіе философское: аще есть? Спеще отвѣщаемъ:

«Вопрошается во первыхъ: аще есть или бысть Сивилля? Понеже о ней, ниже не суть во естество вопрошеніе, и отвѣтъ не дается.

«Во прошедшая времена убо Сивиллямъ быти и не единой, но различнымъ и различнымъ именамъ нарицаніе явъ есть. Быти же нынѣ жеиъ спещевой Сивилль, аще и не обрѣтается, понеже не требъ есть намъ ихъ.

«Второе опредѣленіе есть: что есть Сивилля! Обычай есть у всѣхъ Философовъ, о всѣхъ вещахъ спросити: что есть? И то имянуется у Грековъ: оросъ, у Латиневъ: дефиниціо, сирѣчь опредѣленіе, или окончиваніе; понеже окончивать существо и естество вещей.

«Мы о Сивиллахъ спеще отвѣщаемъ: Сивилля есть женскій полъ чловѣкъ, дѣвственный, чрезъ маювеніе предречительный; чловѣка бо имянуемъ Сивиллу. Понеже и жѣна, яко Аристотель во Метафісикѣ пишеть: несовершенный мужескій полъ есть, заеъ жѣна студеншій имать и мокротійшій, нежели мужескій полъ

сложеніе. Сего ради скорое ростеть, и скорое исчезаетъ, и разумъ имать мягчайшій и непостоянный. Дѣвственную имянуемъ Сивиллу, понеже дѣвицамъ быти, вси историцы согласно пишутъ, и на дѣвическій чинъ удобно духъ вселяется, яко пишетъ Іеронимъ; предречительную же имянуемъ, понеже вси Сивиллы предрекоша и предреченія ихъ исполнихуся.

«Третіе опредѣленіе: каково есть Сивилла? Гречески Сивилла имянуется: Θεουολη; у Римлянскихъ языковъ пророчица имянуется, сего ради пророчицы Сивиллы нарицахуся. Сама Сивилла Ериореа о себѣ еще рече, глаголють иѣцыи: яко Сивилла ложная и порока есть, сгда же всякая исполнена будутъ, тогда пакы воспомянутъ о мнѣ.

«Четвертое опредѣленіе: чего ради есть Сивилла? Отвѣщаемъ еще: яко да вѣщныя пострамлены будутъ, не токмо Евреи, пророковъ своихъ нынѣ злы толкуютъ, и превращенно разумѣютъ, но и язычии, иже на боговъ своихъ и волховъ великую надежду имѣша. Сиде Родиги въ книгѣ 14 пишетъ: яко Даруиъ Царь изыде отъ острова Самоса, и дщери Пивкра Царя и жены поил, именемъ Нису и Ватио; отъ первыхъ родися ему дщи, именемъ Сивилла, отъ нея же имя то есть всѣхъ уможися и дадеся. Въ древнія времена книги Сивиллы и ихъ предреченія въ сокровищахъ Римскихъ Царей хранишася, яко пишетъ Іоаннъ Зонорасть историкъ Греческій истинный; яко и во сокровищахъ Греческихъ Царей храни быша книги Сивилскія, в нихъ же быша написаны не токмо стихи, но и образы различные челоѡкомъ и звѣремъ.

«Понеже убо злы древле быша тыя Сивиллы, того ради и смущеніе великое есть, не токмо между стиховъ и предреченійхъ, но и между именъ ихъ, яко мудрии вси древніи имена Сивиллы воспоминаху, и въ нихъ же обрѣтается предреченіе. Славнѣйшая и благороднѣй-

шая Сивилля Ернореа, яко ищцыи многолють: тогда нача пророчествовати, егда нача создатися славный градъ Трояда. Многія убо и различныя Сивилли обрѣтаются во исторіяхъ, та же и стихи и предреченія ихъ не исчисленна суть. Сочисляются же между иныхъ Сивилль: Родійская, Сикелійская, Левканійская, Сардинская, та же Сивилля именуется Теспротійская, и Касандра, и Евреинна, и Халдейская, и Ениса, и Оетталійская, и Тараксандра, и Самоня, иже пророчествова, егда Византія создашеся. Многоя-жь тая имена имъ обрѣтаются, понеже кажда отъ нихъ многими и различными имены именуется. Древніи убо вси число всѣхъ Сивилль и имена ихъ на десятое число сочисляютъ; иныи же послѣдніи мудріи даже до дванадцатаго числа ихъ простирають; сего ради и мы послѣдуемъ той проходимый путь, и даже до дванадцатаго числа ихъ простираемъ.»

На 25 полнисть начинается: повѣсть о Сивилляхъ и о именахъ и о прореченіи ихъ. Глава I, Сивилля 1. Персидская. Извлекаемъ описаніе этой Сивиллы:

«Аще убо и многія и различныя Сивилли быша во различныхъ временахъ и странахъ, обаче между всѣхъ древнѣйшая и славнѣйшая Персидская бысть, яже и Халдейская нарицается. Свойственное же имя ей бѣ Самвион, яко Суида во своихъ Лексиконахъ пишетъ, во реченіи Сивилля повѣствуетъ: Персидская же нарицается, понеже отъ страны Персидскіи бысть; иныи же нарицають ее Халдейскою; отъ инокъ же именуется и Евреинна. Отецъ же бысть той Сивилли именемъ: Виросось, иже Халдейскую Исторію написа, мати же ея бѣ: Ериманоя. Ходила во златыхъ ризахъ, зраку была младообразнаго, красотою зело добра. А было прореченіе ея до Р. Х. за 1248 лѣтъ. Книги-жь отъ

нея написаны суть числомъ 24, о всѣхъ языцѣхъ и странахъ объявляюще. Иустинъ Филосовъ, въ словѣ своемъ къ языкомъ, пишеть: сія Сивилла отъ Вавилона родословитися глаголетъ, сущая дщи Вироса Халдеянина; не вѣдаю убо, како она во страну Италійскую во Камбанию приде, прореченіе предглагола, въ нѣкій градъ именованъ Кума, идѣ-же есть бани, сирѣчь теплые источники. Мы-жъ сами пришли въ той градъ, и зряху нѣкое мѣсто, въ немъ же палата Царская велика, изъ единого камня утѣчена видѣхомъ: вещь величайшая и великаго чуда достойная, идѣ-же прореченія оная Сивилла содѣла, яко глаголаху намъ граждане того града, яко они отъ праотцевъ своихъ отъ преданія слышаху. Посредѣ же палаты тоя Царскія показаша намъ три корыта, изъ того же камня рѣзанныхъ, иже исполнены водою, глаголаше: яко оная въ нихъ умывавшеся, и одеждою одѣяная во внутреннѣйшій храмъ палаты тоя входяще. Посредѣ же храма того на высокій степенъ и престолъ сѣде, и прореченіе глагола. Показаша намъ мѣсто то, идѣ-же Сивилла прореченія дѣлаша, и сосудъ нѣкій отъ мѣди сотворенъ, въ немъ же остатки тѣла ея хранитися глаголаху. Во книгѣ же нарицаемой Туркогреціи, о мѣстѣ обитанія тоя же Сивиллы сице пишеть: слѣдуетъ древній храмъ языческій и потомъ озеро, иже именуется Аверитъ, близъ же его, на оную страну, гора предсказать, во той же горѣ пещера сице пространна, яко мало что не въ мило Италіанскую утѣчена есть; въ ней же множайшіе храмы суть малотенли, яко въ нѣкихъ и потствогать возможно. Тамо обитаніе Сивиллы быти глаголють.»

На листахъ 31, 32 и 33 помѣщены стихи этой Сивиллы, а на 35 листѣ начинается описаніе второй Сивиллы: Лівика.

«Вторая Сивилла Лівиканна, или Лівика именуется, поуже отъ Ливіи бѣ, аже есть третья часть вселен-

ния, Африка отъ Латинцевъ именуется, пыль же Барбарія отъ Турковъ речется; была взору средняго и зѣло черна, носъ же всегда въ руцѣ масляную вѣтьвь. Сія Сивилля еще чрезъ стихи глагола:

Прійдетъ день свѣтлости,
И разгонитъ вся темноты,
За вся грѣхи посланъ будетъ,
И на вселенную новый даръ да будетъ,
Прійдите и не ищите темноты и мрака
Солнце сладкозрачное, се свѣтъ изрядно сіяетъ.»

Всѣ эти стихи, сказано здѣсь, выписаны изъ сочиненій Климента Александрійскаго.

На 37 листѣ слѣдуетъ описаніе: Сивилля третій Дельфика.

«Сивилля Дельфика, или Делфійская именуется, понеже во Делфѣи, Греческѣмъ градѣ, родися, идѣже великое и славное волхвище Аполлоново бысть. Свойственное же имя Артемисъ наречена есть. Бысть же прежде Троадскія брани, и писа прореченія чрезъ стихи, отъ нея же большую часть стиховъ Омѣръ, славный стихотворецъ во своихъ книгахъ сложи. Сія Сивилля посяне во своихъ рукахъ всегда вѣтьвь Давидію, сирѣчь Вобковинное древо, имѣла главу связану власы своими, была младообразнаго лица. Бысть же отъ страны Фригіи и во волхвища Делфійская прійде, и еще поя чрезъ стихи:

О Делфѣи служители, далекострѣльному Аполлону,
Прійдохъ азъ пророчествовати Зевсови умъ страш-
нощитному,

Возъярихся бо на своего брата Аполлона.

» Климентъ Александрійскій, во книгахъ своихъ Строматахъ, пишетъ: есть же иная Сивилля Ерпореа, именоватая Ерофилли, сѣ-жъ воспоминаетъ Праклей Поптійскій, во книзѣ своей о прореченіяхъ. Во Делфѣи же показуется камень, на немъ же глаголется перво

сидѣти Сивилѣ, яже отъ Геликона горы пріиде, идѣ-
же отъ Мусы воспитана бысть. Ини глаголють яко
отъ градовъ малыхъ пріиде, и бѣ дщи Ламіа Сидоніа-
нина.

На листу 41 слѣдуетъ описаніе: Сивилля
четвертая Хімерійская.

«Четвертая Сивилля Хімерійская, или Хімерія
имянуется, пожеже въ Хімеріи градъ Италіанскія стра-
ны родися. Климентъ Александрійскій во книзѣ первой
Строматахъ своихъ пишетъ: яко обита въ Римской го-
рѣ, именемъ Кармалъ, и сынъ ея бысть Евандръ, иже
храмъ Пану созда, иже Пауперкалионъ имянуется. Сіа
Сивилля всегда въ рукахъ своихъ цвѣтъ розу нося.
Историцы повѣствуютъ, яко Никифовъ Царь Греческій
посломъ Одопа, Кесаря Нѣмецкаго, спсвое предложе-
ніе между нихъ предложилъ: обрѣтаются ли во ихъ
странахъ Онагри, сирѣчь осли дивіи? Послы же от-
вѣщаху: яко у нихъ, во странахъ ихъ, Онагри не обрѣ-
таются, но токмо славное прореченіе Сивилское есть,
въ немъ же написано: яко Онагри суть Ассиріане и Сра-
цции, сирѣчь Турки, притивъ же тыхъ Римляно-Греки
не могутъ брани творити, яко Ипполитъ Сикеманинъ
согласуется со Сивилскою рѣчию; иже рече: Левъ и
Скиминъ, сирѣчь Левовы дѣти, екуи изогоняють Она-
гру. Вы убо, Греки, Льва мните быти вашего Само-
держца и Скимина краля Французскаго, сѣть же не та-
ко; пожеже вси Онагра толкують Князя Срацциискаго,
его же мы, Французы, во послѣднее время покорити
будемъ. Сіе послы глаголаша.

На листу 43 начинается описаніе: Сивилля
пятая Ернореа.

«Пятая Сивилля Ернореа, яже отъ нихъ имянуется
Ерофиля; родители же ея быша Аномонъ и Ламіа;
ини же глаголють быти отца ея Крінагора, ини же,

яко Ермілъ пишетъ, Θεόδору мать ея имяиуютъ. Сія же Сивилля прорече Грекомъ о Троадской брани, яко Троада погибнетъ и Омръ творецъ ложная писать будетъ. Ерифраеа же имяиуется понеже родися во веси Ериоронъ, иже именовашеся выти, сирѣчь купина, недалеко отъ острова Хіо. Нынѣ же тая весь во градъ устроена есть, имяиуется Ериори. Ииѣи же глаголетъ яко она въ Вавилонъ родися, и того ради Ериореа имяиуется, понеже въ томъ островѣ и веси стихи ея изобрѣтени суть. Многоименная сія Сивилля есть: понеже ея Сицилійскою имяиуютъ, ииѣи же Сардіану, ииѣи же Гергіфу, ииѣи же Родійскою, ииѣи Лівійскою, ииѣи же Левкавійскою, ииѣи же Самію нарицаху. Бысть же она прежде пльнѣя Троадскаго града за 483 лѣтъ. Пишутъ о ней яко житіемъ разумна и честна бысть, послала же въ рукахъ своихъ агница; ииѣи же пишутъ яко въ рукахъ послала всегда мечъ голый и яблоко кругло, яко звѣздами украшено; мечемъ же подпирашеся, а яблоко всегда подъ ноги своя метала; сложила же книги различныя, и видѣ гуслей треугольный во первыхъ она изобрѣте, и многія стихи сложи, обаче между всѣхъ стиховъ ея 33 стихи Простіи суть преславны, иже по своемъ имени, перва краеграііе собираетъ на Греческій языкъ; на Славенскій же языкъ тому быти не возможно, скудости ради стихомѣрія; сего ради и Греческія тыя древнія и истинныя стихи противъ Славянскихъ стиховъ предлагаемъ. Написаны суть стихи тыя изъ древнія харатейныя книги Еллинскія. Аще убо пѣцыи глаголетъ тымъ стихамъ быти Кумейскія Сивилли, мы большей части посльдуюемъ и Ериорен воздаемъ.»

Въ Румянцовскомъ спискѣ написаны Греческія изрѣченія Сивиллы вмѣстѣ съ Славянскимъ переводомъ, на четырехъ листахъ.

На 53 листу слѣдуетъ описаніе: Сивилля шестая Самійская.

«Шестая Сивилля Самійская, или Саміа нарицается, собственное же имя ей бысть Фито и Самопота; Самійская же именуется, понеже отъ острова Греческаго, иже Самось именуется, рождена бысть. Сомось же есть и нынѣ Греческій островъ славный во Вѣломъ морѣ.

«О сей Сивиллѣ писалъ Ератостенъ Философъ, и зѣло ея похваляетъ. Ходила же во цвѣтномъ одѣяніи, и книгу и вѣнецъ терновый въ рукахъ нося. Была до воплощенія Божіа слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Сія Сивилля 9 родовъ человѣческихъ предрече, иже Сивилля Ериореа и Кумеа иначе истолковаша; она сицевый толкъ сложи: яко 9 родовъ человѣческихъ на 9 рудъ отнесе, сирѣчь: 1 родъ золотой, 2 родъ серебряный, 3 медный, 4 родъ оловянный, 5 родъ жельзный, и прочихъ по числамъ рудъ.»

На 57 листу находится описаніе: Сивилля седмая Кумійская.

«Седмая Сивилля Кумійская, иже Амантіа и Ерофиля нарицается, Кумейская же именуется понеже отъ града Кума, иже есть во Камбаніи, во странѣ Италіанской; написа же она многое прореченіе, сего ради и живописуется: посяше въ руку книгу и знамя. О ней пишетъ Авлъ Геллій въ первой книгѣ повѣсти своея, сицевымъ образомъ: Старица вѣкая, незнамая, якъ Сивилля Кумейская быша, ко Тарквинію древнему Царю Римскому три книги, или девять, яко нынѣ историцы пишутъ, принесе. Въ тыхъ же книгахъ написано бысть предреченіе о будущихъ вещехъ и о правилахъ Римскихъ. Цѣну же за оныя книги 300 золотыхъ проси; или яко нынѣ пишутъ: 300 пенязей Филиппійскихъ золотыхъ, иже сочисляютъ 10,000 золотыхъ; нынѣ же пишутъ

яко тысящу златыхъ проси. Царь же Тарквиній небреже о книгахъ тѣхъ, ради великія цѣны. Она же возъярися и при бытіи зрѣнія его сожеже 3 книги. И за прочія книги ту же цѣну проси. Понеже убо она видя отъ Царя яко юрода поругается, пакы нынѣ три книги сожеже. И тую же цѣну за остатнія три книги просила есть. Нынѣ пишутъ яко четьрежды по двѣ книги сожеже и остаея токмо едиша книга. И туюжде цѣну Царь даде единыя книги ради, яже она о первыхъ всѣхъ просила. Царь же видя великодушіе жены три остатнія книги за триста Филиппійскихъ златыхъ купи. И повелѣ тыя книги во Капитоліи сохранить. Капитоліа же бѣ въ Римѣ, славный храмъ бога Зевсова. И повелѣ Царь, яко въ тыя книги во дѣлѣхъ нужныхъ и сумнительныхъ отъ 15 мужей первыхъ изъ Сипклиту смотритися.»

На 71 листу начинается описаніе: Сивилля осмая Еллиспондійская.

«Осмая Сивилля Еллиспондійская, или Еллиспондика, именуется же Еллиспондійская, понеже отъ Еллиспондосѣ Греческія страны бысть; Еллиспондосѣ же есть потокъ или гортань Вѣлаго моря, недалеко отъ Царяграда. Родися же отъ веси Мармисо, недалеко отъ града Троады; бысть же во время Кира Царя и Солона Философа; была до воплощенія Божіа слова за 550 лѣтъ; въ рукахъ своихъ носила класы житнія.»

На 73 листу слѣдуетъ описаніе: Сивилля девятая Фригіаннина.

«Девятая Сивилля Фригіаннина, или Фригіа, яже и Колофонская, отъ града Греческаго Колофона наречеся. Свойственное имя ей бысть: Ламбуса, отъ родословія Камхандо воихва, иже бысть во брани Греческой, противъ града Троады, и о семъ предрече. Обита же и предрече во градѣ Ангирѣ, иже есть во Асіи; въ рукахъ

же своихъ нося всегда голый мечъ. Видѣ же ея бысть старобразенъ, суть же и стихи ея пѣщын древній, проистѣи, ихъ же она написа о девятонеменомъ имени.

На листу 78 находится описаніе: Сивилля десятая Тивуртіа.

«Десятая Сивилля Тивуртіа, или Тивуртина, свойственное же имя ей бысть Альбуна, была же во время Августа Кесаря, до Р. Х. за 19 лѣтъ; родомъ отъ страны Италианскія, носила въ рукахъ своихъ вѣтъ Финиковую.»

На листу 82 слѣдуетъ описаніе: Сивилля первая-надесять Египтіанна.

«Первая-надесять Сивилля Египтіанна, или Египтіа, именуется же Египтіа, поуже же во Египетскій странъ родися, свойственное же имя ей бѣ: Агриппа, или Тараксандра; носила же въ рукахъ своихъ книгу; возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ.»

На листу 86 находится описаніе: Сивилля вторая-надесять Евроеа.

«Вторая-надесять Сивилля Евроеа или Европанна, свойственное же имя ей бысть Самонеа, была до Р. Х. за 153 лѣта, лицомъ красна, ходила во златомъ одѣяніи, власы имѣла распростерты, носила въ руцѣ своей книгу и скипетръ.

«Сія Сивилля о пѣщеніи Царяграда отъ Италиановъ и Французовъ предрече чрезъ сѣи стихи:

Сыновъ Ели слава во Византію прійдетъ.

И Еллина будутъ во мягкой силѣ,

Даже до льва ногъ шестьдесятъ,

Даже до того времени, яко пищу его медведь поелъ;

На сего же медведя набрегаемый орелъ возрѣтъ,

И орла козель осытитъ и птица орла низвержетъ,

И нѣкое знаменіе великое будетъ:

Собраніе во Адриадское море,

И подъ слѣпымъ вождемъ козу изгонитъ,

Византію осквернить, и козель большое не возопіеть,

Ниже алекторъ возгласитъ,

Даже егда шестьдесятъ и три поги

И девять перстовъ сочислется.

«Сіа стихи знаменуютъ пришествіе Французовъ и Венеціановъ, егда Царьградъ пльниша. Толкують ся же сице: яко Римское Царство преведено будетъ отъ великаго Константина во Византій и пребудеть во мирѣ, даже до времени Греческаго Царя Мануила, иже поживе шестьдесятъ лѣтъ. Егда убо дѣти его оскудѣють, и Андроникъ къ себѣ Царство привлечетъ, и Исака внука Мануилова, иже ни въ чемъ сочисленъ бѣ. Прежде Андроникова сына убіетъ и Алексіа брата Исакова, великою брадою преукрашенна, навѣтуетъ, и ослѣпитъ и во темницу затворитъ, отъ связанія же разрѣшится связанный Алексій, и ко владѣтелю Адриадскому Бѣлаго моря пойдетъ, и Венеціаны съ Французы совокупленіи будутъ, и корабленачальствующему Дандулу, его же лукавство Мануила Царя ослѣпи, и во Грецію приидутъ, и Византіемъ возвладѣють, и Грековъ отъ Царства отгонятъ, и тогда ниже Царь будетъ. Но Французъ, иже яко козель толкуется, и ино глаголательно наречется, и пребудутъ Гречы впѣ отъ Царяграда 63 лѣта и 9 мѣсяцъ.

«Сіа вся исполнися тогда, егда Царьградъ отъ Французовъ пльнися. Паки сіа же Сивилля произвѣстова, яко во время пльненія Царяграда отъ Турковъ кроволитіе неисчисленное будетъ, и о семъ чрезъ сіа стихи прорече:

Не умолчу, но объявлю умъ отца

Словеса безмертнаа тѣмъимъ вѣдати:

Оракіа родитъ великій вредъ.

Родъ же ся исть далеку,

И возбодитъ чадо злое, и злая рана будетъ,

И зѣло возпухнеть и скоро раздерется

И великая кровь возтечетъ.

«Сія стихи предзнаменоваша плѣненіе Цареградское отъ Суктана Мехмета Турскаго и кровопролитіе, яже тогда неисчисленное бысть.»

Обращаемъ вниманіе на три Толстовскіе списка, замѣчательные уже только по переводу и по языку.

Въ третьемъ Толстовскомъ спискѣ, писанномъ полууставомъ, въ XVII вѣкѣ, помѣщено о Сивиллахъ:

«Сіи пророчествоваша въ различныя времена до Р. Х.; аще суть и невѣршии, но чистаго ради житія ихъ открылося имъ земныхъ ради глаголати предбудущая.

«Первая Сивилла, именемъ Персика, яже отъ Перскія страны бысть, ходила во златыхъ ризахъ или одѣяніи, зрака была младообразнаго, красотою зѣло добра, а было пророчество ея до Р. Х. за 248 лѣтъ.

«Вторая Сивилла, именемъ Любика, яже отъ страны Африкійскія, отъ града Любека. Взору средняго, ходила въ зеленомъ вѣицѣ, а была радостна, и смѣялася всегда.

«Третья Сивилла, именемъ Дѣлвика, была младообразнаго лица, ходила во одѣяніи черномъ, имѣла главу обвязану власы своими и въ рукахъ всегда носила воловій рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хивика, или Химера, родомъ страны Волоцкія, ходила распустивъ власы свои, въ синемъ одѣяніи.

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила во цвѣтномъ одѣяніи и мечъ голой подъ ноги метала, а была до воплощенія Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Шестая Сивилла, именемъ Демофила, была старообразна лицомъ, ходила въ простомъ одѣяніи.

«Седьмая Сивилла, именемъ Елнеспона, была въ Гройдикой странѣ, возраста средняго, ходила въ простомъ одѣяніи, а была до вполнощенія слова Божія за 530 лѣтъ.

«Осмая Сивилла, именемъ Өригіата, была отъ града Трон, до Р. Х. за 1005 лѣтъ; лицомъ была старообразна, и правомъ гнѣвлива, а ходила просто, власы свои роснуetsy.

«Девятая Сивилла, именемъ Европія, была до Р. Х. за 155 лѣтъ, лицомъ красна, ходила во златомъ одѣяніи.

«Десятая Сивилла, именемъ Тыбуртыня, родомъ страны Волоцкія, ходила въ красномъ одѣяніи, а на главѣ своей носила козловую кожу, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ.

«Первая-надесять Сивилла, именемъ Агрифа, возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ, и прижавъ держала къ груди руцѣ свои.

«Вторая-надесять Сивилла, именемъ Естрія, или Ерофмія. Пишутъ о ней, что житіемъ разумна была и честна, а ходила въ черномъ одѣяніи, а въ рукахъ всегда носила мечъ голой и яблоко кругло, аки звѣздами украшено, мечемъ ся подпирала, а яблоко всегда подъ ноги себѣ метала, а была въ лѣто Гедсона Судьи, иже во Израиль.»

Шестой Толстовскій списокъ, писанный въ XVI вѣкѣ, полуустановомъ, не имѣетъ ни заглавія, ни начальныхъ листовъ. Первый листъ представляетъ изображеніе Сивиллы, писанное, какъ и всѣ другія, самымъ грубымъ образомъ, водяными красками. Описаніе начинается съ 414 листа:

«А была всеродовичъ, ходила въ червчатой одеждѣ, руки пріимаючи къ сердцу, кабы задумалася, писала, что есть, такъ се полюбилъ, чтобы ее слово тѣломъ стало, что человекъ уродился, а грѣшники вмѣстѣ были.»

На оборотѣ этого же листа находится изображеніе второй Сивиллы, также безъ подписи, а на 415 листу описаніе:

«Изъ всѣхъ лучши была. Про тою сказывалъ Аполлodoreусъ Ерытрейсь, что изъ его города посадскаго челоука женка была; писала та много о городѣ Троѣ, что было тому городу взяту быти, и вынустошену. Ходила въ хитонѣ одѣяніи, была всеродовичъ и кручнопита; а подѣ погами яблоко кругомъ звѣздами, тѣмъ образомъ, что небо.»

На оборотѣ 417 листа находится третье изображеніе Сивиллы, съ подписью сверху: Персенка:

«Персенка наречена быть, родомъ изъ Перскіа земли, которая была въ третьемъ вѣку свѣта, какъ пишетъ о ней Философъ Мирайдиме, до Р. Х. за 1248 лѣтъ. О ней писалъ Философъ Никаноръ Греческін, которой великаго Александра дѣяніе писалъ: ходила въ золотомъ одѣяніи, свѣту умилново и хороша лицемъ, была молодца, красоту свою съ чистотою держала.»

На оботѣ 419 листа находится четвертое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 418 описаніе:

«Того для ее называютъ Либикою, что была изъ Либіи и изъ Африки, въ тѣ поры, какъ Персенка, и оней говоритъ книжникъ Еврипидеъ: была всеродовичъ, ходила въ вѣнцу цвѣту зеленого, въ ризѣ бѣлой и въ честной сѣднѣ, была весела.»

На оборотѣ 421 листа находится изображеніе пятой Сивиллы, безъ подписи, а на 420 описаніе:

«А зовутъ ее потому, что и она въ костелѣ Аполлономомъ уродилась, у Дельфу, то шала, а не та, которая

людемъ чрезъ черту указывала, была она въ третьемъ вѣку свѣта до Троянской войны, и та Троянскую войну прежде объявила, и сказала, что королевство Троянское будетъ разорено. Но той Сивиллѣ писалъ Кризиппъ во во своихъ книгахъ, что она, будучи молода, ходила въ черномъ платьѣ, обвѣзавъ волосы около главы, а въ рукахъ держала рогъ. А иные пишутъ такъ объ ней: что и сватался на ней король, имя ему Отреусъ, и посылалъ къ ней кубокъ золотъ въ поминкахъ, и она за него не похотѣла, и не пошла.»

На оборотѣ 423 листа находится шестое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 424 описаніе:

«Сивилла Хелеспоньска родилася на Троянской вѣтчинѣ, въ мѣстѣ Герціомъ, въ тѣ поры жила, какъ былъ Цырюсъ король Перскій. Была жепцина стара, не хороша, въ простой одеждѣ, охульна. О той писалъ Хераклидъ Понтыкусъ.»

На оборотѣ 425 листа находится седмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 426 листу описаніе:

«А была-со Орадъи, гдѣ была Троя, а была стара, кручиновата, жалостна, ходила оголивъ плеча, распустивъ волосы, голову наклоня, пальцемъ указывала.»

На оборотѣ 427 листа находится осмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 428 описаніе:

«Пишутъ о ней се, что родилась во второмъ вѣку свѣта до Р. Х. за 2000 лѣтъ, при философѣ добръ ученомъ, невѣрномъ, имя ему Трезмисъ Гитана, ходила нарядно и хорошею наметкою голову покрывъ, а подъ погами мечъ имѣла безъ поженъ, для того знаменни, что бити войнамъ на свѣтъ. О томъ писалъ фило-

сотъ Еростотарнессъ, что нашель въ ея книгахъ о Александръ Македонскомъ.»

На оборотъ 429 листа находится девятое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 430 описаніе:»

«Умѣя Сивилла, или Демофила, невѣдомо откольва была, а была она въ четвертомъ вѣку свѣта. Была стара, ходила въ платьѣ простомъ, не хороша лицомъ была, а взглядъ былъ кручинноватой. Та одного часу пришла до короля Тарквиніуса, и принесла ему девять книгъ писаны на хараты, а говорила ему, чтобъ онъ купилъ книги. И спросилъ ее король: что за нихъ хочешь? И она ему молвила: триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся. И она сдѣлала огонь предъ его очами и сожгла ихъ трои книги. И молвила опять королю: король, купи ты другія трои книги? И пыталъ ее. Молвила ему за триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся, и думалъ, что она шальна. И она другія трои книги сожгла. И молвить опять: король, купи ты трои книги; будетъ тебѣ послѣ того жалъ. И попыталъ ее, что дать. И молвила: триста золотыхъ великихъ. Король видѣлъ ея крѣпость и мудрость, что хотѣла остачины трои книги сжечь, и далъ ей триста золотыхъ, а книги взялъ. И какъ сталъ въ нихъ честь, и тужилъ о томъ король, что всѣхъ не купилъ, и схоронилъ тѣ книги.»

На оборотъ 432 листа находится десятое изображение Сивиллы, а на 433 описаніе:

«А се родилася во Уропѣи до Р. Хр. лѣтъ за 133, была возраста хорошаго, плоти румяной, лицомъ чиста, ходила въ золотомъ бархатѣ.»

На оборотъ 433 листа находится одиннадцатое изображение Сивиллы, безъ подписи, а на 434 описаніе:

«Напослѣднейшая та была родомъ изъ Италіинскія земли, только до Р. Х. была въ Римѣ за 19 лѣтъ, при Октавіанѣ Цесарѣ. О той-то Соликусъ пишетъ: коли Римляне хотѣли хвалить Цесаря Октавіана, что при немъ былъ покой во всемъ свѣтѣ, и хотѣли другой костель поставити ему. И позвалъ къ себѣ Сивиллу Тибуртинну, и сказалъ ей туръчь. И она у него просила сроку до трехъ дней не сказывать ему. Пишутъ: ходила она въ красной одежи, а кожу козлову носила на плечахъ.»

«Пятый Толстовскій списокъ, писанный скорописью въ XVIII вѣкѣ, содержитъ въ себѣ краткія выписки изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Выписываемъ:

«Первая именемъ Персика отъ страны Персидскія, ходила во златомъ одѣяніи до вѣку своего въ доброй красотѣ, за 1148 лѣтъ до Христова воплощенія.

«Вторая Сивилла изъ Авривіи, града Любека, имя ей было Любика, а была вѣку ередняго, ходила въ вѣнцѣ зеленомъ, а всегда была радостна, смѣялася.

«Третья Сивилла имя ей Делѣика, а была молодообразна, ходила въ черномъ одѣяніи, обвязавъ свои власы около головы своею, а въ рукахъ своихъ носила рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хибика, или Химера, родомъ Словенской земли, ходила въ синемъ одѣяніи, и власы распустила.

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила нарядясь цвѣтно, а мечъ голою подъ ногою метала.

«Шестая Сивилла, имя ей Демофила, стара и ходила въ простомъ одѣяніи. Пришла къ Царю Тарквинію 9 книгъ, чтобы у нея тѣ книги Царь купилъ. И Царь спросилъ у нея: чего за книги хочешь? И она сказала цѣну 3 ста золотыхъ великихъ. И царь тому посмѣялся. И она сожгла три книги. И о тѣхъ книгахъ го-

ворила Царю, чтобы у нея Царь и остаточныя 6 книгъ купилъ, а просила ту же цѣну. И Царь ей опять посмѣлся. И она сожгла другія три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила Царю, чтобы у нея купилъ послѣднія 3 книги, а дать бы ту же цѣну, а не дать на нихъ тѣхъ златыхъ великихъ, и она и тѣ сожжетъ. Царь же удивился тому, и призва философовъ, и вопросилъ ихъ о книгахъ тѣхъ: который разумъ имѣютъ? Они же сказали Царю, что тѣ книги прореченія Сивиллы, разумъ великъ имутъ о ближнихъ дѣлахъ и нашему учению. Царь же много оскорбился о сожженіи ради книгъ, и повелѣ ей дати цѣну, еже сперва просила.

Седмая Сивилла Елліспонтійская была съ Троиской земли за 53 лѣта до Р. Х.; а была женщина простая, ходила въ платьѣ простомъ.

Осьмая Сивилла именемъ Оригія. И та была отъ Тройска града, была стара, кручинновата, сердита, ходила власы распусти.

Сивилла девятая была въ Европѣ за 153 года до Р. Х. ростомъ была красна, а ходила въ золотѣ.

Десятая Сивилла именемъ Тибуртина, была изъ Волотъ, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ, при Октовіанѣ Царѣ, ходила въ красномъ одѣяніи, а носила на главѣ козловую кожу.

Первая-надесять Сивилла была средняго вѣку, ходила въ красномъ одѣяніи, руки держала на грудяхъ.

Вторая-надесять Сивилла, именемъ Еритрія или Ерофиля, была всехъ честнѣе, а была еще при Израильстѣмъ Судѣ Гедсонѣ, средняго вѣку, а носила платье черное, кручинна обычаемъ была, а въ рукахъ носила голой мечъ, и подпиралась имъ, держала яблоко круглое со звѣздами.

(Къ 124 стр.)

Антоній Дюборъ въ сочиненіи своемъ: Dictionnaire des menages—repertoire toutes les connaissances usuelles, Paris, 1836, Tom. I, pag 13, говоритъ:

Sator arepo tenet opera rotas. Le laboureur Arepo conduit avec soin la charrue.

Sator

Arepo

Tenet

Opera

Rotas.

De quelque côté qu'on lise, on retrouve constamment les mêmes mots.

Въ одномъ сборникъ Румянцовскаго музеума, писанномъ въ XVII вѣкѣ, на стр. 65, находится изображеніе этихъ словъ, названное:

«Сія печать премудраго Царя Соломона, протолкованая отъ мудраго инокъ ритора. Толкъ же ея сие: расположися, яже здѣ, ниже сего предложися. Зри опасно, увѣждь извѣстно.» Въ срединѣ страницъ изображенъ кругъ, въ кругу четвероугольникъ, раздѣленный на шесть квадратовъ, въ каждомъ квадратъ помѣщено по одной буквѣ, написаныя красными чернилами. На оборотѣ страницы въ 25-ти стихахъ приложено объясненіе.

Alfred Tennyson

Beauchamp

14

~~WTE 44~~

~~11 907~~

2850u.

>

В. И.
КЛОЧКОВ
С. ПЕТР.
ЛИТЕЙ. ПР. 55.
КИСЛОРОДАВЕЦЪ-АНИКВАРИ

